

АННА ЗМЕЕВСКАЯ
АЛЕКСАНДРА ГРИНБЕРГ

САМОЕ

черное сердце

Annotation

Никогда не принимай даров от сидхе! Румяное яблоко непременно будет отравленным, красивое колечко наградит жутким проклятьем, а прелестное дитя фей вместо крылышек отрастит острые зубы.

Ну да, прелестной я сроду не была, зато зубищи всем на зависть. И о злобной, алчной натуре вороватых феек я не понаслышке знаю. Потому и убиваю их без всякой жалости... А, нет, не убиваю. Трудновато прятать трупы, когда новый шеф дышит тебе в затылок. Буквально. И клыки у него, кстати, побольше моих будут.

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [5](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)

- [31](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [Конец](#)
-

Самые паршивые вызовы прилетают под конец дежурства. Всегда. Железное, чтоб его, правило. И вот даже в голосе диспетчера неизменно читается обречённое: «Прости, милая, я всего лишь озвучил неизбежное!»

А ты такая: «Да не, всё нормально, бро, уже лечу!» — но в уме снова прикидываешь, не пора ли наконец сменить работу.

Не то чтобы мне больше некуда податься. Когда-то я думала связать свою жизнь с музыкой. И из Магистерии до сих пор каждый год шлют приглашения — окажите нам, мол, такую-сякую честь и тащите свой зад в Нью-Аркадиан, а то мы тут помираем без расширенного курса фейрилогии.

— Сидхе, — пробурчала я, выжав педаль тормоза. — Сид-хе.

Не любят бессмертные твари из Сида этого новомодного словечка — «фейри». Негативная коннотация. Жалкая попытка людей высмеять то, что пугает их пуще всякого вампира или оборотня. Не любят. И эта неприязнь в моей крови, как бы ни пыталась я откреститься от такого со всех сторон паршивого родства. Скольких бы фейри я ни убила.

Ехать пришлось аж в Ривас-Валли — минут сорок от центра на хорошем ходу. Глухомань ещё та, но чистенькая, прилизанная. Благопристойная, вот. Домишко, у которого я припарковалась, и вовсе смахивает на декорацию к какой-нибудь пропагандистской фигне про традиционные ценности. Однако даже из машины я слышала отчаянный плач женщины, тихую ругань мужчины и тоненький скулёж младенца. И вот совсем не хотела выходить на улицу. А что, имею право! От холодов в Алькасаре, конечно, одно название, но когда твоя обычная температура — ровно тридцать шесть градусов по Андресу, то тепла много не бывает, так что.

Ладно, Киро, соберись. Ты не сможешь откладывать это до бесконечности. И работу сменить тоже не сможешь.

Пока я брела к увитому плющом крылечку, мужчина уже успел выйти из дома и закурить.

— Классная тачка, — протянул он. — Неплохо у нас охотничкам платят, а?

Я с сомнением покосилась на свою чернильно-синюю «Долору». Ну да, гибридка, чтоб и красиво, и мощно, — не самое дешёвое удовольствие, но до представительского класса далековато будет. Примерно как отсюда до Греймора, угу.

— Могли бы и побольше, — пробормотала в итоге. И чисто для проформы посверкала значком. — Маршал Киро Хаттари, паранормальный отдел. Мой годовой оклад можем обсудить после того, как я составлю протокол происшествия. Сэр.

Мужик хмыкнул, недоверчиво дёрнул рыжеватой бровью — какая, мол, из тебя Киро, да ещё и Хаттари? Обычная реакция, давно уже привыкла. Вэйданские женщины — миниатюрные, тоненькие, с гладкими чёрными волосами и характерным лисьим разрезом глаз. Я же с виду обычная калытская девица. Ну, алькасарская, если постоличному. Ростом чуть выше среднего, белокожая, голубоглазая. Не рыжая, правда, но рыжих тут ещё после южной экспансии изрядно поубавилось.

Майкл Кинни — так, если верить диспетчеру, зовут любителя классных тачек и бестактных замечаний, — как раз из этой породы. Рыжий. И неприятный до жути, но это уже с его мастью никак не связано. Просто бывают такие люди, при одном взгляде на которых понятно — скользкий тип.

Докурив, он неохотно впустил меня в дом и отвёл в гостиную, где хорошенькая, но жутко зарёванная светловолосая девушка баюкала ребёнка, укутанного в вырвиглазное оранжевое покрывальце.

— Брось ты эту гнусь, идиотка, — буркнул Кинни, подарив младенцу неприязненный взгляд. — Всё равно ж не затыкается. Вы, бабы, любую погань норовите на груди пригреть!..

— Спокойно, мистер, — вмешалась я, видя, что девушка уже готова залить слезами без того хнычущего младенца. — Это просто ребёнок. Он не виноват, что его притащили сюда.

Как не была когда-то виновата и я сама. Но моего папашу это не смущало.

— Да хрен бы на этот кулёк, но... но... дорогуша, эти долбанные феи сына моего уволокли! Вот на кой он им сдался?!

— Вариантов много, мистер Кинни, и ни один вам не понравится. Позвольте мне?

Последний вопрос был обращён к девушке. Та хлюпнула носом, но, помедлив, всё же передала мне ребёнка. Которого я приняла, увы, уже привычно.

В нашем округе похищение младенцев — рутина. Нечто сродни пьяным дракам и домашнему насилию. Потому что долбаные феи, да.

Сидхе. Сид-хе.

— Давай, бро, не шуми, тебе и так здесь не рады, — протянула я, укачивая ребёнка — симпатичного щекастого малыша с вихром светлых волос на макушке.

Хороший гламор. Но далеко не идеальный, раз уж чета Кинни так быстро обнаружила подмену. Я же вовсе без труда смогла разглядеть и бледно-золотую кожу, и чёрные впадины глаз, и крошечные, едва прорезавшиеся рожки почти у самой линии роста волос.

Наполовину Летний и наполовину Зимний. Алриг. Уже третий за последние два месяца. И гламор наложен одной и той же рукой. Твёрдой, но небрежной.

Тихонько напевая на сидднахе, я дождалась, пока подменьш уснёт, и передала его девушке

— та тоже притихла, наблюдая за мной чуть любопытно и даже с толикой уважения.

— Уложите его, миз Кинни, а я пока побеседую с вашим супругом.

— Какой сервис, — хмыкнул тот самый супруг, едва я обернулась к нему. — Так ты коп или нянька?

Тьма меня сожри, и как такая милая девочка могла запасть на этого типа? Не иначе контрацепция подвела. Понимаю, у него похитили ребёнка, и тут не до хороших манер, но... что-то он не выглядит особо убитым горем. Не удивлюсь, если уже мысленно заделывает нового сынишку.

Я улыбнулась, демонстрируя мистеру Мудаку четыре пары клыков и заставляя его нервно дёрнуться на месте.

— Для вас я маршал Хаттари. Теперь можем мы наконец перейти к делу?

Кинни после моей маленькой демонстрации заметно присмирел. Вот только доверия у меня к нему не прибавилось, скорее даже

наоборот. Автомеханик, значит? Вышел с работы в шесть, потащился с друзьями в «Мэлоун» и. И что же ты позабыл в «Мэлоуне», дружочек? Место, прямо скажем, не для работаг с женой и маленьким ребёнком. Как и любой вампирский гадюшник.

Если только ты там не на правах закуски.

Машинально принюхалась. Сладкий аромат с нотками соли и железа тут же ввинтился в ноздри, навевая идиллические мечты о стейках слабой прожарки. Кинни кому-то давал кровь, это точно. Слюна вампиров содержит коагулянт, и если проколы до сих пор не закрылись — значит, куснули совсем недавно.

Ладно, само по себе это ничего не даёт. А вот стрёмное поведение безутешного (нет) папаши подкинуло уйму пищи для раздумий. Надо бы выходным вечером прошвырнуться до этой его вампирятни.

Разговор с Мирандой Кинни только укрепил мои подозрения.

— Майкл никогда особо не рвался проводить время со Стиви, — негромко произнесла она, покосившись на дверь детской. Её глаза, сильно покрасневшие и опухшие от долгого плача, снова повлажнели. — Он не был готов стать отцом; я решила дать ему время и не навязываться, но. Теперь мне кажется, его вообще не волнует, что наш сын пропал. Как будто. будто он ждал такого поворота событий.

— Хотела бы я вас разубедить, миз, — со вздохом отозвалась я, подойдя к детской кроватке и глядя на тихо сопящего подменыша. — Всё же не стоит делать поспешных выводов: люди по-разному ведут себя в стрессовых ситуациях.

Говорю и сама себе не верю. Мысли потянулись прочь отсюда, к старому вычурному зданию Железного Чертога. Туда, где маленький Рэн наверняка давно уснул, так и не дождавшись меня, дурищу.

Нет, Миранда права. Пропади мой ребенок у меня из-под носа — и весь грёбанный Запад уже искал бы пятый угол.

— Вы ведь найдёте моего Стиви, маршал Хаттари? — спросила Миранда охрипшим, но полным надежды голосом. — Говорят, вы одна из... вы единственная, кто это может... Прошу, спасите моего малыша от этих монстров!

Мне бы впору обидеться, ведь я сама человек лишь наполовину. Но она права. Сидхе — монстры. Чванливые психопаты, самозванные боги древнего мира. Они бы давным-давно перебили и сожрали всех нас, если бы Железный Закон не сковал их по рукам и ногам.

— Клянусь вам, я сделаю всё возможное, чтобы Стиви вернулся домой.

Миранда кивнула и, утерев глаза, склонилась над спящим ребёнком.

— Мне. наверное, мне стоит дать ему имя? — уточнила она неуверенно. — Не могу же я звать его Стивом, он не. он другой.

О, Тьма. Она реально хочет его оставить.

— Миз, это ребёнок с особенностями. Возможно, лучше будет отдать его в Железный Чертог и.

— Не забирайте его! — взмолилась Миранда, резко повернувшись ко мне и снова залившись слезами. — Пожалуйста, маршал. мой сын пропал, похищен нелюдями! Поймите, этот мальчик — единственное, что не даёт мне сойти с ума!

О, милая, уж я-то понимаю. Да только он не всегда будет милым кулёчком и ещё сведёт тебя с ума, когда вырастет в социально неловкого полуночника с пагубной тягой к чёрной волшбе и воровству всего подряд. Мне ли не знать? Я сама такая.

Ну да не факт, что добрая душа Миранда Кинни не откажется от мелкого пакостника уже через неделю. Хотя. моя мама не отказалась. Но таких, как она, единицы.

Как бы то ни было, у нас на Западе по сей день действует замшелый Статут о подмене — если заполучил на свою голову крошку-фейри, можешь оформить над ним временную опеку чуть не в тот же день. А вот если решила усыновить из приюта — получи-ка хрен за воротник, Киро-чин. Слишком молодая, слишком не замужем, слишком много работаешь и вообще рогами не вышла.

Ладно, не обо мне сейчас речь.

Кинни, узнав, что подменыш никуда не съедет (возможно, даже лет до восемнадцати), пришёл в бешенство.

— Мы так не договаривались, дорогуша! — рявкнул он, побурев от злости чуть не в тон своих рыжих лохм. — Забирай-ка отсюда фейский подарочек! Я с этой поганью в одном доме не останусь, ясно?!

— Тебя никто здесь и не держит, Майкл, — отбрила его жена, внезапно показав, у кого в этом семействе на самом деле есть яйца. — Ребёнок не виноват в случившемся. Просто игнорируй его; с нашим сыном у тебя это хорошо получалось.

— Это тебе не игрушечный пупсик, долбанутая ты баба! Избавься от сидского отродья. А если нет, так я придушу гадёныша, пока спит...

Он заскулил как побитая псина, когда я сгребла его за грудки измятой рубахи и с силой впечатала спиной в дверь.

— Только попытайся выкинуть что-то подобное, человек, — выдохнула я, ласково улыбнувшись. — Подыхать будешь неделю, никак не меньше.

— Ты. ты же к-коп! — проблеял Кинни почти жалобно.

— Не-а. Не та контора, приятель. И даже если я не намотаю твои кишки на ближайшее деревце, за сидское отродье ты присядешь как за обычного младенчика. Имей, твою мать, в виду.

Он вроде проникся. Хотя можно было ничего и не говорить: парень наверняка чуть не обделался, стоило ему во всей красе узреть четыре пары клыков и глаза сидхе. Два жутких черных провала, а вместо радужек — яркие пурпурные искры. Та ещё крипота; я сама, как впервые увидела их в зеркале, далеко не сразу привыкла.

К Миранде я повернулась в обычном своём виде, голубоглазом и вполне безобидном.

— Возьмите, миз, — протянула ей одну из визиток, что приучилась носить во внутреннем кармане куртки. — Вас скоро навестит соцработник при Железном Чертоге, но если что-то понадобится — звоните. В любое время. И я приду.

Последние слова произнесла с нажимом. Чтобы мистер Мудак точно понял: они предназначены именно для его ушей.

Я уже ехала по проспекту Стил-Роуд, соединяющему округа Перл и Айрон, когда в кармане завибрировал комм. Вот даже на экран смотреть не буду. Просто приму вызов, нажав кнопочку на гарнитуре. Да, я за безопасное вождение.

— Киро, — только и было сказано мне.

Алека я знаю вот уж шестнадцать лет как. Достаточный срок, чтобы в одном слове с лёгкостью услышать: «Хаос всемилостивый, как же ты мне надоела!» В ответ лишь кротко и смиренно осведомилась:

— И где ж я провинилась?

— А сама как думаешь?

— Каюсь, каюсь, Алек-чин, — со вздохом сунула в карман свободную от руля руку и нащупала там очередной трофей. — Погремушку свистнула. Надеюсь, у пацана она была не самая любимая.

Клептомания вообще-то поддаётся лечению. У людей. Но я наполовину сидхе, а у них воровство — безусловный рефлекс. Кошки приземляются на четыре лапы, а сидхе тырят всё, что только приглянется. Я, правда, приучилась тащить всякое барахло — конфеты, канцелярку... Проколы случаются, однако в большинстве случаев я успеваю опомниться и вернуть честно сворованное.

— А, то есть угрожать расправой его папаше — это за проступок не считается? Киро, копы так не делают!

— Хорошо, что мы не копы, — огрызнулась я. Пальцы судорожно стиснули руль, на тыльной стороне кисти расцвёл ярко-красный цветок в обрамлении сочно-зелёных листьев. Да, я для окружающих не просто открытая книга, а ещё и с картинками. — А ты всё ещё не моя мамочка, Алек.

— Я твой босс!

— Временно исполняешь его обязанности, кисуля.

Какое-то время мы оба молчали. Я мысленно переругивалась со своей татуировкой (да, страшно весела моя жизнь), чтоб убралась

обратно под одежду, и прямо наяву видела, как сердито мой друг щурит свои зеленущие глаза.

— Что у вас там произошло? — наконец спросил он.

— Сказал, задушит ребёнка, пока тот спит, — поведала ему с нарочитым безразличием. — Знаешь, это моё самое первое воспоминание: отец душит меня в кровати и всё твердит — сдохни, нелюдь, сдохни уже.

А вот теперь Алек реально разозлился — это его злобное кошачье шипение я слишком хорошо знаю.

— Киро, я ведь давно просил шефа, чтобы тебе запретили вести дела о подмене.

— Пока что я единственная, кто для этой работы годится. Такие дела, бро.

Поспорить он с этим не может. И кто бы смог? С огнём типа нужно бороться огнём, клин клином вышибают, ну и прочее в том же духе.

— Чего не спишь? — спросила просто чтобы сменить тему.

— Ложился уже, когда прилетела жалоба от безутешного папеньки. Веселая штука эта форма обратной связи. Ты домой?

— Ага. Только загляну в Чертог.

— Тогда привет котёночку, погладь его там за меня.

Алек поначалу скептически относился к моей идее усыновить Рэна — куда ты, мол, полезла, если тебе в твой тридцатник самой нужен папочка, да построже? Я не обижалась, потому что, в общем-то, он был прав. Не представляю себя степенной матерью семейства, и мой лофт на порядок милее скучного цивильного дома за белым штaketником. Но маленький сварливый крыжовничек умыкнул моё чёрное сидское сердце в первую же нашу встречу. Странное такое чувство возникло — как будто он мой. Не по крови (хотя не исключая, в истинном обличье мы похожи), просто... Просто он мой, какие ещё нужны объяснения?

Что самое забавное, не только я это поняла. Поначалу беспокоилась, что другие дети в приюте начнут ревновать — их тут не так много, и раньше я всем уделяла поровну внимания. Но они только плечами пожимали, озвучивая то, что давно уже стало для меня очевидным.

Рэн — мой.

Жаль только, мудаки из службы опеки явно другого мнения.

— Ох, Киро, как хорошо, что ты здесь! — Адора вылетела мне навстречу, едва я занесла руку, чтобы постучать в заднюю дверь. — Наш крыжовник сегодня кислющий. Зубы, что ли, режутся?..

— До сих пор не спит? — нахмурилась я, ступив в тускло освещённый холл, узкий и длинный, с несуразно высокими сводчатыми потолками. — Седьмой час уже, давно пора.

— Ждал мамочку, не иначе. Тебя-то откуда принесло в такую рань?

— С Риваса, — помрачнев, ответила я. — Опять подменыш.

— И?

— Девчонка вроде хочет его оставить. Кажется искренней, но по ходу сама не так уж давно из пелёнок выбралась.

Она сбилась с шага, но не остановилась, только хмыкнула чуть едко — мол, ну-ну, посмотрим. В такие моменты особенно ясно понимаю, как мне всё же повезло. Я не росла в приюте, как Адора и многие другие подменыши. Да, отец меня ненавидел и боялся, зато его жена приняла и воспитала как родную. Даже если поначалу это была попытка заменить потерянную дочь, мне не на что жаловаться — ни с мамой, ни с её родственниками я ни разу не почувствовала себя ненужной или нелюбимой.

Чужой разве только. Неправильной. Не такой, как надо. Но тут некого винить — это просто в моей крови.

Подменышей нечасто принимают их новые семьи. Это сейчас республиканские власти почуяли выгоду и развели бурную деятельность, интегрируя сидских детишек в человеческие семьи — потому что у фейских полукровок, помимо дурацких рожек и острых ушей, также имеется прорва магической силы. А раньше был только Статут о подмене. Если семья отказывалась от подменыша, он получал фамилию Ферра и оставался в Железном Чертоге до самого совершеннолетия.

Да и после совершеннолетия тоже мало кто уходил. Адора, например, получила образование спецпедагога и вернулась приглядывать за детишками. И многие здешние воспитанники возвращаются. Другой семьи у них нет, а как создать её с кем-то нормальным — они не знают. Их никто не учил.

Рэн к моему приходу явно даже не пытался уснуть. Сидел в своей кровати, вцепившись в прутья, точно заключённый за решёткой, и тихонько хныкал. И всем видом давал понять, что он самый несчастный крыжовничек на свете. У него, кстати, прекрасно вышло: я миг ощутила себя сволочью и предательницей.

— Ну чего сырость развёл? Иди сюда, — со вздохом вытащила его из кровати и любовно прижала к себе. — Скучал по мамочке? Уж надеюсь, я-то по тебе — даже слишком!

— Ма! — согласно пробубнил Рэн, хлопнул меня по щеке крохотной ладошкой. Его несносно красивые глаза — зелёные-зелёные, как спелый крыжовник, и с длиннющими черными ресницами, — ярко вспыхнули золотом. Бледная кожа на краткий миг тоже окрасилась нежной зеленью; в волосах мелькнули рожки, пока ещё до нелепого короткие и толстенькие.

Да, рано он свою сущность почуял. Сильным чародеем вырастет, это точно.

— Кто всю ночь терроризировал Адди, мелкий ты пакостник?

— Ди-и!

Он радостно помахал кулаком в сторону Адоры. Та, улыбаясь, махнула ему в ответ.

— Видят боги, Киро, это твой родной сынок, — фыркнула она, когда Рэн с восторженным воркованием свистнул у меня из кармана ключи и принялся ими греметь. — Такой же обаятельный ворюга и любитель груш. Сегодня умял половинку, а пока мы все отвернулись, попытался стащить у Софи ещё ломтик.

— Софи, конечно же, не спустила такой наглости?

— Залепила ему в лоб полной ложкой джема.

— Моё уважение, — усмехнулась я, устроив мелкого поудобнее. — Что, крыжовничек, завёл себе подружку, пока меня не было? Может, подождёшь с этой затеей ещё лет пятнадцать?

Рэн счастливо улыбнулся во весь рот, демонстрируя два крохотных белых клычка. Ещё по одному пробивалось рядом, и в нижней десне, кажется, тоже скоро вылезут обе пары.

Ох, блин. Я, конечно, нечто такое могла предположить и раньше, но сюрприз всё равно не самый приятный. Даже у ребёнка-сидхе клыки не должны пробиваться раньше резцов.

— Лиам его вчера смотрел?

Адора нервно принялась накручивать на палец кончик толстой белокурой косы, и я как-то сразу поняла: услышанное меня не сильно порадует.

— Анализы стабильно показывают анемию, а пульс и температура уползают всё ниже к границе нормы. А ещё у него скоро будет полный набор клыков, если ты вдруг не заметила. Мы и дальше будем это игнорировать?

— Нет, Адди, мы не будем, — заверила я чуть зло, отобрала у Рэна ключи и, пока тот не заревел, шустро подмахнула ворованную погремушку. Не ахти какой дар, но солидная порция моей тёмной силы делает его на порядок привлекательнее. — Мы просто не можем. Даже Лиам скоро сообразит, в чём дело!

— Нам нужен другой врач.

Да, я в курсе. Узкий специалист, берущий кучу талеров в час. И хотела бы я, чтобы проблема была именно в деньгах.

— Я что-нибудь придумаю. Обещаю. Просто держи все свои домыслы при себе, ладно? Не надо нам, чтобы кто-то из немертвой братии заинтересовался Рэном. А именно так и будет...

Адора смерила меня недобрым взглядом, явно собираясь выговорить за эгоизм, собственничество и тупость. И была бы права: здоровье малыша важнее, чем моё нежелание воевать за опеку с возможной роднёй. Но в итоге она просто махнула рукой и ушла прочь, оставив нас с Рэном наедине.

Я устало плюхнулась в побитое жизнью кресло, явно повидавшее молодость моей бабули Тэруко, и крепче прижала к себе мелкого. Он тут же прильнул ко мне, неприкрыто обрадованный возвращением блудной матери. И наверняка совсем не желающий, чтобы я снова бросала его одного в этом гиблом месте. Я и сама не хочу, но вот беда — когда ты не годишься в мамыши года ни по одному пункту помимо годового оклада, получить опеку ужасно трудно. Даже временную. Даже над ребёнком-нечистью.

Даже без легиона клыкастых родственничков в перспективе.

— Не бойся, Риан Гри, — пробормотала я, проведя рукой по волосам Рэна, таким восхитительно мягоньким и буйно выющимся. Поначалу они были светло-каштановые, а теперь скорее тёмно-русые, как мои. Сдаётся мне, позже станут чёрные как смоль. — Не бойся, всё будет хорошо.

Он что-то залепетал, снова засиял улыбкой и потянулся ручонкой к моей ключице — краем глаза я заметила, как пенятся под кожей зачарованные чернила, прежде чем лечь привычным узором. Очередным цветком олеандра. Или чешуйчатой трехпалой лапой. Да, татушка у меня вздорная и долбанутая, мне под стать.

«Не бойся»? Ха, мамочка, ты тут единственная, кто трясётся как заячий хвост.

— Я тебя никому не отдам, — заявила решительно, почти зло. — Никому. Ни вампирюге, ни сидским ублюдкам, ни другому какому клыкастому мудаку. А, Тьма, обещала же при тебе не ругаться! Мать года, блин. Не сдавай меня Адди, и я дам тебе взятку грушей! У нас есть сделка? — Рэн ласково ухнул что-то в ответ. Будем считать, что согласился. — Замётано, крыжовничек.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем Рэн начал клевать носом и наконец-то отрубился у меня на груди. Укутала его сразу в два одеяльца, зачаровала побольше игрушек — чтобы создать иллюзию своего присутствия где-то рядом, — и едва не силком выволокла себя на улицу, во влажную прохладу поздней осени.

Не время мотать сопли на кулак, Киро-чин. Надо хоть немного поспать, прежде чем идти причинять добро и счастье своему родному городу.

Живу я здесь же, в Айрон Дистрикт — всего пятнадцать минут до штаба охотников, а до Чертога и того меньше. Мой квартал раньше был сплошь промзоной, а сейчас немного облагородился и обзавёлся миленьким маленьким парком с видом на реку Эмрод. Место это мне всегда нравилось, и когда подвернулась возможность купить здесь жильё, да ещё и за бесценок, я не колебалась ни минуты.

Правда, «жильё» мне досталось далеко не в идеальном состоянии — шутка ли, вторую сотню лет разменять? Прежде здесь была небольшая швейная мастерская... ну как прежде, лет двадцать назад. Ремонта тут всё не просило даже, а громко требовало. Кучу денег и времени угрожала, но не пожалела ни разу. Зато никаких долбанутых соседей, и места навалом. И отличный вид на реку, особенно на закате. И акустика хорошая. Это важно! Музыкантша во мне, конечно, сдохла и воняет, но всё-таки никуда не делась.

Наконец я заехала в гараж и собралась было подняться наверх, в своё личное царство еды и сна, к легиону разномастных кактусов и

вороху нотных тетрадей. Мысленно уже представляла, какие непотребства буду творить с холодильником, а затем с подушкой и одеялом. Но не тут-то было: в дверь кто-то робко поскрёбся.

И кого, скажите на милость, могло принести сюда в такую рань?

Как оказалось, парнишку-курьера. Который тоже явственно охренел и с времени, и с места. Едва я увидела букет в его руках, сразу захотелось этим шедевром флористики кое-кого отделать. Во-первых, терпеть не могу мертвые цветы. Во-вторых, нет, серьёзно? Опять?! Что за срань творится в прилизанной башке моего бывшего, скажите на милость, а?

Отсыпала курьеру чаевых и отправила восвояси, а сама хмуро уставилась на букет. Невольно ухмыльнулась — по части понтов Виктор превзошёл сам себя. Огненно-красные амариллисы сорта Гвар Брэйт. Самые редкие и ядовитые. А в придачу вот тебе карточка с пафосной цитаткой — не то из «Алой книги», не то из ещё какого сборника сидских сказочек.

«Ибо даже в самом чёрном сердце может расцвести пламенный цветок истинной любви».

Это типа: «я мудак и не лечусь, зато люблю вас великою любовью»? Или скорее: «не говнишь и прощай уже меня прекрасного»? Зная Виктора, скорее второе.

— Какая прелесть, — протянула я себе под нос. — Могло бы даже сработать, хм. но нет, вообще нисколько.

Дорогуший веник улетел прямиком в мусорный бак. Я же с чувством выполненного долга отправилась навстречу судьбе. То бишь завтраку и постельке.

Мысль о том, что букет может быть не от Виктора, мне даже в голову не приходила.

Скажи мне кто недавно, что я добровольно вернусь обратно в Алькасар — непременно посмеялся бы над тем наивным идиотом, открестился бы от такого счастья и купил бы билеты до Греймора, чтобы уж точно ни один порталом не унесло на славный Запад. Но вот он я, заново обживаюсь посреди западной столицы. В здравом уме и трезвой памяти. И даже улицу, на которой поселился, нахожу уютной: она словно вынырнула из далекого прошлого прямо между строгими бетонно-стальными коробками. Занавесочки на окнах развесёлые, с мелкими цветочками, от каких у всякого нормального человека зарябит в глазах. А уж дом мой хоть прямо сейчас лепи на открытки с городскими достопримечательностями.

Комм зазвонил неожиданно, отвлекая от меланхоличного созерцания садика за окном. Ничего особенного, кусты жимолости да шиповника. Но летом наверняка красиво.

— Хорошо устроился? — раздался в трубке насмешливый, чуть хриплый голос.

— Сносно. Любуюсь детской площадкой за окном. И у меня есть сад.

— Сад? — переспросили с наигранным удивлением. — И даже ни одной крохотной могилки? Парочки черепов на заборе? Ну хотя бы забор у тебя есть? Высокий, с острыми пиками?.. Как у твоей родной вампирятни, например?

— Нет, нет и нет. Тэйн, я думал, с шуточками про вампиров мы покончили ещё в столице.

— Так то столица, а это Алькасар! Кто знает, вдруг в тебе проснулась какая родовая память?

— Вот уж вряд ли.

Ну да, вся эта пастораль мне не подходит от слова «совсем». Не мне думать о доме с заборчиком, газоном и палисадником. Ну, разве что лет через триста, когда любое занятие, включая вышивание крестиком и разведение атарийских котят, можно будет оправдать скукой. Однако ж кому-то вроде меня положено разгуливать по старой

крепости с толстыми стенами, любоваться фонтанами на фоне полной луны, читать жизнеописания славных предков, клыком и магией избавляющихся от бездуховных людишек... По крайней мере, именно такой досуг моя родня сочла бы подходящим.

Нет уж, лучше котята. И домик — с занавесочками, кустами жимолости у крыльца и степенными соседями.

Я задёрнул занавеску, взял в руки пакет с кровью. Четвёртая отрицательная, редкий деликатес. но на вкус всего лишь кровь. Металл, сладость и соль.

— Спасибо за подарок. Но в следующий раз лучше без сюрпризов. Моя горничная была не в восторге, когда я открыл коробку при ней.

— Боги, Люк, только не говори, что она приняла тебя за человека! Мы, конечно, сто лет не виделись, но раньше твои клычищи не особо смахивали на проблемы с прикусом.

— Не приняла. Но я бы предпочёл сначала словами рассказать об особенностях своего рациона. Это было бы вежливо.

Я не видел, но был уверен — прямо сейчас Тэйн закатывает глаза и пытается не проворчать что-нибудь насчет моих старомодных замашек. Не иначе как чудом удержался.

Снова приложился к пакету, поморщился — даже в четвёртой отрицательной мало вкусного, если она из холодильника. Хорошо, что я вампир только наполовину и вполне доволен человеческой пищей. Но поискать подходящий клуб всё же стоит. И желательно, чтобы он не принадлежал моей драгоценной (да ни капли) родне.

— К слову о вежливости, — протянул Тэйн, — тебя ждать в гости? У меня завалялась бутылка отличного лахгарского виски. И пара сплетен об Асторнах. Интересует?

— Возможно.

Ну конечно же, интересуется. Отнюдь не из беспокойства об этой семейке. Но знать, какой гадости от них ждать — а гадость обязательно будет, свои клыки ставлю, — я обязан.

Пока терпит. Будь что-то действительно срочное, Тэйн бы уже в красках расписал, что натворила моя родня и как этой информацией лучше распорядиться.

Всё же хорошо иметь своих людей... да везде. Истина, которую я накрепко усвоил, спасибо Греймору и всем Тамритах разом.

— Я загляну на днях. Вот только выясню, сколько головной боли мне оставил прежний главный ликвидатор. Не спейся там без меня.

— Не обещаю, — поспешил расстроить Тэйн. — Вздумаешь сожрать какого-нибудь спиногрыза — всажу кол в сердце

Вроде и шуточка, а всё же сомневаться в угрозе не приходится. Не факт, что Тэйн справится, да и возьмёт не бесполезный осиновый кол, а скорее пистолет, но. В общем, хорошо, что никаких спиногрызов я «жрать» не планирую. Не моя тема. Я бы и без крови обошёлся, если бы мог. Достойной того, чтобы совать в рот, поди отыщи, а вот всякого суррогата в достатке. Не так уж хорошо быть вампиром, если подумать.

Стрелка на часах отстукивала три пополудни — время позднее для человека, но не для ночной твари, — когда я вышел из дома. Даже солнце ещё проглядывает, что поздней западной осенью можно считать чуть ли не праздничным событием, достойным упоминаний в летописях. Не зря эти земли так по душе вампирам. Нет, вопреки глупостям из книжек и фильмов, на солнце мы не горим, не сверкаем и при желании можем даже чуть загореть. Но не любим, факт. По глазам бьёт уж очень сильно.

Я успел забыть, какой здесь воздух. Не морозно-искрящийся, как в Грейморе. Не насыщенный запахами бензина и людских тел, как в Аркади. Влажный из-за двух крупных и несчетного количества мелких рек, по берегам которых расположился Алькасар, пахнувший болотами, когда ветер дует с северо-запада, и лесом, когда с юго-запада. Пропитанный магией из-за близкого соседства с Сидом. Чужой, тёмной, но знакомой всякому, у кого в официальных богинях ходит Тёмная Мать.

Всё же вампиры — жуткие ретрограды и консерваторы. Тянутся к тому, чем жили, будучи людьми. Отсюда все эти шуточки про жабо и бархатные сюртуки, которые зачастую вовсе даже не шуточки. Я, конечно, ни одну из этих раритетных тряпок не напялил бы, но знаю тех, кто напяливает. И даже не выглядит при этом как беглый актёр из местечкового театра.

Каждый раз смешно, стоит представить себя в одном из тех нарядов, что так любит Александр Тамрит. Отрастить приличные кудри, на пояс вместо кобуры нацепить шпагу, и пожалуйста — типичный аристократ из позапрошлого века. А если найти коня,

согласного без оглушительного ржания стоять рядом с такой расписной красотой, — можно запросто

продавать ротозеям-туристам фотографии с собой прекрасным. Эх, не ту я профессию выбрал...

Мы, нечисть, не сильно любим прогулки и людей — слишком много запахов вокруг, что отвлекает, будит охотничьи инстинкты. Но хотелось. Просто пройти, ощутить дух города. Тем более что солнце предпочло спрятаться, да и до работы отсюда совсем недалеко — всего то пройти через Площадь пяти улиц, если мне не изменяет память.

Дурацкое название. Да и улиц, выходящих к площади, всегда было четыре. Но красиво. И шумно. То тут, то там к прохожим цепляется очередной попрошайка; бегают дети, явно уставшие от своих родителей, решивших, что прогулка куда полезнее сидения за персоналкой. И музыканты, куда без них. Серьёзно, не припомню ни одного города, где не нашлось бы этих, хм, представителей современного искусства. Разве что в Моэргрине, но там большую часть года проще примёрзнуть пальцами к лютне, чем на ней сыграть. Кстати, всегда было интересно, откуда бы у нищего уличного музыканта взяться недешёвому инструменту. Своровал? Достался по наследству? Но вместо того, чтобы продать коллекционеру и купить себе пожрать (а порой и сразу дом, коллекционеры — люди странные), пойду-ка бренчать на площади за два талера?

К примеру, вон та девчонка со скрипкой. Уж я-то знаю, сколько стоит хотя бы ученическая — неуважаемый дядюшка Винсент в детстве пытался сдать меня в музыкальный класс. Увы и ах, кривизна моих рук оказалась обратно пропорциональна его желанию сделать из меня скрипача.

Однако даже моих скудных познаний достаточно, чтобы оценить игру. «Бури Авалона» на Западе только глухой не слышал, да как и во всей республике — это известная композиция. И невероятно сложная. Виртуозная. Какой уличный бродяжка сумеет вот так запросто выдавать сложные флажолеты, перемежая их стремительными пассажами? А девица ещё и кривляться успевает, расточая поклоны и ухмылочки так усердно, словно ей за это отдельно приплачивают.

А может, и приплачивают. Невольно покосился на открытый футляр, полный банкнот разного достоинства, — и снова понял, что выбрал не ту профессию.

Сам не знаю, сколько я торчал как дурак посреди площади, глядя на странную скрипачку. И слушая тоже, но. признаюсь, засмотрелся. С такой страстью на лице она играла, так управлялась со своей скрипкой, ловко бегая пальцами по грифу и перебирая струны. Впору вязать пройдоху на двое суток за непристойное поведение.

Или не только за него. Воздух вокруг звенит струнами волшебства — и тьма внутри меня отзывается, вторя их музыке. Той самой, слышной только тёмным тварям.

Что это за хрень? Девушка зашибает денежки на чёрной магии? Не удивлюсь, конечно — собрала она, навскидку, чуть ли не треть моего месячного оклада. Но вот ведь загвоздка: умея творить чары такой силы, ты не станешь развлекать зевак на площади.

Не понимаю, что происходит. Но разберусь непременно.

Наконец, к недовольству нехилой толпы, собравшейся вокруг, скрипачка закончила играть и неспешно раскланялась. Аплодисменты ей дали прямо-таки громовые, и я к ним неохотно присоединился. Просто чтобы не вызывать подозрений.

Возможно, вышло у меня плохо: девчонка безошибочно отыскала меня в толпе и подмигнула на прощание. Выразительно так, чуть ли не похабно.

Будь я лет на тридцать помладше — наверное, даже смутился бы.

Увы для неё, улыбочек от всяких прощелыг я навидался предостаточно. Как и приёмчиков по уходу от преследования.

Вот сейчас она непременно натянет на голову капюшон толстовки. Чуть сгорбится, чтобы скрыться среди прочих гуляк. Направится к метро, ведь если преследователь отстанет хотя бы на десяток человек, можно успеть прыгнуть в вагон подальше и выйти на следующей станции, пересесть на поезд в обратную сторону, а потом...

Прости, девочка, но не с твоей магией пытаться скрыться от вампира. Тем более от вампира, который когда-то семь лет просидел в патруле, прежде чем его повысили до детектива. Стандартная участь любого кровопийцы, выбравшего службу государству.

Справедливости ради, девушка оказалась вовсе даже не глупа. Ну или имела некоторый опыт ухода от слежки. Разок свернула в книжный, ненадолго исчезла из виду, скрывшись за стеллажами, вышла через задний двор, чтобы.

выпить кофе?

Хм, а я ведь с этой незапланированной прогулочкой совсем забыл, зачем вышел из дома пораньше. Но заходить внутрь не стал, хотя на баристу, споро разливающую кофе по яркооранжевым бумажным стаканчикам, тоскливо глянул. Завернул за угол — не сомневаюсь, что и тут найдётся запасной выход, через который моя уголовница (а я даже к работе толком не приступил!) непременно решит скрыться.

Самоуверенность меня и сгубила. Скрипачка не попыталась улизнуть через заднюю дверь, напротив — вырулила из-за угла и радостно ухмыльнулась при виде меня.

— Зачем ты тут спрятался? — изумилась она с видом эдакой дурочки-простушки и протянула мне стакан. — Держи, красавчик. Чёрный, как твоя душа.

Сам не знаю почему, но стаканчик я послушно взял. Мимоходом отметил, что у неё ухоженные ногти, каких не бывает у уличных бродяг. Руки сильные, явно видевшие не только скрипку. Не бродяга, не нищенка и. ни разу не скрипачка. Но что пройдоха — неоспоримо.

На матовом боку стаканчика ровным каллиграфическим почерком — всесторонне образованные бродяжки нынче пошли! — был выведен номер телефона. А снизу красовалась затейливая подпись.

— Мор? Серьёзно? — протянул я скептически. — Это такой творческий псевдоним, да?

— Это имя, — возразила скрипачка, отхлебнула из своего стаканчика, медленно облизала пухлые губы. До меня тут же донёсся сладкий аромат карамели и сливок. — Одно из них, по крайней мере. У меня много имён, человек.

Меня за все мои шестьдесят лет как только ни обзывали — но человеком, пожалуй, впервые. Смахивает на провокацию. Судя по тому, как вскинула брови девчонка, я сейчас должен возмутиться и как на духу выложить, кто я такой на самом деле.

Занятная она. Очень красивая, особенно как для уличной артистки. Невысокая, макушкой едва достаёт мне до плеча; изящная, но не настолько тонкая и звонкая, чтобы возникло желание непременно накормить и укутать в плед. Или это просто мне по вкусу брюнетки с голубыми глазами? О, определённо. Особенно когда они ведут себя, выглядят и... пахнут настолько интересно.

Но куда интереснее будет узнать, кто она такая. Что она такое.

Не то чтобы я совсем не догадываюсь.

— Человек из меня примерно такой же, как из тебя. Киро.

Она поражённо замерла, потом глянула на свой стакан, подписанный не обычной аркадийской буквицей, но двумя затейливыми иероглифами. И тут же радостно улыбнулась во весь рот.

— Знаешь вэйдйнь? Чувак! Моя мама будет от тебя в восторге!

Я много чего знаю. Бессмертие — занятная штука, даже если тебе не так уж много лет. Можно тратить время на всякие глупости — от изучения языков, которые с огромным шансом не пригодятся тебе никогда в жизни, до акварельной живописи. Да, такой грешок за мной тоже имеется. Хотя художник из меня разве что немногим лучше, чем музыкант.

— Собираешься познакомить меня с мамой? — поинтересовался с наигранным удивлением. — Может, сразу в бюро регистраций? Как раз недалеко от Инквизиции, куда тебе стоит прогуляться за использование чёрной магии.

— Притуши, женишок, меня в Инквизиции каждая собака знает, — заявила Киро, откинув со лба тёмные непослушные волосы — несколько прядей выбилось из небрежного пучка на затылке, красиво оттенив бледную кожу и большие лучистые глаза. Надо же, акцент восточный, а внешность типично западная. Забавно. — Я ничего плохого не делаю, просто развлекаюсь.

— Вымогая деньги у зевак?

Она залилась на редкость заразительным смехом, и я понял, что до этого мне не показалось: во рту у неправильной бродяжки красуются все четыре пары клыков. Очень похожи на вампирские, но короче. И мощнее. Самое то, чтобы отрывать куски сырого мяса прямо с кости.

— К чему мне их деньги? Спасибо, моей зарплаты более чем достаточно. А несметные богатства зевак все уйдут детишкам в Железный Чертог.

Железный Чертог. Ну да. Последний кусочек паззла встал на место, и я озвучил то, что должен был понять сразу:

— Ты подмениш.

— А ты разве нет? — Киро вдруг очутилась совсем близко, хищно потянула носом воздух. Ясные голубые глаза коротко сверкнули, по радужкам точно пурпурная искра пробежала.

— Ни фиги себе. Ошибочка вышла. Я-то думала...

Что она там думала, мне узнать не довелось: Кироглянула на часы — изящные, явно недешёвые, со странным двойным циферблатом, — и в ужасе присвистнула.

— Да чтоб тебя! Была подменыш, теперь буду кошачий корм. Прости, красавчик, долг зовёт и всё такое. Позвони мне!

И прежде чем я успел хоть что-то сказать или сделать, безумное создание исчезло. Просто исчезло, как в дурацком кино. Со вспышкой и негромким хлопком.

Честно скажу, вот к такому меня жизнь не готовила. Может, ну его на хрен, этот Алькасар?

Уже потом дошло, в чём был фокус. Иллюзия, кратковременная, но действенная. Исчезла Киро у меня из-под носа не сразу, для начала просто скрылась за пресловутым сидским гламором. После чего и впрямь самым банальным образом затерялась в толпе, пока я любовался стаканчиком с кофе.

С сахаром, фу! Стакан полетел в урну.

Признаюсь, наглое «позвони» весьма интригует. Как и сама нахалка. Непозволительно красивая, непозволительно тёмная, непозволительно.

сидхе. С которыми не стоит иметь дел, если хочешь прожить подольше и не стать главным блюдом на чьём-нибудь пиру. Так что прости, Киро-Мор, но пусть тебе звонит кто-нибудь ещё. А я предпочту пожить подольше и без лишних проблем на свою бессмертную вампирскую шкуру.

Да только вампирская память бессмертна тоже. И номер обаятельной девицы в ней засел крепко-накрепко.

Какой город ни возьми, а штаб-квартиры подразделений по борьбе со сверхъестественной преступностью мало чем отличаются друг от друга. Разве что стены разные, да люди, носящиеся по коридорам. А вот шум, запах кофе и бумаг везде одинаковый. И даже сонные лохматые дежурные что в Аркади, что в Алькасаре будто бы рождены от одной матери.

— Кто? Куда? — немногословно поприветствовали меня, стоило только подойти к прикрытому стеклом пропускному пункту.

— Люциан Вернер, — представился я, сочтя, что с меня достаточно подозрительных взглядов человека. Очень подозрительных — я хоть и вампир лишь наполовину, а интересную бледность ничем не скроешь.

От этих, что ли?

От каких именно «этих», уточнять необязательно — в Алькасаре несколько вампирских гнёзд, но наглости, чтобы заявиться к охотникам, наберётся только у одной семейки.

— К счастью, нет. Я новый главный ликвидатор округа Алькасар, — поспешил заверить я. Предъявил наконец свой значок, махнул рукой на попытку дежурного тут же вскочить по стойке смирно. — Кто может мне здесь всё показать?

— Мэри... Мэри Калверт, секретарь бывшего шефа. Но её сегодня нет, кажется, заболела дочка... А! Алек, в смысле, маршал Сазерленд, ваш заместитель. Пригласить?

— Да, будьте любезны.

Дежурный потянулся к комму, и вскоре мне навстречу вышел высокий молодой человек лет двадцати пяти на вид. Одет с иголочки, идеально причёсан и вообще выглядит скорее как банковский служащий, чем как охотник на всякую нечисть.

И уж точно в нём не заподозрить ту самую нечисть. Но протянутая для пожатия рука почти обжигает, а до носа мигом доносится характерный запах крупного кота — сладковатый, с лёгкой ноткой мускуса, самую малость приторный. У вампиров нюх и

вполовину не такой острый, как у оборотней, однако хищника от еды мы отличаем без особых трудностей.

— Доброго дня, сэр, — произнёс оборотень вежливо, с легчайшей долей высокомерия — мол, ты сильно не обольщайся, это я тут самый умный и красивый. Излюбленная манера поведения котов, что двуногих, что четвероногих. — Я Александр Сазерленд, ваш заместитель. Следуйте за мной.

Мы поднялись по лестнице и пересекли коридор, прежде чем выйти в большой зал, заставленный столами и стульями — типичный офис федералов, в Аркади я работал примерно в таком же. Зал заканчивался парой дверей, одна из которых и вела в мой кабинет. Просторный, чистый, без малейшего намека на присутствие прежнего хозяина. Если Александр и занимал его, то к моему прибытию подготовился.

Усевшись напротив, он кратко ввёл меня в курс дел. Рассказал о текущих расследованиях, объяснил, как тут всё устроено: где найти архив, кто какое дело ведёт. Поинтересовался, желаю ли я взглянуть на личные дела сотрудников.

Желаю, и ещё как. Едва заслышав, что в штате у меня помимо Александра имеется ещё два оборотня, два вампира, два человека и один сидхе, я насторожился. Если вампиры и оборотни на службе у государства вопросов не вызывают вот уже четверть века — спасибо Изаре Крэстани, благодаря которой пошла мода на живучую нечисть в копах, — то вот сидхе... Определённо, Западу есть чем удивить чужака. Фейри — те ещё злобные высокомерные твари, куда уж там коту-оборотню или даже всем Асторнам разом. Не иначе как в лесу Лливелин что-то большое сдохло в тот день, когда сидхе решил пойти в охотники.

— Спасибо, маршал, — поблагодарил я, когда Александр закончил.

— Я могу идти?

— Можете. Если не затруднит, пришлите мне действующий график дежурств. Хочу взглянуть.

Он кивнул и поднялся, деловитый, серьёзный — ну точно кот, никаких сомнений. Альфа-кот. Почти наяву вижу, как недовольно он дёргает хвостом, учуяв во мне соперника по территории. Надеюсь, не тигр, из всех кошек они самые сложные.

Я склонился было над персоналкой, собираясь просмотреть базу текущих исследований, когда Александр, уже открывший было дверь, вдруг захлопнул её и снова повернулся ко мне.

— Что-то ещё, маршал Сазерленд?

— Да. Сэр, мне хотелось бы уточнить... — он вдруг замялся, как если бы раздумывал над формулировкой. — У нас могут быть проблемы?

У меня с вами, ты хотел спросить? Или у участка, полного разной нечисти, с пришлым вампиром, о чьём происхождении ты узнаешь довольно скоро?

— А они должны быть? — ответил я вопросом на вопрос, надеясь, что Александр поймёт уточнение.

Понял. Вздыхнул, вернулся к столу, но садиться не стал.

— Вы мне скажите. Я оборотень, вы — вампир, наши. виды не слишком дружны. По понятным причинам. Хотелось бы знать, насколько вероятна ситуация, что мы перегрызём друг другу глотки, если вдруг не сойдёмся во взглядах.

— Подобная ситуация маловероятна, Александр, — заверил я без всяких раздумий. — Разумеется, за ваше желание перегрызть мне глотку я отвечать не могу. Но последние лет сорок я успешно разделяю личные отношения и работу. И ценю в людях — и нелюдях — прежде всего профессионализм. Чего жду от своих подчиненных. И хочу подобного отношения к себе. Я не слишком многого прошу?

Маршал замотал головой, мигом растеряв половину своей кошачьей надменности, заметно расслабился и даже чуть растянул губы в улыбке.

— Хорошо. И, Александр, — позвал я, когда он направился обратно к выходу, — если у вас или у кого-либо ещё действительно возникнут проблемы — любого рода, — то я надеюсь узнать об этом первым.

— Разумеется. Сэр.

Едва он вышел из моего кабинета, я почти сразу же услышал чьи-то торопливые шаги. А затем Александр сварливо поинтересовался:

— Вот где ты вечно шастаешь, когда надо быть на рабочем месте?

— Брось, Алек-чин, какой пёс тебя за хвост цапнул? — ответил ему голос. Женский. Мелодичный, с лёгким певучим акцентом. Подозрительно знакомый. — Прости, прости! Я не виновата, ладно?

Какой-то хмурый красавчик всё пытался обвинить меня в краже его сердечка.

— Да, по твоей счастливой физиономии сразу видно, что ты сегодня уже что-то спёрла. Красавчик был настолько горяч?

— Как грёбаное пекло! Кстати о пекле, а что ты делал в кабинете шефа? Мы вроде позавчера оттуда съехали.

— Киро...

Киро?

Я вышел в приемную, даже толком не успев подумать. И ничуть не удивился, узрев возле своей двери недоразумение с скрипкой. Точнее, уже без скрипки и без всякого намека на сомнительную с точки зрения закона подработку. Зато с кобурой и значком маршала на поясе. И с многоцветьем татуировки, выглядывающей из ворота, ползущей по предплечью из-под закатанного рукава. Алый и лазурь, почти в масть моему маршалу с её яркими голубыми глазами и густо покрасневшими щеками.

— Александр, можете быть свободны, — не сводя взгляда с этой. Киро, отчеканил я. — Маршал Хаттари, так понимаю?

Не дожидаясь ответа, оттолкнулся от косяка, отвернулся, жестом позвал её за собой.

— Зайдите, — озвучил на всякий случай — следовать за мной Киро не торопилась.

Я вернулся на своё место и теперь не без злорадного удовольствия наблюдал за смущённой донельзя девчонкой. Ну как девчонкой. Если правильно помню, ей лет тридцать, не меньше.

Про маршала Хаттари я узнал что мог ещё в ту пору, когда только готовился занять должность. Магистр сверхъестественной биологии, автор множества спорных, но весьма любопытных научных публикаций о сидхе. Лучшая охотница Алькасара. Десять лет стажа, из них аж семь — с лицензией ликвидатора.

О том, что она сама — подменыш сидхе, я не знал; похоже, об этом не болтают направо-налево. И правильно делают. Но всё-таки ожидал увидеть. кого-то другого, в общем.

При всём желании я бы не принял за тридцатилетнюю женщину и магистра наук вот эту, хм, особу, будто сбежавшую не то с постылых лекций, не то с рок-концерта. Хотя ладно, сейчас молодёжь всегда и

езде расхаживает в узких джинсах и толстовках с дурацкими принтами. И татуировки тоже чуть не у каждого первого.

Но ничего подобного я прежде не видел. Признаюсь, заинтригован.

Потому что татуировка как живая. Буквально. Казалось, чем сильнее Хаттари смущается и нервничает, тем больше чернил расплзается по её бледной коже. Багрянец, зелень, лазурь. В ворота нелепой толстовки прямо на глазах распустился очередной алый цветок, а из-под закатанного рукава всё более явно виднеется нечто, напоминающее чешуйчатый хвост. Длинный, влажно блестящий и сердито метущий туда-сюда.

Интересно даже, как картинка будет выглядеть целиком?

Так, ладно. Мысль вроде и невинная, но всё же совершенно неуместная. Да и пауза изрядно затянулась.

— Сэр, если вы хотели...

— Не хотел, — прежде чем Киро закончила, отозвался я. Жестом предложил присесть, но она осталась стоять.

Слукавил я, конечно, здорово — побеседовать об инциденте на площади, о номере на оранжевом боку бумажного стаканчика мне хотелось. Очень хотелось. В конце концов, не каждый день тебя угощает кофе симпатичная девушка с приятным глазу размером клыков. Но смотреть на Киро и без того жалко — вряд ли, сверкая клыкастой улыбочкой, ждёшь, что «хмурый красавчик» окажется твоим начальником.

— Маршал Хаттари, полагаю, наше с вами знакомство прошло несколько не в той форме, в какой должно было.

Киро скрестила руки на груди, беспомощно покосилась на дверь. И, кротко потупившись, ответила:

— Да, сэр.

«О, так я больше не “красавчик”?» — хотел было уточнить. Но не стал. Вышло со всех сторон неудобно, что и говорить. Как тут не смутиться?

— Предлагаю поправить ситуацию. Меня зовут Люциан Вернер, я, как вы поняли, ваш новый начальник. И вампир. наполовину. Надеюсь, у вас нет проблем с моей сущностью?

Простите, маршал Сазерленд, что нагло своровал вашу идею. Но уж слишком она актуальна.

На лице Киро мелькнул неподдельный интерес. Но это и понятно: у вампиров нечасто рождаются свои дети, а уж полукровки и вовсе редкость. Негоже тащить еду в постель, как непременно заметил бы мой неуважаемый дядюшка Мариус. Или Винсент. Или. Да любой из них.

— Проблемы? — наконец переспросила она чуть изумлённо. — Маршал Вернер, вам не кажется, что я здесь последняя, кого можно заподозрить в расизме?

— Вампиры не всем по душе. Особенно в Алькасаре.

— О, в самом деле? — буркнула Киро, поморщившись. — Подержите-ка моё пиво. Сэр.

Не могу её осудить за такую реакцию. Если сравнивать с сидхе, моё кровососущее племя

— прямо-таки народные любимцы.

— Если вы намекаете на моё возможное отношение к вам, то уверяю — с остатками предвзятости я расстался много лет назад. Понимаю, это сложно доказать одними словами. Я новое лицо в сложившемся коллективе, вы не знаете, чего ожидать от меня, и я

только сегодня ознакомился. с некоторыми особенностями этого отдела.

Выдержал паузу, чтобы убедиться — Киро меня поняла. А она, подумав, кивнула, точно приняла к сведению.

— Хотелось бы кое-что прояснить, маршал Хаттари. Я ничего не имею против... эпатажа. И даже допускаю, что у ваших сегодняшних действий есть важная причина. Но я предпочитаю контролировать ситуацию. Всегда. Особенно когда моя подчинённая, к которой несведущие люди могут отнести предвзято, пользуется чёрной магией среди бела дня.

Киро снова кивнула, растёрла переносье двумя пальцами. А затем вдруг подошла к моему столу и по-свойски открыла верхний ящик.

— Сейчас покажу, — только и пробормотала она. — Да где же. А, вот!

Передо мной разложили приличных объёмов карту округа Алькасар — такую можно купить в большинстве книжных магазинов Запада. Поначалу в ней не было ничего странного, но затем на плотной бумаге вдруг проступило множество нарисованных от руки деталей — разноцветных линий, схем, картинок и подписей, сделанных уже знакомым каллиграфическим почерком. Некоторые были цензурные, а некоторые не очень. Поперёк земель Асторнов красовалось вполне однозначное «мудилы в жабо», и я едва не фыркнул. Коротко и ёмко, лучше не скажешь.

— Короче, — деловито начала Киро, склонившись над картой, — зелёное — это любимые загашники феек, там надо быть осторожным. Жёлтое — аномалии, оранжевое — нестабильные аномалии. Технику безопасности в аномальных зонах вы наверняка знаете без меня, поэтому я заткнулась. Красные штуки — кротовины, и туда вы без меня не ходите, если жить не надоело. Играю я обычно вот в этих местах, — она указала пальцем на несколько зелёных крестиков. — Старшие держатся подальше от городов, но мелкой нечисти здесь полным-полно — пикси, гоблины и прочая пакость. Г рубо говоря, я им даю развлечение, а они мне — информацию. Не спрашивайте, что весёлого в девке со скрипкой и куче шумного народу вокруг; у сидхе логика — просто отрыв башки. Деньги ни у кого не вымогаю, это добровольно. И да, у меня есть лицензия на уличные выступления! Всё по закону, сэр.

Занятная вещица, надо будет изучить на досуге. А лучше всего — как можно быстрее, чтобы не оказаться в неприятной ситуации. Не мне жаловаться на возраст — по крайней мере, не в ближайшие пару сотен лет, — однако когда тебе переваливает за шестьдесят, начинаешь ценить комфорт, размеренность и рутину. Без неожиданностей.

— Хорошо, — отозвался я, потянув карту на себя. Киро среагировала не сразу, задержала ладонь, но затем всё же убрала и немного непонимающе уставилась на меня.

— Хорошо?..

— Да, маршал. Спасибо за объяснения, я вас услышал. И.

Она замерла, подобралась вся, тут же учуяв подвох.

— не знаю, как вы работали с предыдущим начальником, но я не из тех, кто подвергает опасности своих людей из желания иметь лишнюю информацию. Вы сейчас ведёте какое-либо дело, требующее тесного общения с сидхе?

— У меня других не бывает, — чуть резко отозвалась Киро, выпрямившись и глянув на меня сверху вниз. Её глаза снова вспыхнули фиолетовым, не иначе как от гнева. — Я веду все дела, связанные с сидхе, а они в основном делятся на две категории — «трындец» и «полный трындец». Спасибо за беспокойство, сэр, но я рискую головой едва ли каждый день. И полностью осознаю последствия. Кучка пикси — не то, о чём нам обоим следует волноваться.

«Больше не ведёшь» — первое, что пришло на ум после этой её речи. Потому что работаю на этой работе уже давно и повидал достаточно ситуаций, когда хороший коп становился мёртвым копом. Кто-то терял осторожность и лез под ножи, клыки и пули, считая, что его некому прикрыть. Кто-то становился жертвой собственной самонадеянности. А кто-то видел решение своих психологических проблем в прыжке с моста Кей.

В том, что проблемы у Киро есть и своими размерами вскоре грозят перерасти самую монструозную вампирскую крепость, нет никаких сомнений.

Увы, взрослые порой ничем не отличаются от детей и любые советы воспринимают как нравоучения. Точнее, не воспринимают совсем. И устраивают себе (и окружающим) ещё больше неприятностей. Конечно, можно было бы...

Нельзя, нельзя, Люк. Она сидит, на неё тёмная магия не подействует. А даже если и да — сильно ли она будет тебе благодарна, когда поймёт, что стала жертвой твоих чар? Вот уж вряд ли.

— Если бы о преступниках можно было не волноваться, Киро, в нас с вами не было бы нужды, — проговорил я, осознанно называя её по имени. — Я не враг тебе. И никому здесь. Мне нет дела до статистики, показателей, я не люблю патетичные возгласы о преданности делу и заслугах перед родиной. Но в Аркади я не потерял ни одного охотника. И не хочу начинать список здесь.

— Разумеется, — Киро склонила голову и опустила взгляд, вроде как устыдившись своей вспышки. Алые цветы на её шее тоже грустно поникли, точно надумав увянуть. — Простите, я вовсе не. Я вас поняла, сэр. Могу ещё чем-то помочь?

— Спасибо, пока что можешь быть свободна.

Она кивнула и отошла от моего стола, поникшая что те цветочки. А у меня внутри вдруг заворочалось нечто тяжёлое, колючее, как терновый куст, и жутко неприятное. Что-то новое и странное, чему я пока и названия подобрать не мог.

— Киро, — не удержавшись, окликнул её уже у самых дверей. — Без сахара.

— Что?

— Кофе. Я пью без сахара.

— Да как вас, извращенцев, земля носит?!

Скроив забавную гримасу и всем видом выразив страшное омерзение, она скрылась-таки за дверью. Но, кажется, немного повеселела.

Кто бы знал, конечно, почему меня это вообще так заботит.

Ещё в свои безмозглые четырнадцать я крепко-накрепко уверилась: Алек Сазерленд — самый бесстрашный котик на свете и ничего не боится. Ну... кроме алгебры с физикой. И апельсиновых корочек. И, конечно же, моей мамы.

— Алек-чин! — возопила она, уперев руки в бока, едва мы показались на пороге «Сапфирового дракона». — Почему, позволь спросить, я вижу своего пятнистого мальчика в первый раз на неделе?!

— Виноват, Сора-суан, — пробубнил Алек, покорно склонив голову. — Больше не повторится.

— Как же, как же, это я уже слышала. Примерно миллион раз!

И всякий раз забавно наблюдать, как плечистый охотник-оборотень ростом под метр девяносто весь съеживается и что-то робко мямлит под гневным взглядом простой вэйданской женщины, крошечной и хрупкой, как фарфоровая куколка.

— Эй, а как же я? — делано возмутилась я, отвлекая её от причитаний о бедном Алеке, страдающем без вкусной еды и женской ласки. — Ты любишь этого кошака больше, чем свою дочь!

— Потому что он хороший мальчик и не заставляет Сору-суан сидеть раньше времени! — парировала мама с королевской невозмутимостью. Но затем всё-таки потянулась обнять меня и быстро чмокнуть в щеку. — Ох, Киро-чин, ты тоже могла бы почаще радовать маму своим присутствием. Вы с Алеком слишком много работаете. Маршал Броган вообще в курсе, что вы не его собственность?

— Маршал Броган больше не маршал, — резонно заметил Алек. — Собрал вещи да отбыл в Саргон загорать. А Киро вам не говорила?

На лице матушки, красивом и до неприличия молодом, отразилось секундное замешательство.

— Ах, и вправду, что-то такое говорила.

Она любопытно сощурилась, явно желая вызнать больше подробностей — Рис, то есть маршал Броган, был её хорошим знакомым. (Или не таким уж хорошим, раз и словом не обмолвился о своём отъезде.) Но тут же досадливо глянула в сторону кухни, откуда, как всегда, раздавался шум множества голосов и несмолкаемый звон приборов.

— Ох, ладно, потом. Ваш столик свободен, Кори сейчас подойдёт. И попробуйте только не явиться на обед в субботу! Жду вас к трём часам!

Напоследок погрозив нам пальцем, точно паре непослушных трёхлеток, мама стремительно направилась к своим рабам на галеру. ах, простите, к подчинённым на кухню. Хотя для них разница невелика. Сора Хаттари может быть самой доброй и нежной мамой на свете, но в святая святых её ресторана царит прямо-таки военная дисциплина.

— Я вот даже не буду спрашивать, есть ли у нас выбор, — фыркнул Алек, едва мы заняли наш любимый угловой столик возле аквариума, полного пёстрых рыбок. Не помню, какие

как называются, это Кори у нас фанатка морской живности. — Порадуем маму, а, Киро? А вечером можем сходить куда-нибудь. И Престон позовём, она как раз выходная.

— Погоди, но я-то дежурю.

Алек изумлённо захлопал глазами, а затем довольно и как-то даже малость снисходительно выдал:

— А ты давно расписание обновляла? Больше не дежуришь. Суббота теперь на Вернере.

— На маршале Вернере? — на всякий случай уточнила я, не поверив своим ушам. Нет, никаких других Вернеров в нашем управлении никогда не водилось, однако не припоминаю, чтобы прежний наш главнюк стремился торчать в офисе лишнюю ночь. Справедливости ради, у главного ликвидатора и без дежурств работы по самые гланды. — С чего бы это?

— Вот ты и спроси, — хитро прищурившись, предложил Алек. — Это не я с ним в кабинете шушукаюсь по полчаса. А ведь я его заместитель! Ладно, ладно, — сжалился он, когда я одарила его сердитым взглядом, — его вампирское высочество повелело освободить тебя от лишнего дежурства. «Пять выходных за один месяц, несомненно, похвальный пример любви к работе. Но, к сожалению, нездоровый». Конец цитаты.

Нет никаких причин злиться. Вообще никаких. Напротив — я должна порадоваться, что кому-то вдруг стало до такой степени не наплевать на меня и моё здоровье. И должна быть благодарна, что с меня сняли дополнительное дежурство. Да я и благодарна. Честно, благодарна!

Однако и зла тоже. Не то из-за бесцеремонности Вернера, не то из-за красочной цитатки. Прямо-таки наяву слышу этот его я-тут-всё-контролирую тон.

— Да что, блин, с ним не так?! Пока я справляюсь со своей работой, какое его дело, сколько времени я торчу в офисе?

— Пока он за тебя отвечает, это его дело. И здесь я на стороне Вернера, — пожал плечами Алек. И тут же ухмыльнулся, зараза пятнистая. — Что с ним не так? Это вопрос как раз для тебя, коварная ты похитительница холодного вампирского сердечка!

— Заткнись, Алек, просто заткнись!

Я застонала и уронила голову на сложенные руки. О, Тьма, прошу, дай забыть тот день как страшный сон!

Клеить парней на улицах — не совсем то, к чему я привыкла. Вернее сказать, такое вообще в первый раз. Я всё ещё социально неловкая клеptomанка! Но кто бы на моём месте удержался? Бессовестно охренительный мужик, явно вывалившийся прямиком из чьих-то эротических фантазий о властном молодом миллионере, возвышается над толпой эдаким грозным божественным изваянием и неприкрыто пожирает тебя взглядом. Да таким пристальным, что впору не то прыгнуть на тарелочку, не то вовсе загореться синим пламенем.

Звучит как начало омерзительно слащавой любовной истории? А хренушки.

Когда он увязался за мной, я и вовсе решила, что это засланец от Принца Бастардов или ещё какого сидского прощелыги. Потому что почуяла в нём тьму под маской человека. И решила, мы с ним одной породы. Полусидхе.

Но оказалось, он скорее как мой Рэн. Полувампир.

Ладно, стоит посмотреть правде в глаза: кем бы ни был Люциан Вернер, одно неизменно — такие, как он, никогда не звонят таким, как я. Иначе мне бы просто не хватило смелости дать ему свой номер. Да что уж там, я до сих пор не очень понимаю, что на меня нашло.

— Сестрёнка, ты живая там? — меня бесцеремонно ткнули в бок кулаком. — Двинься давай, мне ставить некуда!

— Я тоже по тебе скучала, малышка Кори, — ворчливо отозвалась я, но села прямо. Как ни крути, а страдать по хмурому красавчику, посмевавшему оказаться твоим шефом, гораздо удобнее на сытый желудок.

— Сама ты малышка, я тебя обогнала уже на шесть сантиметров! — огрызнулась моя старше-младшая сестрица, выставив перед нами две громадные миски с благоухающим супом фоу, и тут же плюхнулась рядом со мной. — Удачно объявились, ребята. У нас сегодня курица карри и паровые булочки со свининой. Тащить?

— Ну разумеется! Как дела в школе?

Кори печально вздохнула, коротко прижалась щекой к моему виску.

— Тригонометрия опять сделала меня своей сучкой. У нас с тобой это семейное, да?

Я улыбнулась, взъерошила ей волосы, коротко остриженные чуть ниже острого подбородка, но такие же тёмные и непослушные, как мои. Мы вообще с ней чуть не на одно лицо — разве что у Кори чёрные глаза, раскосые и очень выразительные, как у мамы. И ростом она, похоже, пошла в отца.

В нашего отца. Человек, который ненавидел меня всю мою жизнь, боялся меня, даже пытался убить... он сам же мне эту жизнь и дал. Прижил меня от нечисти. Сказала бы про иронию судьбы, но на самом деле это был вполне себе умысел моей фейской мамочки: умыкнуть Кори в Сид, взамен подбросить меня и посмотреть, что из этого выйдет.

Обычное развлечение для сидской мрази. Стоило бы убить её за это, но. я предпочла обменять её жизнь на кое-что поважнее. На мою сестру, прожившую среди жестоких бессмертных тварей двадцать лет, но постаревшую лишь на пять. В Сиде время течёт иначе. Там всё иначе.

— Мы придём в субботу, и Алек поможет тебе расквитаться с тригонометрией. — Алек тут же кивнул, подтверждая мои слова — мол, что угодно, лишь бы не алгебра. — А теперь дуй за булочками, дай взрослым поговорить.

Кори состроила недовольную физиономию, но послушно сгребла со стола пустой поднос и поплелась в сторону кухни.

— Чего ты бесишься-то? — взявшись за керамическую ложку, продолжил Алек, ничуть не желающий пощадить бранные останки моего эго. — Не успел новый шеф заступить на службу, а ты уже его любимица. Серьёзно, он с тебя глаз не сводит всякий раз, как вы оказываетесь в одном помещении. Прямо пожирает взглядом, мне аж неловко делается. Снимите гробик!

— Ха. Ха. Ха, — скучающе отозвалась я, выжимая в свою миску ломтик лайма. — Нет, Алек, даже не смешно. Ты стрёмный. И мутить с начальником — тоже стрёмно, даже если забыть о том, что я не из его лиги.

— Боги, Киро...

— Что? Просто взгляни на него, а затем на меня. На него — и снова на меня.

— Да я уже.

— И?

— И я рядом с вами определённо третий лишний!

Я на это даже отвечать не стала, просто схватила палочки и демонстративно принялась за еду. Всё лучше, чем выдавать желаемое за действительное.

Любопытство взяло верх над недовольством, едва я покончила с бульоном. Короче, очень быстро. А я ведь даже не из кошачьих, в отличие от моего друга! Вот уж ничуть не сомневаюсь, что Алек успел узнать о Вернере всё, что можно. И что нельзя тоже — коты не зря считаются великолепными охотниками. Во всех смыслах.

— Давай уже, рассказывай.

Алек вздохнул, пододвинул ко мне крохотную миску с маринованными овощами, точно пытаюсь задобрить.

— Не хочешь дружить с нашим немёртвым шефом — твоё право. Но Хаосом молю, не делай его своим врагом! Он из Асторнов, а с ними связываться себе дороже.

Я так и замерла, не донеся до рта зажатую в палочках креветку.

— Да ты гонишь, котик-чин! Что это за Асторн такой, которого Вернером звать?

Надо же, а я-то недоумевала, с чего вдруг этот мрачный красавчик кажется таким знакомым. Смутно, но тем не менее. В самом влиятельном гнезде Запада все вампирюки как по одной форме отлиты — высоченные и статные, суровые такие, темноволосые, с пронзительным взглядом и хищным ястребиным профилем. И наш шеф под это описание подходит чуть менее, чем полностью. Разве что у него черты немного мягче, миловиднее и. добрее, что ли. И цвет лица не такой печальный.

— Эксклюзивный, в единственном экземпляре, — мрачно пошутил Алек. — Его мать не кто иная, как Лорейн Вернер.

— Это которая магистр чёрной магии? Я к ней на факультатив ходила, когда в Магистерии училась. Они с Люцианом вообще не похожи.

— Ну само собой! — усмехнулся он чуть ехидно. — Нам попался Вернер с рожей записного Асторна. То-то его выдающийся нос мне показался таким мучительно знакомым...

— Нормальный нос! — возмутилась я невесть почему. — Хм, ну, в смысле, там всё нормальное. то есть не просто нормальное, а. Блин, давай просто сделаем вид, что я ничего не говорила.

Он соорудил ту самую непроницаемую физиономию, с которой обычно пытался обыграть меня в картишки.

— Я уже понял — ты всё старательно рассмотрела. С сугубо профессиональной дотошностью. Как и положено хорошему копу. Взвесила, измерила и признала пригодным к.

— Иди ты, Алек!

— Нет уж, пойду тут не я. Куда ты собралась, к вампирам? А наш горячий как пекло шеф в курсе?

— Мы с шефом не настолько близки, чтобы я ему сообщала о своих планах на выходные,

— споро отшутилась я. — Каким бы там горячим он ни был.

Внутри, однако, вспыхнуло раздражение. Почему я вообще должна о каждом шаге отчитываться шефу? Рис ничего такого не требовал. Может быть, только поначалу, когда я ещё была зелёной стажёркой без лицензии ликвидатора и хвостом таскалась за Алеком. Но нужда в наставнике у меня давно пропала. Как и в напарнике.

Одной проще. И спокойнее.

И это не только к работе относится, да.

— Ну-ну, — откликнулся Алек чуть хмуро. — Точно не хочешь, чтобы я пошёл с тобой?

— Бро, нет, ты мне всех кровососов распугаешь!

— Ладно. Но упаси Хаос тебя не написать мне, как только будешь дома!

— Да-а, ма-амочка!

В клятую вампирню я, конечно, не помчалась сразу же, едва расставшись с Алеком. Вот ещё не хватало. Свободные вечера я стараюсь проводить в Железном Чертоге, где помимо моего вздорного крыжовничка хватает и детей, и проблем. Казалось бы, какие могут быть проблемы в приюте, где всего-то семьдесят четыре ребёнка? Да, детишкам уделяется прилично внимания; более взрослых пытаются как интегрировать среди людей, так и оградить от дурного влияния. В большинстве случаев даже получается, всё же семьдесят детей — это вам не семьсот. Железный Чертог даёт подменышам какое-никакое подобие семьи. Но, как и в любых семьях, дети попадают разные. Почти все имеют дурную тягу к воровству, у доброй половины — трудности с социализацией, кое-кто просто уродился с не самым лёгким характером.

Они замечательные, без шуток. Все они. Да только не каждый готов принять и полюбить того, чьё племя относится к людям как к скоту. Понять могу, простить... ну, вряд ли.

Какими бы чудовищами ни были фейри, а все самые ужасные душевные раны я получила от людей. Ведь люди, под всей их нарядной одежкой из гуманизма и цивилизованности, тоже те ещё монстры.

К «Мэлоуну» я подъехала уже в двенадцатом часу, в кои веки нарядившись как следует, уложив волосы и напялив социально приемлемый костюм девочки — откопала в недрах шкафа юбку из тех, что покороче, нарядную ярко-синюю блузку, и сверху накинула блейзер, чтобы прикрыть кобуру. И с неохотой впихнулась в туфли, несуразно дорогие, но на удивление удобные. Ну, насколько вообще может быть удобна обувь на таком диком каблуке. Ума не приложу, как другие женщины постоянно такое носят?

Очевидно, что я к подобной одежде не особо привычна. И, как мне кажется, выгляжу в ней совершенно по-дурацки. Отнюдь не плохо, просто. это не я! Но к вампирам в футболке, джинсах и любимых розовых кедах лучше не заявляться — они ж капризные, заразы,

начнут кривить морды, мизинчики оттопыривать, ну и что там ещё в арсенале у этих бархатнокружевных снобов.

Маскарад вроде сработал. Кровососы мне обрадовались как родной.

Ладно, ладно, я несколько преувеличила. Но внимания всё равно хватало, даром что чернила под кожей притушили мою ауру, тёмную и горькую, как любимый кофе моего нового шефа. Полностью не скрыли, но сделали куда менее заметной. Не просто так же я однажды решила сделать себе миленькую, но излишне вредную татушку? Сидхе зовут такие штуки джетэн — «волшебная шкура», если дословно. И эта самая «шкура» здорово выручила меня: без неё я была бы облеплена вампирами со всех сторон, как пиявками в пруду.

Рано обрадовалась. Едва поняв, что я тут скучаю одна, кровососы чуть не в очередь встали. Ну куча ведь народу, почему я-то?! Твою ж мать, шесть разнополых клыкастых рыл за четверть часа! И не пошлёшь же, приходится улыбаться да выдавать дежурную чушь по типу «безмерно рада встрече, но я тут кое-кого жду».

А я и впрямь жду. Пикси на Площади пяти улиц были в хорошем расположении духа и дали весьма точные указания — «иди туда, где кровь бежит как вода, и ищи того, кто красен как головёшка и крепок как дуб, и так сыщется тот, кто зовёт себя Иорэтом...» Да, неточные указания звучали бы ещё кошмарнее. И так-то остаётся гадать, в чём подвох.

Надо сказать, «красен как кровь» — это скорее про здешние интерьеры. Всё сплошь алое и чёрное. А ещё кожаное, металлическое и глянцево сверкающее. Неужто меня занесло в какой-то низкопошибный бордель с БДСМ-уклоном? Я что-то слегка, хм, не по этой части...

— Вы ведь так смертельно заскучаете, моя прелесть, — прозвучал вдруг рядом голос, приятно сладкий и тягучий, точно медовуха. Щедро одобренный магией. Не особо пробрало, однако начислим парню очко за хорошую попытку.

Но моя прелесть? Чувак, серьёзно? Я улыбнулась, стараясь не сверкать клыками, и приготовилась было выдать уже прилипшую к языку отмазку, однако.

Помимо стандартно смазливой физиономии слегка полежалого западного аристократа, вампир щеголяет роскошной копной волос.

Красных. Не как головёшка, но скорее как кровь. Наверняка крашеные, но и хрен с ним, меня сейчас не услуги его парикмахера интересуют.

— Я склонна согласиться с такой оценкой ситуации, мистер...

— Зови меня Дара.

На старом языке древней Кальты «дара» значит «дуб». Крепкий, ага. На нервах сразу захотелось шуткануть в стиле средней школы и спросить, не эвфемизм ли это для его могучего члена. Но вместо этого сокрушённо качнула головой и пожаловалась:

— Мой. друг, кажется, решил меня кинуть. А и пошёл бы он, козёл рогатый! Кстати, я Мор.

— О, прелестно. Это сокращённо от Морел или Морриган?

Морриган? Ма-ать моя Тьма, этот красный перец реально не первой свежести.

— Кто знает? — выдохнула в эдакой потуге на кокетство. — Должна же во мне быть какая-то загадка?

Вот когда читала всю эту хрень в руководстве по охмурению вампиров — ухохоталась до упаду. А смотри-ка, работает. Этот Дара ощутимо напрягся — не в плохом смысле, скорее как хищный зверь, почуявший добычу, — осмелел настолько, что даже уложил руку мне на шею. Погладил с нажимом, отогнул воротничок блузки.

Немедля захотелось оторвать наглому вампирюке явно лишнюю конечность. Но поди ж ты, я тут вроде бы пытаюсь корчить из себя беспомощную лапочку.

— Твой первый раз, сладенькая? Не вижу следов.

— Ты пока не видел всю меня.

Ответ Даре понравился. Хотя воспринял он его явно скептически — словно бы у меня на лбу написано, что в отношении вампиров я просто жалкая некусанная девственница.

— Как зовут твоего друга?

— Иорэт, — заявила я. И растянула губы в клыкастой улыбочке.

Рискнула обратить его в бегство, да. Но теперь, зная имя и лицо этого вампира, я найду его где угодно на западе. К тому же. этот не сбежит, нет. Он охотник. Из тех, что нипочём не смогут вовремя остановиться.

— Ах, этот друг, — протянул Дара, продолжая держать руку у меня на пульсе. Бесит ужасно. Так и хочется достать ствол да угостить

крашеного проходимца серебром. — Его в последнее время много кто ищет. Возможно, я даже знаю, где он.

И что же ты хочешь за это знание?

— Все мои желания относительно тебя должны быть очевидны, сладенькая. Как там вы, ушастые, любите говорить... У нас есть сделка, Мор?

Дерьмо. Я и впрямь собираюсь дать вампиру пожрать свою шею, чтобы вызнать у него про похитителя младенцев? Стрёмно как-то. Да, может, я и сторговала когда-то свою невинность Принцу Бастардов, но с тех пор прошло четырнадцать лет. Мозгов и осторожности немного, но прибавилось.

Ладно, по ходу разберёмся. Главное, остаться с ним наедине.

— У нас есть сделка, Дара.

Ухмыляясь чуть насмешливо, он протянул мне свою белёсую лапу для пожатия. А я, я дёрнулась, когда в кармане пиджака завибрировал комм.

— Прости, это, наверное, с работы. Мне надо ответить.

Дара был явно недоволен, но кивнул. Очень надеясь, что это не выглядит как бегство, я поспешила к выходу.

— Чарли?

— Эй, Киро-чин! — послышался в трубки знакомый сочный басок маршала Данбара. — Хорошо, ты ответила. Прости, что порчу выходной, но у нас тут. трындец, в общем. Можешь подъехать в парк Бри?

— Конечно, бро. Это ж тот, что у озера Лах-Бре?

— Да, он.

— Буду через двадцать минут.

К такси я, честно говоря, не пошла — побежала вприпрыжку. Подальше от этого дуба морёного, будь он неладен. Вампиры в целом-то довольно мутные типы, но от этого прям мурашки по коже. Возможно, потому что моё горло не в восторге от перспективы знакомства с его зубищами.

Совсем не в восторге. К следующему разу надо придумать что-то получше.

Близилась полночь, дороги уже почти опустели, так что до парка доехали быстро. Не без облегчения сунула двадцатку излишне болтливому таксисту, выбралась наружу и тут же зябко поёжилась — ноябрьской ночью в лёгком пиджачке разгуливать не очень-то комфортно. Ну да ладно, потерплю. До моего дома здесь недалеко; думаю, Чарли не откажется меня подбросить.

Пару минут я брела по мощёной дорожке на звук голосов, потом наконец увидела оцепление и раздражённо поморщилась. Копы, конечно, тоже здесь. Уже отсюда слышу, как Чарли собачится с моим самым горячим поклонником Кеннетом Барром — детективом полиции, заправским мудаком и просто редкой прелестью.

— Миз, сюда не... — забормотал было маячивший у оцепления сержантик, но тут же осёкся и расплылся в противной ухмылочке. — Хаттари, ты, что ли? Славная юбочка! Кен, смотри, твоя любимка нынче при параде!

Я и бровью не повела, уже давно привыкнув к хамским шуточкам, неизбежно знакомым всякой женщине, имевшей сомнительное такое счастье пойти работать в органы. В нашей сфере, увы, процветает сексизм, шовинизм и огульная нетерпимость ко всем, кто имел наглость не родиться белым чистокровным натуралом. Чтобы прижиться в полиции, нужно быть в два раза круче любого парня и напоказ презирать все «бабские глупости». А иначе как в том плохом анекдоте: дала — шлюха, не дала — шлюха и стерва.

— Ух ты, так оно реально женского пола! — подал голос Кеннет, как следует облапав меня взглядом и традиционно сделав вид, что мои гендерные признаки его ни капельки не интересуют. — На работу как на праздник, а, феечка? Нового дружка завела? Кто этот несчастный?

Почему один вид кое-как накрашенной девицы в не шибко развратной юбочке заставляет взрослых мужиков вести себя как кучка спермотоксикозных школьников? Да хрен его знает. Но они ж при этом ещё и воображают, будто женщине льстят их неуклюжие домогательства.

— Ревнуешь, сладкий? — огрызнулась я почти весело. — Дуться будешь у себя в участке. Забирай своих мудозвонов и катись отсюда, это федеральное расследование.

Кеннет на это лишь фыркнул, глаза на меня исподлобья.

— Не доказано, долбаная ты феечка.

— Слышь, Барр, пасть свою завалил, пока зубы целы! — рывкнул на него Чарли. — Ты мне что-то так и не ответил, какой человек может смастерить эдакий славный палисадничек.

— Я тебе не судмед, Данбар, — буркнул детектив уже без прежнего энтузиазма. Волк-оборотень, ещё и в обличье здорового чёрного парня с пудовыми кулаками и свирепым взором, — это вам не долбаная феечка. — Сам-то ни хрена дельного сказать не смог! Стоим жопы морозим, ждём вашу полукровочку, вы ж за любой херней к ней бежите.

— У вас какие-то проблемы с полукровками, детектив? — послышался за спиной вкрадчивый голос.

Вот даже поворачиваться не нужно — я знаю только одного. нечеловека, который, оставаясь исключительно вежливым, способен говорить так, что мороз по коже.

Повернулась, тут же упёрлась взглядом Вернеру в подбородок. И это ещё на каблуках. Ох, а я-то, наивная, считала свои метр шестьдесят восемь приличным для девушки ростом.

Впрочем, на фоне моего нового шефа даже здоровяк Чарли как-то внезапно скукожился. И дело тут вовсе не в размерах — качком Люциана назвать трудновато. Плечистый, статный, не более того. Просто он из тех, кто в любой ситуации остаётся самым крутым мужиком в комнате. И не в комнате тоже, да.

Что он тут делает, даже спрашивать не буду. Такой может делать что захочет и где захочет.

— Доброй ночи, сэр, — пробормотала я, вскинув голову и встретив пристальный взгляд зелёных глаз, чуть светящихся в темноте. — Не беспокойтесь на этот счёт, у детектива Барра проблемы не с полукровками, а со мной лично. Рискну предположить, здесь замешаны некие подавленные наклонности...

— Чё ты там пропищала? — тут же взъярился Кеннет, дёрнул меня за плечо, заставляя повернуться обратно к нему. — Думаешь, раз

ты баба, то тебе всё можно? Оставь-ка эти шлюшьи штучки для своего клыкастого босса!

За спиной упомянутого босса я оказалась на удивление скоро. Люциан оттеснил меня, встал между мной и Кеннетом, навис над ним, напоминая то ли готовую к броску кобру, то ли грозную горгулью. Я только и успела сделать шаг в сторону, когда вдруг ощутила. это. Давление чужой магии. Сильной, пробирающей до костей. Словно наждаком по коже полоснули. И это я, тёмная тварь, которой такие фокусы в общем-то привычны! Чарли, будь он сейчас в своей волчьей шкуре, непременно бы оцетинился. Почти вижу, как он скалит зубы, как поднимается шерсть у него на загривке.

Что чувствует Кеннет, я и представлять не хочу. Мне хватило голоса Вернера — ледяного, обманчиво ласкового.

— Вы сейчас же извинитесь перед моим маршалом, детектив Барр, — проговорил. нет, приказал он. — После чего уберётесь по своим делам вместе со своими. коллегами. И впредь будете обращаться к моим подчинённым исключительно в случае острой необходимости. Крайне острой. Вам всё ясно, детектив?

— Да, сэр, — отозвался Кеннет послушно.

И почему-то я вот ни капельки не удивилась, когда он вдруг повернулся ко мне, чуть заметно склонил голову, точно школьник, оправдывающийся перед директором.

— Прошу прощения, маршал Хаттари. Был неправ.

Так быстро, словно ему отвесили знатного пинка, он удалился к остальным. Не сомневаюсь, и пяти минут не пройдёт, прежде чем Барр со своими клоунами уберется восвояси. К моему превеликому счастью.

— Он не был искренен, — зачем-то заметила я. На лицо так и норовила наползти совершенно неуместная улыбочка.

— Я знаю, — пожал плечами Люциан. — Но тебе же было приятно?

Приятно? О, даже слишком. Вот только не унижение придурка Кеннета тому виной. Скорее, то, как решительно Люциан вклинился между нами. Заткнул наглое трепло, прокляв без всяких раздумий. А это его «мой маршал» — вообще форменная порнография!..

Ладно, Киро, помечтала и будет. Выкинь из головы всякие глупости. Он бы сделал это для любого своего маршала, ты не одна такая особенная.

— Спасибо, сэр, — поблагодарила его вполне искренне. — Но разве у нас не было разговора о применении чёрной магии среди бела дня?

На тонких, чётко очерченных губах мелькнула едва заметная улыбка.

— Сейчас ночь, Киро.

Так у хмурого красавчика есть чувство юмора? Нет, нет и нет, я на это не поведусь.

— Вам не следовало так подставляться. Не из-за такой фигни! Я того не стою, а уж Кеннет и подавно...

— Это мне решать.

И попробуй поспорь, когда тебя отбрили таким вот безапелляционным тоном.

Я и не спорю. Пожала плечами, мол, моё дело предупредить, и побрела дальше по желтоватой лужайке, к неглубокому овражку. Туда, куда не достаёт свет фонарей. Туда, где, по-видимому, лежит наш труп.

— Вот так икебана! — выдохнула я изумлённо. И самую малость восхищённо, врать не буду.

Тело женщины — обнажённое, серовато-белое, явно обескровленное напрочь — было облачено в цветы, точно в причудливый наряд. И дополняли его струны волшебства. Первородная тьма, окутавшая мёртвую женщину, взывала к первородной тьме, что живёт внутри меня.

Мимоходом растёрла замёрзшие руки, похлопала себя по карманам. И тихонько выругалась

— откуда бы при наряде вампирского ужина взялись одноразовые перчатки? Надо спросить у Чарли.

Обернулась и едва не налетела на Вернера — тот снова навис надо мной во всей своей вампирской красе. И протянул руку. С перчатками, да.

Забрала, поблагодарила кивком. И, каюсь, не смогла удержаться от шпильки:

— Вы всегда такой заботливый?

— Только с хорошими сотрудниками.

— А с плохими что делаете?

— Вы не хотите этого знать, маршал Хаттари.

Я могла бы поспорить. Но сейчас куда больше неуклюжего флирта с начальством меня интересует труп.

А он интересный, без шуток.

Убийца не уложил цветы поверх тела, о нет — он заставил их вырасти прямо из плоти.

— Это сидхе, — произнесла я, не отрываясь от пристального изучения жутковатой икебаны.

— Скорее всего, кто-то от Старшей Крови, как и я сама. Кстати, у меня есть алиби.

— Рад слышать, — отозвался Люциан, кажется, чуть насмешливо. — Сам я только и понял, что применялась тёмная магия. Ты и впрямь можешь определить... нюансы?

— Я просто слышу это. Чую, если вам угодно. Хотя тут и без всякой магии видна рука сидхе.

— Почему?

Вновь обвела взглядом цветочное великолепие, буйно цветущее, невыразимо прекрасное в своей токсичной жути. Сразу захотелось взять тетрадку и накорябать какую-нибудь заунывную музыку для скрипки, а не вот это вот всё.

— Дельфиниум, безвременник, сангвинария и горный лавр, — перечислила, указав на каждый цветок по отдельности. — Фейри прутся по ядовитым цветочкам, считают их тонкой аллюзией на самих себя. Двен нихар. Опасная красота.

— Вы, ребята, о себе высокого мнения, не так ли?

— Мы? — переспросила я с невесёлым смешком. — Я не фейри. Да и нет во мне ничего особенного.

— Разве?

Этот вопрос можно запросто принять за флирт. Да что там, именно флиртом он бы и был, задай его кто-то ещё. Но не Люциан, смотрящий на меня удивлённо, недоверчиво и осуждающе.

— Предпочла бы обсудить мои сомнительные прелести в более приятной обстановке, — проворчала я, поднеся закованную ладонь ближе к лицу и критически рассматривая. — Есть идеи, как с неё выпустили кровь? Крупные кровеносные сосуды не повреждены, верно?

Глянула искоса на мистера Я-всё-контролирую, но тот по-прежнему сохранял невозмутимость. Наверняка уже составил в голове примерную картинку убийства, но подсказывать не будет. И правильно, мне оно незачем.

— Я нашёл проколы, их трудно было не заметить, — наконец произнёс Вернер. — На этом всё.

Машинально коснулась бледного отверстия на запястье. Ни следов крови, ни какого-либо её запаха. Хрупкие цветки безвременника лиловеют на фоне меловой кожи, образуют плавные кривые точно по линиям вен.

— Её не обескровили, — озвучила я, укрепившись в недавней своей догадке. — Поэтому ни следов, ни запаха, ни трупных пятен. Кровь просто превратили во что-то другое.

— Верно. Плазму оставили, а вот клетки крови не то расщепили, не то нейтрализовали подчистую. Я склонен думать, что это трансмутация.

— Необязательно. Алхимические реактивы могут давать схожий эффект. Само наличие тёмной волшбы говорит в пользу вашей версии, но не всё тут однозначно. Судя по степени помутнения роговицы и общему состоянию слизистых, дамочка мертва далеко не первый день, однако любые другие признаки разложения просто отсутствуют.

— Значит, проколы — следы инъекций? — уточнил Люциан уже с явным любопытством.

— Судя по их диаметру и общему виду, это был не шприц. Разве только кулинарный.

Я снова проследила прихотливый узор цветов — на сей раз не только взглядом, но и кончиком пальца.

— Это нетрудно объяснить. Надо же было как-то ввести внутрь семена? Убийца умертвил женщину — скорее всего, отравил, и вскрытие покажет либо остановку сердца, либо паралич дыхательного центра. Потом соорудил из тела эдакий гидропон. Превратил кровь в водичку, богатую микроэлементами, и разместил семена. А дальше... да, либо волшба, либо алхимия. Скорее всего, и то и другое. Подробнее распишу, когда сяду за отчёт.

— Занятно, — протянул Люциан, не сводя взгляда с роскошных соцветий горного лавра. — Должно быть, много времени и сил пришлось потратить. Как думаешь, для чего всё это?

— До боли напоминает моего бывшего, — фыркнула я и поднялась на ноги. — Самолюбование. Показуха. Подарок, но сделанный просто ради подарка, эгоистичный и громко кричащий: «Заметьте меня, вот он я какой прекрасный!» Таков был замысел.

— Занятно, — повторил он, но теперь уже уставившись на меня. Глаза его сверкали в тени двумя инфернально-жёлтыми огоньками, ловя свет фонарей. — Я пришёл к такому же выводу.

— О подарке?

— И об этом тоже.

Люциан передёрнул плечами, двумя быстрыми движениями избавился от перчаток и подозвал Чарли.

— Маршал Данбар, закончите тут и проследите, чтобы коронеры по возможности сохранили эту икебану в её оригинальном виде. Хочу взглянуть на свежую голову. Маршал Хаттари, вы на машине?

— Хм, не совсем.

— Идёмте, я вас подвезу. Здесь нам больше нечего делать.

Вот так вот. Подвезёт. Без всяких вопросов, чуть ли не приказ вроде того, что он отдал мудиле Барру. Я бы даже возмутилась такому тону — в конце концов, я в состоянии вызвать такси или дождаться, пока освободится Чарли!..

Нет, последнее точно нет — если проторчу на улице ещё немного, точно схвачу какую-нибудь пневмонию. И плевать, что сидхе в принципе не болеют человеческими болезнями.

— Да, сэр.

Чёрный «Гермес» встретил прохладой ещё не прогретого салона и лёгким запахом сандала. Алеку бы здесь вряд ли понравилось, с его-то острым нюхом, а вот мне вдруг стало хорошо.

Что не слишком уместно, по соседству-то от цветущего сидскими цветочками трупа, но на нашей работе довольно быстро отучаешься принимать близко к сердцу всякие там художества. Ну или почти отучаешься. Ничуть не сомневаюсь, что крепкий здоровый сон мне этой ночью не грозит. Не то чтобы я любительница спать по ночам, с моей-то отнюдь не светлой сущностью.

— В Айрон? — поинтересовался Люциан, тронувшись с места. Кар мягко съехал с обочины, под мощными колесами зашуршал мелкий гравий — у нас на Западе это привычное покрытие для небольших дорог.

— Я вот даже не буду пытаться делать вид, что удивлена. В Айрон, куда ж ещё-то?

— Ну, приехала ты к нам не из дома, не так ли?

Ох, блин, нет. Рассказывать, где на самом деле шлялась, я сейчас морально не готова. Нарвусь ведь на нотацию или ещё чего похуже.

— Вы как мой начальник интересуетесь? — уточнила как могла невозмутимо. — Или как хмурый красавчик, любые добавки в кофе считающий богохульством?

— Не любые. Кокосовый сироп и мята вполне приемлемы, — выдал он и вдруг улыбнулся. Едва заметно, но так... тепло, что я мигом забыла о холоде промозглой ноябрьской ночи.

— Если ты знаешь приличную кофейню, работающую в это время, — могу пересмотреть свои предпочтения.

Я изумилась донельзя. Нет, не так — я натурально охренела. Не знаю, от чего больше: от того, что мой криповатый вампирский босс может быть таким преступно милым, или просто от того, что он не проигнорировал мою кошмарно неуклюжую попытку к нему подъехать.

О нет, Киро. Нет! Код красный, код красный! Давай, срочно переведи всё в шутку, ну или прикинься глупой пикси — дела не сделаны, мелочь не сворована, кактусы не политы. Это ж твой шеф. В которого ты и так уже наполовину влюблена, без всяких кофейных попоек. К тому же он не абы кто, а сынок Асторна и настоящей чёрной ведьмы. А ещё он, ну да, слишком хорош для кого-то вроде тебя.

— У окраины Вэйда-тауна, на углу Гленд и Кинвар. Лучший кофе в городе, я гарантирую это!

Что именно я натворила, дошло не сразу. Только когда Люциан свернул на нужную улицу и чуть прибавил газу.

Он собирается выпить со мной кофе. Мой начальник, совсем недавно нарушивший закон ради меня.

Нет, не ради меня, ладно. Но могу же я немного пофантазировать? В конце концов, сидхе когда-то тоже считались детскими сказочками. Пока не стали реальностью. Жутковатой, но всё же волшебной.

Кровь стекала по подбородку — свежая, живая, горячая. Возвращала жизнь в мои жилы, насыщала, утоляла жажду, не знакомую ни человеку, ни оборотню. Лишь другой вампир поймёт, что я чувствую сейчас, вынимая клыки из покорно подставленной шеи

своего донора — совсем молодой девчонки, очевидно, пришедшей в «Мэлоун» впервые. Новичков сразу видно: от них тянет страхом. Судя по тому, как поспешно девушка под села за мой столик, она сочла меня самым приличным вампиром из присутствующих. Тем, кто не причинит ей боли.

Поначалу они все убеждены, что им будет больно, когда острые клыки пронзят кожу. На деле же большинство из нас не любит кровь, пропитанную страхом и болью. Она горчит, точно пережаренный кофе. Нет, жертва должна быть довольна, расслаблена, должна хотеть подставить шею — иначе удовольствия от живой крови ты получишь немногим больше, чем от пакетированной.

Не то чтобы я ощутил большую разницу. Но я, по меркам моей клыкастой родни, всегда был с приветом.

Девчонка — кажется, её звали Сара — успокоилась, когда я заказал вина ей и себе, завёл ничего не значащий разговор о новом спектакле, что нынче идёт в Алькасарском театре. О новом книжном на углу Роузвуд и Лэйн, где помимо книг можно найти довольно редкие музыкальные пластинки. Она была интересной, эта Сара, и охотно подставила шею, стоило только чуть отодвинуть воротничок её платья...

Но лучше бы я выпил кофе. На окраине Вэйда-тауна, в невзрачном с виду кафе, пропахшем деревом, кофейными зёрнами, свежее испечёнными булочками. В компании совсем не донора, а охотницы. Своей подчинённой, удивительно много знающей о сидхе, о магии, о самой разной нечисти, живущей на Западе. С Киро Хаттари, которая вряд ли подпустит меня к своей шее в обозримом столетии, но чья кровь привлекает куда больше, чем кровь Сары.

Потому что она почти наверняка другая. Потому что она принадлежит сидхе, а с ними у нас всегда были особые отношения. Наш род, в конце концов, пошёл от стригоев — фейри-кровопийц, нелюбимых братьями и оттого слишком сблизившихся с людьми. А значит, мы все — потомки сидхе. «Надоедливые младшие братья», как непременно уточнила бы Киро. С едким сарказмом, что появляется в её тоне всякий раз, как речь заходит о дивном народе.

Так или иначе, они создали вампиров. Вернее, прокляли чем-то забористым, пытаясь извести буйно расплодившихся полукровок. Но по ходу что-то напутали — или, если верить Киро, просто

недооценили Железный закон, — и клыкастые байстрюки не вымерли, а мутировали. Обернулись новой паразитической расой, ныне известной как вампиры первой волны. Да, те сказочные страшили, которые наводили ужас на простой люд, боялись солнечного света и не терпели ни светлой магии, ни серебра.

Нынешние кровососы — да, даже мои донельзя заносчивые родственнички, — уже относятся ко второй волне. Более человеческие, более слабые. Однако и в крови нынешние вампиры нуждаются меньше, и слабостям своих жутких предков не так подвержены.

Третья волна зародилась, когда люди перестали быть для вампиров просто едой. Сюда относят и полукровок, как я, и личей, как моя мать — ведьма, обращённая в вампира. Одни вопят, что мы выродки и несём гибель всему славному кровососущему племени, другие — что мы ещё нагнём всех, включая наших дивных предков из Сида. Как оно на самом деле? Да Тьма его знает, поглядим лет через триста.

— Спасибо за вечер, — поблагодарил я девушку, бросил на стол несколько купюр — куда больше, чем стоили два бокала вина. Хотел заплатить и ей, как это принято делать в столице, но она лишь улыбнулась и покачала головой.

Одного укуса достаточно, чтобы человек уже никогда не отказался от этого. Не знаю, что люди в этом находят — точнее, знаю, но вряд ли когда-нибудь пойму, — однако в том, что вампирские притоны Сара будет посещать и впредь, я не сомневаюсь. Возможно, станет искать новой встречи со мной, но лучше бы ей вовсе забыть обо мне к завтрашнему вечеру.

— Уже уходите, ваше высочество? Или называть вас «господин главный ликвидатор»?

Я обернулся, смерил холодным взглядом окликнувшего меня типа. Вампира. Относительно молодого, нахального и выглядящего ну просто как ходячее клише. В тех нелепых молодёжных сериальчиках, что нынче крутят по визору день и ночь, все вампиры моложе сотни лет непременно расхаживают в плащах с заклёпками, подводят глаза чёрным карандашом и красят волосы в жуткие цвета.

Ну ладно, безвкусный кожаный плащ выглядит не так нелепо, как бархатный сюртук в лучших традициях позапрошлого столетия... Вот

уж пятьдесят лет как я не живу среди своих вампирских родичей, а воспоминания о костюмах дядюшек всё ещё вызывают смех. Нервный.

— Последнее предпочтительнее, — сухо сообщил я этому. Даре. Кажется, так зовут пёстрого клоуна, подвизающегося владельцем заведения. — Не припоминаю за собой тяги к сомнительным ювелирным украшениям.

— Но вы Асторн! Для всех вампиров Запада вы, Асторны, всё равно что короли. Даже больше — людские-то монархи давно повымерли.

— Туда и дорога. Прошу прощения, у меня нет времени вести праздные беседы.

с кем-то вроде тебя. Но озвучивать не стал, предпочёл просто обойти Дару и направиться к выходу. Мне неинтересны вампирские тусовки и их законы. Видит Тьма, хватило моих вампиров-охотников, сразу же после официального знакомства принявшихся именовать меня «мастером». Беседу я провёл и ролевые игрища пресёк, но передёргивает до сих пор. Не зря вампиры считаются самыми трудновоспитуемыми тварями в подлунном мире.

— Надеюсь, вы станете нашим постоянным клиентом, — донеслось мне вдогонку.

Однако же я без всякой телепатии знаю, что он на самом деле думает и чего хочет.

Меня. К счастью, не в прямом смысле, но и переносный не слишком хорош. С Асторном, пусть и носящим фамилию Вернер, можно провернуть много разных делишек. Попытаться разузнать что-нибудь о самой влиятельной вампирской семье Алькасара (вот уж вряд ли), или вынюхать что-то интересное обо мне и продать информацию упомянутой семейке (тоже вряд ли).

— Не стану.

От «Мэлоуна» я отъехал, когда утро уже понемногу вступало в свои права. Горизонт светлел, тёмный свинец ночного неба выцветал до белёсой серости. Ледяная плёнка, затянувшая лужи под ногами, начала подтаивать. В ноябре, насквозь промозглом и бесцветном, температура редко опускается ниже плюс пяти по Андресу. Погода на Западе и без всяких морозов то ещё испытание, особенно для тех, кто не любит влажность, дожди и короткий световой день. Зато вампирам

раздолье, как и прочим тёмным тварям, коих тут в достатке. Своих и пришлых.

Чужое присутствие я ощутил, едва войдя в дом. Тьма. Прорва магии, пропитавшей стены, двери, окна и даже пресловутые занавески. Сандал и орхидея. Светлые волосы, умопомрачительные каблуки и строгий взгляд зелёных глаз.

— Мама.

— Люк.

Она развернулась ко мне, отложила пакет с кровью, очевидно, позаимствованный в моем холодильнике, и приглашающе развела руки.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался я, обняв её и клюнув в щеку. — Я думал, ты ненавидишь Запад. Как там было? «Ноги моей не будет в этой сраной дыре, покрытой камышами и лягушками»?

— Не задавай глупых вопросов. Не могла же я оставить дом своего мальчика без защиты?

— пожурила мама. И, сморщив чуть курносый нос, добавила: — А ещё я поссорилась с твоим папой. Видит Мать Тьма, выбор был небогат — либо я сматываюсь на грёбанный Запад хотя бы на денёк, либо сбрасываю труп этой скотины в океан.

— Что на этот раз сделал папа? — силясь сдержать смешок, поинтересовался я. Ссоры родителей частенько перерастают в обещания скорого развода, но на том и заканчиваются. Да что там — они помирились даже после того, как разбежались на целый год.

— Пришёл домой, вонял чужими духами. Нет, я-то знаю, что у него яиц не хватит мне изменить, но провести беседу с этой, мать его, творческой личностью была обязана. Для профилактики. Ну а дальше сам знаешь — слово за слово, тарелкой по столу, в итоге я — тиран и деспот, а он — бедная ущемлённая ромашечка, в которой я убиваю тягу к романтике.

— Романтика в виде чужих духов?

— О, он якобы выбирал их мне со своей организаторшей. Нет, Люси милая девочка, но уж слишком в восторге от этой клыкастой сволочи и готова таскаться за ним хоть всю ночь. По магазинам, барам и где он там ещё был, я не уточняла.

В общем, типичный папа. Наверняка ещё и жаловался несчастной Люси на свою трудную жизнь недооцененного гения. Врал как дышал — уж я-то знаю, насколько он талантлив и какие залы собирает. А письма от его поклонниц мама уже давно не сжигает — исправно сдаёт макулатуру килограммами, мол, хоть так попробую спасти лес, вырубленный ради этого бреда.

Как так вышло, что единственный урождённый сын Грегора Асторна, властвующего лорда одноимённой крепости, решил стать вовсе не главой славного вампирского рода, а блистательным пианистом? Поди объясни. В семье были недовольны, но до поры до времени сносили его придурь. Всё же свои дети у вампиров рождаются редко, и отношение к ним особое. Тоже до поры до времени. В нашем случае до тех пор, пока на свет не появился я — бельмо на глазу у всех Асторнов, начиная с Грегора.

— Ну да и Тьма с ним. Расскажешь, как тут устроился?

— Сначала схожу в душ, — покачал головой я. — А потом наконец спрошу, откуда ты узнала мой адрес, как вошла в дом и что с ним сделала. В подробностях, мама. Не хочу однажды заночевать на крылечке только потому, что ты была слишком усердна.

— Да за кого ты меня принимаешь? — возмутилась мама.

— За лучшую тёмную ведьму Магистерии. А ещё — за вампиршу. Тяга к излишней опеке у нас передаётся с первым укусом.

Она явно хотела поспорить и высказать всё, что думает о вампирах и их придурки, но сдержалась.

— И то верно. Всё, иди, я пока соображу нам завтрак.

Когда я вернулся из душа, на столе уже ждали паста с курицей и грибами, салат, белое вино, разлитое по бокалам. Человеческая пища приносит немало удовольствия, особенно если она приготовлена нужными руками и по правильному рецепту. Мама никогда не была таким уж прекрасным поваром, но её паста — лучшая в мире.

— Как дела на работе? — поинтересовалась мама, отпив немного вина. — Ты, надеюсь, не повторяешь свои столичные подвиги и хоть иногда берёшь выходные?

— Иногда — беру, — ответил я честно. — Например, сегодня.

— Ты же понимаешь, что наше государство не станет говорить тебе спасибо?

— Государство — нет. Но мои подчинённые скажут. Серьёзно, я понятия не имею, как это всё работало до сих пор! Например, у меня в команде парочка вампиров — Эллиот и его жена Маккензи. Именуют меня мастером, чуть ли не в рот заглядывают. С трудом убедил их, что «маршала Вернера» более чем достаточно, но эти Блэки... они странные.

— Блэки? Что-то припоминаю. Третья ветвь Асторнов, вроде бы отделились меньше сотни лет назад.

— Да, они. Нормальные ребята, с виду беспроблемные, но опять же — Блэки. А ещё у меня есть три оборотня.

— Только не говори, что ты с ними уже разругался, — засмеялась мама.

— Нет, но очень близок. Видит Тьма, коты — худшая разновидность перевёртышей. Вот он вроде бы весь такой: «да, сэр, будет сделано, сэр». Но я же вижу, шерстяной поганец что-то задумал! И скрывает всё; пока не спросишь — нипочём не узнаешь, что творится под носом. Пару разъяснительных бесед провёл, но сама знаешь.

— Нет никого независимее котиков, — сочувственно закончила за меня мама, звякнула своим бокалом об мой.

— Остальные вроде ничего, но альфа в этой стае — Алек Сазерленд. Что меня категорически не устраивает. Ведь помимо всей этой клыкасто-меховой братии у меня есть ещё и сидхе.

Мама заинтересовалась. Я это понял по тому, как вмиг изменились её осанка и взгляд — в ней нет ни капли оборотничьей крови, но сейчас Лорейн Вернер напоминает хищницу на охоте.

Сидхе — самая сильная и опасная раса в мире. Ну а фейри Зимнего двора — Тьма в чистом виде, опасная и притягательная для всех, в ком есть хотя бы одна её капля. А обаятельная улыбчивая девчонка, бойко рассказывающая о своих сородичах на протяжении четырёх часов кряду, притягательна вдвойне. Потому что охотно пьёт с тобой кофе, не спрашивает о сомнительном во всех смыслах происхождении и увлечённо слушает о деле Берсерка-мучителя, которого мы всей столицей ловили каких-то пару лет назад. Слушает, слушает... и подаётся навстречу так, будто хочет подставить шею под клыки. Плевать, что ничего такого вовсе не подразумевалось, и мы с Киро просто пили кофе. Желание вонзить в неё зубы было велико.

Настолько велико, что молодая симпатичная Сара показалась куда менее вкусной, чем паста и бокал вина. Неслыханное дело для вампира, даже если он слегка бракованный.

— Её зовут Киро Хаттари. И клянусь, мама: или у меня уже старческая паранойя, или у девчонки целый ворох проблем с головой.

— Хаттари? Вэйданка, да? Что-то знакомое. — она в задумчивости постучала пальцем по губам. — А, точно! Девочка с кафедры пара-биологии, училась на одном потоке с мальчишкой Магратов и ходила ко мне на факультатив. Талантливая, сильная, очень тёмная и. О нет. Нет-нет-нет!

Мама в ужасе уставилась на меня. Я в ничуть не меньшем ужасе глянул на неё.

— Мама, что?

— Она же из этих. этих. долбанных музыкантов, Тьма её подери! Малахольная красотка не от мира сего; в комплекте пафосная скрипочка, кроткий олений взгляд и прочие атрибуты идеальной вампирской закуски. А ещё девчонка играет как все три наших бога, и в своё время половина кампуса Магистерии по ней сохла. И ты, разумеется, тоже на неё запал!

— Боги, мама.

— Что? Я сделала прекрасного сына, но ты не должен был унаследовать от меня пагубную тягу к нежным и трепетным засранцам с тонкой душевной организацией! Ох, Люк, просто вспомни своего папашу!..

Я вздохнул. Мама, папа и их вечная драма! Она его любит, сколько бы ни грозила страшной смертью и разводом, но, кажется, никогда не перестанет ворчать про его непригодность к жизни.

— Мама, нет, — заверил её чуть поспешно. — Я ни на кого не запал. Это непрофессионально, во-первых, а во-вторых, мы знакомы неделю. Да, Киро более чем привлекательна, и да, мне с ней интересно. Но на этом все.

Увы, меня будто и не слышали.

— Она сидхе, — припечатала мама так, будто это всё объясняет.

На самом деле — да, вполне объясняет. Потому как меня неизбежно влечёт к Киро. Я желаю её. Не в буквальном смысле, но с каждым днём, с каждой минутой всё чаще думаю о ней, всё больше хочу узнать. Отнюдь не в профессиональном смысле.

Просто тьма тянется к тьме. Таков закон.

— Мам, она охотница, у которой очень много проблем. Молодая, отчаянная и горячая. И я не хочу, чтобы она вляпалась во что-нибудь мало совместимое с жизнью.

— О да, это же так необычно для охотников, — фыркнула мама. — Сдаётся мне, дело тут совсем в другом.

— И в чём же? — поинтересовался я самую малость едко.

— Нет, — она покачала головой, насмешливо поджала губы, — не надейся, я не стану тебе помогать. Ты взрослый мальчик, разбирайся со своим цветником сам!

— Но если будет нужна помощь, я всегда могу к тебе обратиться.

— Ну разумеется, — мама поднялась с дивана, потянула меня за руку, вынуждая встать тоже. — Идём, я покажу тебе, как тут всё устроила.

На вокзале былолюдно и шумно — туда-сюда сновали охранники, бежали люди, таща за собой громоздкие чемоданы.

— Уверена, что не хочешь отправиться домой порталом? — спросил я, передавая матери саквояж. Увесистый, но и вполонину не такой большой, как сумка, которую пытался впихнуть в соседний вагон тучный мужчина. — Помнится, ты терпеть не могла поезда.

— И до сих пор терпеть не могу. Но купе-люкс, оплаченный с банковского счета твоего отца, несколько примиряет с действительностью. Там даже есть душевая! К тому же не хочу его видеть до завтрашнего утра. Пусть помучается.

В том, что папа и впрямь мучается, ничуть не сомневаюсь: Роберта Асторна ничто не бесит и не расстраивает так, как игнор. Нет, отец на фоне прочей семейки весьма добрый малый, но тяга к вниманию, поклонению и всеобщему восхищению накрепко засела в генах.

— Позвони, когда доберёшься, — я поцеловал маму в щеку, прижался к узкой ладони. — Не хочу узнать о вашем разводе лишь через пару лет.

— А ты будь осторожнее. Видит Тьма, оборотни, вампиры и сидхе в одном городе — сплошная катастрофа. А уж в одном офисе...

Поезд приглашающее загудел, и мама заторопилась в вагон. Помахала мне в окно, прежде чем скрыться в своём купе, и я остался в гордом одиночестве. Ну, не считая прочих провожающих. А ещё тех, кто уже опаздывал на следующий поезд, путал платформы, спотыкался и шлёпал ботинками по вновь подмерзающим лужам.

На Роузвуд я выехал, когда вокзальные часы показывали десять вечера. Время, когда некоторые тёмные твари вовсю бодрствуют, но я вдруг ощутил, что не прочь и поспать. Ночь в «Мэлоуне», день с матерью, которая помимо бесед и обедов вытребовала прогулку по Алькасару. Морщилась на каждом шагу, но, кажется, тоже немного скучала по этим местам.

Мечты об уютном гробе, роль которого у всех не поехавших крышей вампиров выполняет обычная человеческая кровать, пришлось отбросить в сторону. Ни о каком сне не может быть речи, когда вдруг видишь, как твой маршал — самый проблемный из всех — куда-то чересчур торопится. Точнее, кого-то преследует. Это я понял, проехав чуть вперёд и заметив невысокую фигуру, то и дело озирающуюся, но явно не замечающую хвоста. Слишком слаб или Киро воспользовалась очередным своим талантом?..

Затормозил, подотстал немного, после чего медленно пустил кар следом за ней. Однако не проехал и квартала по пустынной улице, когда незнакомец вдруг свернул в неприметный переулок. Киро последовала за ним. Пришлось остановиться.

Я веду себя странно. Ненормально. Нет ничего адекватного в преследовании своей подчиненной среди ночи — особенно если вспомнить, кто эта подчиненная по профессии. Возможно, она просто преследует подозреваемого, и если дело коснется какого-то важного расследования, я обо всём узнаю завтра или даже сегодня.

Возможно.

Я нервно потёр переносицу. Останься в машине, Люк, подожди, чем всё закончится; если вдруг что случится, ты успеешь...

Куда там — из кара я вымелся резво, успев только схватить с приборной панели комм и достать из бардачка пистолет. Сунул его за пояс, пропустил машину, чей водитель явно не знает о правилах дорожного движения и допустимой в городе скорости, перебежал дорогу и направился следом за Киро.

Переулок, прямо-таки шаблонно тёмный и грязный, оканчивался тупиком. Я в недоумении огляделся — и куда же могла шмыгнуть эта парочка. нелюдей? Не сквозь землю же они провалились? Но затем сообразил. Гламор, треклятый фейский гламор. Наверняка где-то здесь спрятан потайной ход.

Как в дурацком ужастике очутился, честное слово.

Догадка оказалась верна: струны волшебства протянулись вдоль холодной кирпичной стены, указывая путь всякому, кто умеет слушать и слышать. Я умею. Не знаю уж, себе на счастье или на беду.

Пройдя прямо сквозь стену — премерзкое ощущение, должен сказать, — тут же едва не навернулся с низенькой лестницы. Да чтоб тебя. вот уверен, эти чудеса планировки специально для таких

незванных гостей, как я. Не свернёшь шею, так спалишься уже у самого порога.

Стараясь ступать как можно более бесшумно, двинулся по тесному длинному коридору — туда, откуда пробивался тусклый зеленоватый свет и слышалась приглушённая речь.

—.. попомни мои слова, Майред Мор, — донеслось до меня злобное, явно нечеловеческое шипение, — все мерзости, что совершила ты против своего народа, ещё вернутся тебе сполна.

— Вы не мой народ, зубастая ты гадина. И потом, мерзостью больше, мерзостью меньше. Кто вас, лепреконов, считает?

Голос вроде всё такой же, мелодичный и нежный, с уже привычным мягким акцентом, — но вот тон совсем незнакомый. Чуждый. Опасный. По коже прокатилась волна озноба, но тут же сменилась чем-то иным, тёмным и жарким. и явно неуместным, да.

— Мнишь себя человечкой? — гадливое хихиканье лепрекона наждаком прошло по слуху, заставив скривиться. — Волк в овечьей шкуре нипочём не станет овцой, Майред Мор. Кровь не водица, так людишки болтают.

— Я не на сеанс психотерапии пришла, — отрезала Киро. — Ох, Тагон, как тебе только в голову пришло — воровать детей у меня в городе? Ты же знал, какова цена.

— Иорэт хорошо платит. Золотом.

Забавное уточнение. Похоже, про одержимую тягу лепреконов к золоту молва не врёт.

— Это же просто дети, мудро ты в зелёных штанишках! Как у тебя руки поднялись забрать их у родителей, сбавить Иорэту, чтобы тот продал их, как скот!..

— Людишки и есть скот. Питаются, правда, всякой дрянью, и оттого не все годятся в пищу. Но младенчики — совсем другое дело! Особенно славно выходят, если запечь в глине и листьях лопуха. Ела когда-нибудь?..

Раздался удар, а затем тоненький вскрик — гадёныш выхватил по морде. Судя по всему, младенчики в меню Киро не входят.

— Я уж подзабыла, с кем имею дело, — вздохнула она. — Скажи мне, Тагон: каких размеров был горшочек с золотом, раз ты решился отдать за него жизнь?

Ответом был ещё один мерзкий смешок.

— Врёшь, не убьёшь.

— Да с чего бы?

— Как там поживает Риан Гри? — Злобное, почти кошачье шипение разнеслось по каменному мешку. Я не сразу понял, что это была Киро. — Слыхал, он пошёл в родню отца.

— Вся его родня — я!

— Брехня. Его отец звался Тристаном, и он был. хм, он был.

— Кем? — выдохнула Киро едва слышно. — Кем он был?

— У нас есть сделка, Майред Мор? Хочешь узнать больше?..

Металл с влажным хрустом вонзился в плоть — однажды услышав этот звук, больше ни с чем не спутаешь. Что-то глухо стукнуло об пол и... выкатилось мне навстречу. Голова. Лохматая, зелёная как горох, с раззявленной пастью, в которой поблескивают два ряда мелких игольчатых зубов, и с двумя чёрными провалами на месте глаз.

— Спасибо, обойдусь, — пробормотала Киро. А затем вышла мне навстречу и подняла отрубленную голову, брезгливо ухватившись за всклокоченную гриву красно-бурых волос.

Меня она заметила пару секунд спустя и тут же застыла на месте, глупо приоткрыв рот. Прямо-таки сама невинность. Разве что окровавленный мачете да башка лепреккона портят образ. Слегка так. Самую малость.

Башку она, впрочем, тут же небрежно отбросила куда-то за угол. И произнесла чуть досадливо:

— Люциан, будь у нас планы на вечер, я бы это точно запомнила.

— У нас их и не было, — я окинул взглядом всю представшую глазам картину, с трудом поборол желание снова потерять переносицу. — Теперь есть. Киро, отдай мне мачете.

Она по-птичьи склонила голову к плечу, нахмурилась чуть озадаченно, перебросила здоровенный нож в левую руку. А затем наконец протянула его рукоятью вперёд.

— Не знаю, что ты успел нафантазировать, но возьми, если тебе так спокойнее.

Отдав мачете, Киро задумчиво поглядела на свою ладонь, неспешно слизнула с неё кровавую дорожку, оставленную клинком ножа. Не мне осуждать, однако зрелище такое себе. Возбуждающее, не

поспоришь. Но неправильное. Потому что Киро нельзя так делать. Эта кровь — чужая кровь — не должна касаться её губ.

— Ты что, следил за мной? Серьёзно, блин? — осведомилась она в уже привычной прямолинейной манере.

— Вполне, — не стал я отнекиваться. Прислонил нож к каменному выступу за спиной, прошёл чуть вперед. — Вижу, что не зря. Киро, что ты делаешь?

Интересно, что она ответит? Правда, ничуть не сомневаюсь, что ни один из её ответов мне не понравится.

Киро передёрнула плечами, обиженно глянула на меня исподлобья. В вырезе футболки, у самой ключицы, тут же гневно запунцовела парочка чернильных цветов.

— Убиваю сидхе. Именно за это меня и терпят прекрасные чистокровные люди, не так ли?

Не понравился. В первую очередь потому, что я ни словом не ошибся, расписывая матери, как плохо с головой у одной из лучших студенток Магистерии за последние годы.

— Если у тебя есть ордер на ликвидацию и неоспоримые доказательства, что ликвидируемый виновен и не подлежит аресту. Для этого ты столько училась, Киро, разве нет?

Она молчала, только цветы на коже разгорались всё ярче. А я вдруг обозлился на неё — за вот эту прорву непонимания во взгляде, за невесть с чего взявшуюся обиду.

Спокойно, Люк. Ты знаешь, как это работает. Дети не понимают давления, ругани и излишних эмоций. Они все одинаковы, сколько бы лет им ни было и каким бы большим ножом ни рубили головы.

— Ясно.

Я потянул из кармана пачку сигарет. Она всегда при мне, на всякий случай. Особо нервный случай. Примерно такой, как сейчас.

— Как думаешь, почему в книгах и всяком второсортном кино люди не слишком любят линчевателей? Казалось бы, они же герои, спасают мир от зла, ежечасно, жертвуя всем ради благородной цели?

— Я не долбаная героиня и не прошу меня любить! — выпалила Киро, теперь уже явно взбесившись. — Однако вряд ли меня осуждают все те люди, чьих детей я вернула домой. И те люди, чьих детей я не успела спасти. И те, чьих родных и близких твари из Сида замучили до смерти, до сумасшествия, до... Ты ещё не понял, что ли? Люди хуже скота. Людей можно жрать, истязать ради забавы, убивать из прихоти. И именно поэтому людям метровый хрен класть на твои ордера! Сидхе, кстати, тоже: они и слова-то такого не знают

— о-ордер!

Я щёлкнул зажигалкой, подкурил сигарету и почти сразу же отдал её Киро. Почему-то решил, не откажется. И оказался прав: она с сомнением посмотрела на меня, но всё же сжала сигарету между пухлых губ, мрачно уставилась на меня. Я взялся за вторую, вдохнул ароматный дым — вишня и шоколад. То ещё сочетаньице, уж как для не самого большого любителя сладкого.

— Киро, от героя до маньяка — даже не шаг, а полшага. Случайная жертва, чуть больше ненависти от тех, кто только вчера говорил тебе спасибо, — и вот уже блистательная охотница на тварей сама становится такой же тварью. — Сейчас бы сесть или хотя бы облокотиться о стену, но я сдержался — неохота отстирывать с пальто кровь этой зеленорожей мрази. — А мы так и вовсе не герои, никогда ими не были. Мы наёмные убийцы на службе у государства. Всё, что нас отличает от ассасинов — работа за оклад. И то, что мы сами должны искать тех, кого нужно убить. Доказывать, что их нужно убить.

Киро сокрушённо покачала головой, выдохнула облачко дыма и снова судорожно затянулась.

— Но я и есть тварь, — произнесла она негромко и почти жалобно. — Впервые приходится объяснять очевидное, ведь, знаешь, мне никто и никогда не позволял забыть об этом. Что бы я ни сделала, сколько бы ни старалась! Я стала маршалом просто потому, что хотела защитить людей от сидхе. Но Алькасару не герои нужны, а палач. Крысолов с дудочкой. Чума, которой пугают бессмертных тварей. И они боятся. Лишь у пары-тройки из них достанет храбрости просто произнести вслух — Мериг Майред Мор.

— Мериг Майред Мор? — повторил я машинально — сказалась любовь к новым незнакомым словечкам. — И это...

Киро вздрогнула, чуть пошатнулась, и сквозь марево табачного тумана я вдруг на миг увидел, какая она на самом деле — с кожей оливково-зелёного оттенка, чуть сияющей золотом на висках и острых скулах, и с плавно изогнутыми рогами, словно выточенными из эбенового дерева. С чёрными глазами, в глубине которых парой крошечных пульсаров мерцали пурпурные искры.

Немного жуткая, но не отталкивающая. Совсем нет. Наоборот даже.

— Имя. Истинное. Не разбрасывайся им почём зря, я ведь услышу, — бесстрастно пояснила Киро, взмахом руки вернув себе привычную расцветку. — К чему я вообще вела? Ах, да! Я делаю то, что от меня требуется. Говорю с сидхе на их языке. Они не понимают людских законов, не знают морали, любви, жалости. только силу и жестокость. Будем с ними как с людьми — и нас просто сожрут. Всех нас. Такие дела, чувак.

— Аргументы убедительные, не спорю. Вот только однажды, рано или поздно, ты с ними перегнёшь. И тогда мы с тобой распрощаемся. Даже могу сказать, что будет дальше.

Я затушил сигарету о стену. Хотел было бросить тут же, но вспомнил, в каком. натюрморте сейчас нахожусь, и сунул окурочек в карман. Киро повторила за мной.

— Сначала ты лишишься всех рамок. Тех самых, бюрократических. Постепенно вокруг тебя будет всё меньше людей. Это неизбежно, не смотри на меня так — у ребят слишком много работы, чтобы проводить время с тобой. Безнаказанность и

одинокчество — и вот уже ты сбрасываешь с крепостной стены своего брата. Редкостного ублюдка, для которого пуля в башке — слишком гуманная смерть. Но брата. Затем силком влюбляешь в себя девчонку, которая тебе нравится, и она понемногу сходит с ума. А потом бежишь. Так далеко, как можешь, чтобы заглушить отвращение к себе — и дай Тьма, если тебе на пути попадётся тот, кто сможет вытащить тебя из этой задницы. Потому что если нет. Ты знаешь, как быстро выписывают лицензии на ликвидацию, когда пригорает.

Киро посмотрела на меня странным взглядом. То ли стусевалась, то ли немного, но всё же поняла, к чему я веду. Цветы на ключицах снова поникли, как тогда, в моём кабинете, и я вновь испытал почти непреодолимое желание обнять её. Успокоить хоть немного.

Нельзя. Когда вскрывают нарывы, всегда больно. Зато потом заживает безо всяких следов. Или почти без них.

Я со своими следами свыкся.

— Вы ведь не о сидхе сейчас, сэр?

— Не о них.

Плевать на сидхе. Видят боги, большинство из них давно следовало бы извести под корень, тут вся правда на стороне Киро. Но мне слишком хорошо известно, что делает с мозгами чувство превосходства. На примере Асторнов, всех поголовно. И на собственном тоже: до сих пор не уверен, что стоило забрасывать диплом юриста в дальний ящик. Я был бы великолепным адвокатом, беспроегрышным... выпускал бы из тюрем убийц, насильников, продажных политиков. Много бы времени мне потребовалось, чтобы стать таким же, как они?

— Я далеко не сразу стал ликвидатором, Киро. Вампиры, оборотни, сидхе — какая людям разница? Мы для них всё ещё чудища, которых теперь можно использовать как пушечное мясо. Мне потребовалось много труда, чтобы доказать, чего я стою, и добиться всего, что у меня есть. И я очень не хочу долбать всё это, понимаешь? И ты не хочешь. Иначе не пошла бы в охотники, а ринулась бы устраивать клумбы в оврагах, как наш новый знакомый флорист.

Она провела ладонью по волосам, спадающим непослушными волнами на хрупкие плечи; накрутила прядь на палец, словно не в силах сладить с собственными руками. Растерянно нахмурилась,

глянула на меня снизу вверх — печально, беспомощно, почти умоляюще. Так, словно нуждалась во мне. Будь это иная ситуация, я бы однозначно воспринял такой взгляд как приглашение.

Да я и воспринял. Не разумом, но тем низменным инстинктом, что громко требует вонзить клыки в доверчиво открытую шею и взять свою пинту крови.

Однако же, слава Тьме, я пока ещё хозяин и своим клыкам, и своим инстинктам.

— И что же тогда делать?

— Для начала мы спрячем труп. — Киро посмотрела на меня вопросительно, будто не сразу поняла, что я такое несус. — После чего выпьем кофе и съедим по стейку с кровью. Самое оно после расчлененки. Завтра оба пойдём на работу, и ты приведёшь в порядок все свои дела, оформишь все ордера и сопутствующие документы. Это важно, Киро, последовательность и рутина — единственное, что сдерживает наши порывы.

— Часть про кофе и стейк мне больше нравилась, — пробурчала Киро, озираясь по сторонам. — Интересно, а горшок с золотом он здесь же прятал?

Она что, издевается?..

— Маршал Хаттари, нет. — Я наклонился, подцепил лепреконскую голову за клочок волос.

— Надеюсь, у тебя есть лопата. Не хочу, чтобы это всплыло в реке.

— Лопата? — переспросила она, всем видом давая понять, что оскорблена до глубины своей чёрной сидской души. — О, сэр, как многому мне ещё предстоит вас научить.

— Надеюсь на это, Киро.

Уже намного позже, лёжа в своей постели, я вдруг осознал: кажется, посиделки до пяти утра прочно вошли в мою жизнь. И я совсем не против.

Дело было вовсе не в жутковатой прогулочке по лесу Лливелин посреди ночи. И даже не в горячем полусыром стейке, в который я вгрызся, желая утолить голод. Не тот, от которого ворчит желудок и портится настроение. Нет, не тот.

Мой голод совершенно иного толка.

— Киро Хаттари, — выдохнул я в тишину тёмной комнаты. — Мериг Майред Мор...

Истинное имя сидхе — внезапный подарок, выданный мне невесть за какие заслуги — слетело с языка неведомым заклинанием. Тоненько зазвенело на струнах волшебства, пахнуло ванилью, миндалём и сосновой канифолью, осело на коже нежным касанием чуть тёплых пальцев.

Улыбнулся как кретин. И искренне порадовался, что никто меня сейчас не видит.

Дары от сидхе несут в себе множество бед, это в любой детской страшилке оговорено на сто рядов. Да только нет там ни слова о том, как трудно от их даров отказаться. Вовсе невозможно, что уж.

Ведь моё множество бед я знаю в лицо — и поди ж ты, не имею ни малейшего желания от них бежать. Наоборот даже, я их жду.

Или скорее жажду.

Истинное имя даёт власть над сидхе? Брехня. Очередной самообман испуганных людишек, без толку надеявшихся укротить первородных чудищ.

Ну, так я всегда думала. До того, как вместе с именем у меня похитили сон, покой и здравый смысл.

Мериг Майред Мор.

Опять он за своё, зар-раза!

Но хватило одного взгляда на клыкастого наглеца, чтобы сердитая отповедь застряла где-то в глотке. О нет, охота вовсе не спорить, а податься вперёд, провести ладонью по коротким чёрным волосам; кончиками пальцев проследить чёткие линии острых скул и сильной челюсти; большим пальцем коснуться чуть подрагивающих в усмешке губ.

Да, вот это всё я и проделала, самую малость подивившись своему нахальству. И Люциан против таких вольностей не возражал, судя по тому, как вспыхнули и тут же потемнели его глаза.

— Серьёзно, Люк? Снова? — всё же пробурчала я с упрёком. — Не надоело?

— Не надоело, — эхом откликнулся он. — И не уверен, что когда-нибудь надоест. Ты против?

Против? Нет, скорее. Нет.

Я говорю на трёх языках, но просто не могу подобрать слов, чтобы описать, что я чувствую всякий раз, как он зовёт меня.

— Просто перестань уже без конца повторять это имя. Чувак, оно такое идиотское!

— Оно волшебное, — Люк улыбнулся, коснулся прохладной ладонью моей щеки. — Ты волшебная.

Я могла бы с этим поспорить, но вот беда — совсем не хочу. Нисколько. Какие могут быть возражения, когда даже от такой нехитрой ласки у меня мозги плавятся, точно забытая на солнцепёке шоколадка?

— Ты такая красивая, Киро, — выдохнул он, склонившись ко мне так близко, что я могу разглядеть яркие крапинки золота в его холодных зелёных глазах. — Красивая, умная, добрая и... да, абсолютно волшебная.

— Да это же та часть, где я говорю «заткнись и поцелуй меня», — пробормотала я.

— Разве?

— Мужик, это мой сон, я тут главная!

— О, в самом деле? — изумился Люк чуть издевательски.

Без вариантов. Наяву мой охренительно горячий вампирский шеф ни за что не наговорил бы мне таких смущающих вещей.

А я бы ни за что не набралась смелости обнимать его за шею и целовать так, словно имею на это полное право, и.

и я проснулась. Донельзя растерянная, толком ничего не соображающая, но крайне недовольная, что меня оторвали от. от чего, интересно?

Странно, я в последнее время почти не запоминаю свои сны. Уловила только, что там обычно присутствует маршал Вернер, как всегда малость чопорный и непристойно красивый. И стойкий запах эротики. но это уже причина и следствие, да. Положа руку на сердце, после регулярного общения с кем-то, кто выглядит как два метра несусветного порно, должно и обязано сниться что-нибудь похлеще.

От явно неуместных фантазий со мной и шефом в главных ролях меня очень своевременно оторвал звонок комма. Так и не открыв глаз, нашарила на прикроватной тумбочке настойчиво вибрирующий гаджет и прижала его к уху.

— Слушаю.

— Привет, Киро. Разбудила?

Пару секунд спустя я сообразила — это Мойра Грант, одна из кураторов Железного Чертога и наш с Рэном личный надзиратель

— Нет, я тут просто. всё в порядке, — заверила я, свободной рукой пытаюсь дотянуться до часов, которые с утра по обыкновению сняла и положила рядом с коммом.

Начало четвёртого, надо же. в последнее время я старалась вставать не позже двух, помня, что в недалёком будущем со мной станет жить ребёнок, у которого режим и всё такое. Поначалу было тяжело, но что ни сделаешь ради самого милого крыжовничка на свете?

А, чтоб её... вряд ли она звонит просто чтобы услышать мой распрекрасный голос. Меня охватило беспокойство — смутное, не вполне рациональное, знакомое всякому родителю. В порядке ли мой ребёнок? Не случилось ли чего в моё отсутствие?

— В чём дело, Мойра? Это по поводу Рэна?..

На том конце слышалось тихое ругательство, а затем тяжкий вздох. Прямо-таки воочию увидела, как Мойра нервно треплет буйные рыжие кудряшки, пышным облаком обрамляющие чуть присыпанное веснушками лицо.

— Извини, Киро, я правда сделала что могла, но. Просто хочу, чтобы ты знала: если решишь обратиться в суд, я тебя всячески поддержу. Их обоснования смехотворны!

Окончательно проснувшись, я судорожно выдохнул и резко села на постели. Не хочет же она сказать, что.

— перезвоню позже.

Бросив комм на подушку, откинула одеяло и прямо как была, босиком и в одной лишь безразмерной футболке, помчалась на улицу.

Письмо, конечно же, одиноко валялось в почтовом ящике. Внутрь конверта с тёмно-синей печатью заглядывать не хотелось — ведь благодаря своему куратору я уже знаю, что внутри.

Я признана неподходящим усыновителем для ребёнка с особенностями. Мой Рэн по-прежнему будет носить имя Рэйнард Ферра и дожидаться, когда же до него снизойдет нормальная семья. Ну или его вампирский папёнька Дристан. Или Тристан? Как его там обозвал дохлый лепреккон? Ох, неважно.

Ровные печатные строчки подозрительно расплылись перед глазами. Спешно утёрла слёзы тыльной стороной ладони, закусила губу едва не до крови и зло помотала головой.

Подбери сопли, маршал Хаттари. Не время жалеть себя, надо со всем этим что-то делать. И ты даже знаешь, с чего начать.

Ладно, начала я с быстрого душа и пары чашек свежего кофе, такого крепкого, что даже Люка перекосило бы. Вообще я не любительница, но сейчас жизненно важно прочистить мозги. Прогнать прочь желание рухнуть обратно в постель и жалеть себя. А ещё — немного оттянуть не самую приятную встречу.

Да, скорее очень неприятную.

Что забавно, встретились мы с Виктором Крэйном именно здесь, в «Сапфировом драконе». Был вечер пятницы, народу битком; ко мне за столик подсел парень в шикарном костюме, очаровательно нахальный и безумно привлекательный; ну а я ожидаемо свалилась ему в руки, точно перезрелая груша. В какой-нибудь розовой девчачьей книжонке всё это дело непременно заполировали бы свадьбой и детишками, верно? Увы, у нашей книжки оказался донельзя паршивый конец.

Поразительно, как резко может поменяться твоё отношение к человеку: вчера ты без него жить не могла, а сегодня с трудом выносишь его присутствие.

Хотя тут я изрядно преувеличила. В обе стороны.

Я любила Виктора, правда любила. Он был первым и последним серьёзным увлечением за все мои тридцать лет, и мы даже планировали пожениться. Вроде как. Да только вот... мои чувства к нему начали потихоньку выдыхаться задолго до нашего безобразного разрыва. Невозможно без оглядки и без срока годности любить кого-то настолько требовательного, эгоистичного и скупого на эмоции.

Пережить это оказалось труднее, чем я думала. Одиночество порой ранит хуже любого ножа. Это было больно и жуть как странно: я не желала больше видеть человека, предавшего меня, но всё же скучала по нему так сильно, что никакими словами не выразишь.

А потом опомнилась. И искренне порадовалась, что эта сволочная напасть в костюме за две штуки талеров меня миновала.

— Выглядишь усталой, Киро-чин, — заявил Виктор в обычной своей нахрапистобесцеремонной манере. — Твой Алек должен лучше о тебе заботиться.

Ну да, вот такой он у меня очаровашка. Был, слава всем богам.

— Мне не пять лет, Виктор, и Алек не моя нежная мамуленька, — привычно огрызнулась я, сев напротив него. — Он мой друг.

— Ну да, конечно. Друг.

Боги, как я этого козла терпела почти три года?

Нет, поначалу-то вовсе не терпела. Виктор Крэйн красив, потрясающе уверен в себе и никогда не лезет за словом в карман; имеет вэйданские корни и хороший доход, шикарно смотрится в своих дорогуших костюмах и очень нравится моей маме. Вернее, нравился.

До тех пор, пока не изменил мне с моей же подругой.

Честно, я тогда и не думала, что буду считать это предательство счастливым избавлением. Понимала, конечно, что мой прекрасный принц уж давненько обернулся тыквой. Но прощала его. Любовь же и всё такое. Кто из нас идеален? Я вот точно нет.

Виктор не упускал случая мне об этом напомнить. И работа у меня жуткая, и друзья не те, и сама-то я ни разу не идеальная трофейная жена, а трындец ходячий. Даже свою измену он пытался оправдывать эпичной тирадой о том, что устал от моих выкрутасов и захотел немного нормальности. Я устыдилась, нет, реально! Всегда ведь говорила: одумайся, Тору-чин, бросай своего деспотичного папашу и иди в прокуроры!

Со мной быть и впрямь сложно. Понять могу. Простить — нет, ни фига подобного. Вот что угодно простила бы, только не измену. Кроме того, мы бы и без всяких измен разбежались, и теперь это до обидного очевидно.

— У нас очередной акт вечной драмы под названием: «Вы с Алеком трахаетесь или да?» Ну так ответ прежний — нет, блин! Впрочем, тебя это больше не касается.

На красивом скуластом лице заиграли желваки, чёрные глаза уставились на меня строго и гневно. Однако Виктор умеет держать свой норов в узде, когда это необходимо.

— Твой паскудная сестрица что-то долго несёт наш чай, — выдал он почти миролюбиво.

— Просто надеюсь, что туда не плюнули и не подсыпали чего-нибудь эдакого. Интересно, мы в свои шестнадцать были такими же засранцами?

Я невольно усмехнулась. Да, наша Кори может и не такое выкинуть.

— Увы, у Кори отцовский темперамент. Ну и да, ей шестнадцать. И ты вроде как заслужил пару ложек слабительного.

— Боги, Киро, сколько ещё раз я должен извиниться?!

— Нисколько. Ни к чему мне извинения, Тору-чин, это всё уже в прошлом.

Всё в прошлом, Виктор. Ты в прошлом.

Судя по выражению, застывшему на лощёной физиономии, быть в прошлом ему не понравилось. Ну, его проблемы.

— Ладно, я понял, ты пока не готова сменить гнев на милость. Зачем тогда позвонила и назначила встречу?

Уж точно не потому, что соскучилась. Старая любовь не ржавеет — она перегорает, как дрова в камине, и быстро гаснет, если вовремя не подбросишь поленьев. Вчера кострище до небес, а сегодня лишь жалкая кучка пепла. Зато обиду, злость и гадливость притушить куда как сложнее...

Просто в данной ситуации Виктор — первый, о ком я вспомнила; других знакомых юристов у меня нет. Да и привычка идти к нему со всеми проблемами, наверное, ещё не до конца отмерла. Раньше мне это казалось любовью. Теперь понимаю, что это была не забота о моём благополучии, а просто попытка усадить меня на цепь. Но почему бы не обернуть его тиранские замашки себе на пользу?

Нехорошо, конечно, так поступать. Даже с говнюками. Но ради Рэна я готова сделать вид, что мне ни капельки не стыдно.

Молча протянула ему конверт, дождалась, пока Виктор ознакомится с содержимым. Он не спешил, наверняка вчитывался в каждую строчку по несколько раз, ища подвох, — профдеформация и всё такое.

— Что скажешь? — наконец не выдержала я. — Можно с этим что-то сделать?

Виктор отложил конверт, задумчиво побарабанил пальцами по краю столешницы. Наверняка с трудом сдерживается, чтобы не заявить: «А я же говорил, ничего из твоей затеи не выйдет!»

— Смотря что. Вышибить с работы типа, выписавшего тебе разгромную характеристику,

— вообще запросто, этот мудака Мейсон даже не пытался сделать вид, что беспристрастен.

А вот заполучить Рэйнарда... не знаю, Киро. Я не адвокат по семейным вопросам, сверхами не занимаюсь, да и ситуация. неоднозначная.

— Забавно, ты впервые назвал моего сына по имени.

— Забавно будет, когда твоего драгоценного крыжовничка усыновят в обход всех твоих грандиозных планов, — парировал он едко, но тут же спохватился и куда мягче прибавил:

— Киро, я повёл себя неправильно и признаю это. Ты так загорелась идеей усыновить этого мальчика, ради тебя мне следовало дать ему шанс. Теперь я готов.

— Прости, что?

— Ребёнку нужна полноценная семья. Подумай сама, как это выглядит со стороны: одинокая шепутная клептоманка, убивающая направо и налево, хочет воспитывать потенциально проблемного малыша-фейри. Не смей меня, Киро-чин! Брак с приличным человеком прибавил бы тебе немало очков, разве нет?

Ну и где там сестричка Кори с её чаем? Я бы сейчас с удовольствием выпила чашечку. А завтрак нахлобучила бы на прилизанную башку своего бывшего. Вот ведь лицемерная скотина! Он что думает, я не помню, как ненавистна ему была сама мысль о том, что «неудавшийся аборт какой-нибудь шлюхи-наркоманки, Киро, да одумайся ты, мать твою фею!» отнимет у него моё внимание? Увы, помню. В красках. Истерику от тридцатидвухлетнего мужика забыть сложновато.

Однако же. он прав. Бюрократам из департамента соцзащиты плевать на Рэна, на его комфорт, благополучие и счастье; всё, что им нужно, — шаблонное идеальное семейство с предвыборной агитки. Виктор отлично впишется. А вот одиноким клептоманкам на той радужной картинке совсем не место.

— Виктор, мне не нужны подачки, — отрезала я, не позволяя себе даже задуматься на этот счёт. — Можешь помочь советом и контактами подходящих адвокатов, я не останусь в долгу. А можешь послать меня на хер, я переживу. Но прошу — не надо делать вид, будто Рэн вдруг стал тебе интересен!

— Значит, вот так, да? — гневно изумился он. — Я не гожусь в отцы твоему драгоценному Рэну, народившемуся от невесть какой рогатой швали?

— Да ты никому в отцы не годишься, мудака самовлюблённый! — огрызнулась я, с трудом удержав себя на месте. Про меня пусть говорит что хочет, но насчёт Рэна ему лучше заткнуть пасть. — Ребёнок тебе не игрушка, не комнатная собачонка и уж точно не средство набить себе цену в моих глазах! О, Тьма, о чём я вообще думала, когда звонила тебе?

— А больше тебе и некому звонить, Киро. Так что будь лапочкой и попроси как следует.

Каким-то чудом стерпела, не расквасила ему нос. Просто встала и направилась к выходу, по пути едва не снеся Кори вместе с изрядно запоздавшим чаем.

— Да ладно, Киро, я туда ничего не подливала, честно! — донеслось мне вслед. — Эй, козлина, что ты ей наговорил на этот раз?!

Мне бы следовало остановить перебранку: даже в лучшие дни Кори и Виктор могли упоённо собачиться часами, как будто им обоим лет по пять. Но сейчас я просто хочу убраться подальше.

Виктор, однако, не посчитался с моим скромным желанием и нагнал меня даже раньше, чем я дошла до парковки.

— Да что ты бесишься-то? — хмуро произнёс он, ухватив меня за плечо и заставляя повернуться к нему. — Я же не всерьёз это сказал, Киро, и... Чтоб тебя, вот в этом ты вся!

— В чём именно я провинилась на сей раз? — уточнила холодно, ощущая, что ещё немного — и сорвусь. Видят боги, я напрочь выбита из колеи плохими новостями; а уж времена, когда я нянчилась с

Виктором и его эго, давно прошли. — Я попросила о помощи и была готова оказать ответную любезность. На этом всё. Слезливого примирения не будет, прощального траха тоже не запланировано. Сожалею.

— Я ошибся всего один раз! Один грёбаный раз! — он вспылит-таки, повысил голос, с силой встряхнул меня пару раз — как будто от этого мои мозги слетят набекрень, и я вдруг решу кинуться ему на шею. — А ты взяла и просто вычеркнула меня из своей жизни, точно я никогда в ней и не появлялся! Как будто мы чужие друг другу.

— Мы и есть чужие, Виктор! — рявкнула я, отпихнув его. Немного не рассчитала, и он едва не поприветствовал чванливым задом лужу, полную жидкой грязюки. — Да, я одинокая шебутная kleptomанка, убиваю направо-налево; а ещё люблю всех своих друзей, долбанутых и не очень, и безумно люблю Рэна, от кого бы он ни родился! Ты не готов принять меня такой, какая я есть; я же не готова себя переделывать, чтобы тебе нравилось. Поэтому передай этой двуличной сучке Джейн мои благодарности, что сэкономила нам кучу времени и нервов. И да, не присылай больше свои дурацкие веники — знаешь же, я терпеть не могу мёртвых цветов!

— Без понятия, кто там тебе что слал, но одно точно знаю: это был не я, — отозвался Виктор чуть ревниво. — Киро, если ты расстроена из-за своего мальчишки, это ещё не повод кидаться на людей, которые тебя любят и желают добра. Остынь, ладно? Я посоветуюсь с родителями насчёт твоего дела, и мы решим, к кому лучше обратиться.

Я рассмеялась почти истерично. Ах, с родителями он посоветуется? Да они ж меня ненавидят! Ладно, Наори-суан просто недолюбливает, а вот Джером Крэйн, узнав, что мне не быть его невесткой, точно напился на радостях.

— Буду ждать с нетерпением, Тору-чин.

Офис встретил теплом и уютным сумраком. А ещё пустотой — дежурный маршал, наверное, на выезде. Кто сегодня на линии-то, Маки или Эл? Точно помню, что кто-то из нашей сладкой вампирской парочки, но кто именно. Ладно, пусть будет сюрприз. Взаимный. У меня-то вроде как выходной.

Кое в чём милашка Виктор прав: звонить мне особо некому. И идти тоже некуда. Эта работа и эти люди. хм, нелюди — вот мои друзья и мой настоящий дом. Единственное место, где я не чувствую себя чужой, неправильной и лишней. Моя вторая семья.

Хотя они бы сейчас непременно затеяли шумный спор на их любимую тему — прайд мы, стая или таки гнездо. Да, семейка у нас ну очень разношёрстная: подменыш, ирбис, лиса, волк и два вампира...

Вернее, три вампира. Плюс один голос в пользу гнезда.

Невольно покосилась в сторону приёмной, на дверь, ведущую в кабинет главного ликвидатора. Света не видно. Вот и славненько, а то терзало меня чёрное подозрение, что наш новый шеф, упёртый и малость криповатый в своём трудоголизме, разбил в свободном уголке палатку со складным гробиком.

Тряхнув головой, подвинула к себе распечатки отчётов по делу флориста (ну или икебаны, как мы прозвали эту красоту промеж собой). Новых трупов пока не появилось, но внутри засела твёрдая уверенность, что они будут. Паршивая такая уверенность, порождающая уйму нервозности и мерзкое чувство соучастия. Найти, срочно найти и обезвредить ублюдка, пока он не разбил новые живописные цветники во всех уголках Алькасара.

Не найду. Подонок не дал нам ни одной хоть сколько-нибудь важной зацепки. Семена с той ядовитой клумбы можно купить почти в любом цветочном магазине; найденный в крови жертвы коктейль алхимических реактивов сможет изготовить даже самый посредственный мастер зелий. Ничего особенного, разве только большая фантазия мистера флориста.

Жертва его тоже при жизни особо ничем не отличилась. Флоренс Макадамс, двадцать восемь лет, не замужем, детей не было. Числилась моделью в одной из тех служб эскорта, который на самом деле вовсе не эскорт. Явно пользовалась популярностью у клиентов: высокая эффектная блондинка, наверняка в колледже была королевой выпускного бала.

В общем, пришлось бы изрядно попотеть с поиском подозреваемых, не будь этот самый поиск заведомо лишён всякого смысла.

Наш любитель изысканных цветочных композиций — сидхе, это я точно знаю. Но что-то от меня ускользает. Какой-то мелочи не хватает, чтобы сложить картинку, понять возможный мотив и ухватить след больного ублюдка.

Что за клумба колосится в твоей сучьей башке, а, флорист?

— Ну и что ты здесь делаешь? — послышался за спиной до боли знакомый вкрадчивый голос. Ну надо же, я даже не услышала шагов.

Впрочем, немудрено — Люк, невзирая на свои внушительные габариты, передвигается почти бесшумно. Может, не просто так в каждой второй книжке про вампиров пишут, что они умеют летать, превращаются в летучих мышей, оборачиваются жутковатым чёрным облачком.

Так, уймись, Киро. Ты пара-биолог или где? Ничего такого вампиры не делают, просто у тебя слишком бурное воображение. Такое случается, когда вроде бы думаешь о работе и грёбаном флористе, а мысли всё равно скатываются к ребёнку, которому суждено провести детство в Железном Чертоге. И это в лучшем случае — ему ведь могут подобрать приёмную семейку. Мой отец мне родной, а никаких хороших воспоминаний с ним не связано.

Я обернулась, уже привычно задрала голову, упёрлась взглядом в сильный подбородок и неодобрительно поджатые губы. В ворот рубашки с парой расстегнутых пуговиц. В протянутую мне кружку.

Он что, правда сделал мне кофе со сливками? И с сахаром? Вау.

— Могу спросить у тебя то же самое.

— У меня железобетонное оправдание — я тут начальник, — чуть устало усмехнулся Люк. И вдруг прищурился подозрительно, вмиг напомнив хищную птицу на охоте. — Киро, что случилось?

Вот и что тут прикажете ответить? Отвалите, сэр, я не заказывала очередную душещипательную беседу? И хотела бы так сказать, но беда в том, что мне просто не хватит духу. Не потому, что Вернер вроде как мой босс — ой, да сколько раз я Брогана посылала по матушке, когда тот начинал наглеть! — просто вид у него уж слишком участливый и даже обеспокоенный, что ли. Словно бы он с трудом душит в себе порыв спрятать меня в карман и унести куда подальше.

Видит Тьма, прямо сейчас я бы предпочла, чтобы он так и сделал.

— Я случилась, как и всегда, — только и пробормотала в итоге, пожав плечами. — Всё в порядке, не бери лишнего в голову.

— Так, — присевший было на край стола, Люциан вдруг встал, посмотрел ещё внимательнее, с явным подозрением, и вдруг протянул руку. Крупную, точно выточенную из мрамора, даже с виду прохладную, с длинными пальцами и едва заметными росчерками голубоватых вен. — Пошли.

И правда прохладная. А ещё очень сильная и крепкая, с суховатой кожей и подстриженными под самый корень ногтями. Прикосновение длилось всего пару мгновений, но мне хватило — я просто вдруг поняла, что не хочу его отпускать, не хочу, чтобы он отпускал меня. И пусть спрашивает что угодно.

— Садись, — приказал он, едва дверь кабинета с лёгким стуком захлопнулась за моей спиной. — Киро, что у тебя случилось?

Подавив трусливый порыв сбежать в окошко — ну не сильна я в этих ваших задушевных беседах! — послушно плюхнулась на ближайший стул. Нервно намотала на палец прядь волос, закусил губу. С чего вообще, блин, начинают такие истории?

Ладно, попробуем с самого главного.

— Пятый месяц кряду я пытаюсь усыновить ребёнка. Смешно, наверное, звучит? Алек говорит, я девочка-беда и меня саму под опеку надо... В общем, меня признали неподходящей кандидатурой для воспитания ребёнка-подменыша. Что уж там, — я сердито всплеснула руками, сетуя на собственную дурость, — сама не понимаю теперь, на что надеялась! Правильно Виктор меня приласкал: шепутная клептоманка, ни больше ни меньше. Возможно, так будет лучше.

— Не для ребёнка, которому придётся провести детство в Железном Чертоге, — возразил Люциан. Шагнул было к своему

креслу, но потом передумал и уселся на край стола рядом со мной. — Он ведь там, да? Расскажи подробнее.

— В Чертоге не так плохо, как можно подумать, — заметила я справедливости ради. — Уж точно лучше, чем в обычном приюте. Рэна туда подбросили, как и многих других. знаешь, это ведь делается не из жестокости, а из милости. Или даже из любви, если сидхе вообще способны на что-то такое.

— Не могу представить, в чём здесь милость. И уж тем более — любовь.

Ну конечно, не может. Даже самый злобный и кровожадный вампирюка скорее сдохнет, чем оставит своё потомство без защиты.

— В Сиде очень жёсткие правила на этот счёт: ублюдков и смесков убивают сразу после рождения. Порченная кровь, гибель всего дивного народа... Так пошла традиция подмены детей — под защитой Железного Закона им никак не причинить вреда. Чертог возник уже позднее: чтобы сидхе могли сбегивать людям своих байстрюков, никого не похищая взамен.

— Похоже, работает эта прекрасная система через раз, — заметил Люк чуть иронично. — Иначе работы у тебя было бы не в пример меньше.

— До сидхе просто очень медленно доходит, — я даже нашла в себе силы криво улыбнуться. — Да и дурацкий Статут о подмене до сих пор действует. Жаль, мне Рэна никто не подкинул. Люк, я ведь реально наизнанку вывернулась! Курсы приёмных родителей проходила, комиссии всякие; методички по усыновлению лопатила, дом передельвала, чтобы ребёнку удобнее. Не хотела признавать очевидного.

— О чём ты?

— Ни за что Рэна не отдадут такой же полукровке. Грёбаным бюрократам плевать, что ребёнок очень ко мне привязан с первого дня, что он зовёт меня мамой, что я для него на всё-всё готова. Нет, они хотят засунуть его в человеческую семью, чтоб его там научили быть нормальным! Не будет он нормальным! Не будет! Он, блин, и не должен!

Понимая, что уже почти кричу, умолкла и пару раз глубоко вздохнула, сиюсь унять злые слёзы и бешенство на грани истерики.

— Я бы пережила это, будь все люди как моя мама, но это даже близко не так. Люк, мой отец — родной, чтоб его, отец! — пытался убить меня по крайней мере дважды! — не выдержав, спрятала лицо в ладонях. Весь день как-то держалась, но теперь всё сильнее охота заорать от ярости и бессилия. — Мне было каких-то три года, а я до сих пор в кошмарах вижу, как он меня душит. Просыпаюсь, плачу в подушку, как дитя малое. Я не позволю Рэну пройти через этот ад. Что угодно сделаю, даже его папашу разыщу! Лучше он, чем люди.

— Так.

Наверное, выгляжу я сейчас примерно так же жалко, как и чувствую себя. Настолько жалко, что Люк вдруг забрал у меня кружку с кофе, снова обхватил мою ладонь и потянул вверх. Хочет выставить? Отругать за сопли, недостойные взрослой девицы? Да я сама себя почти ненавижу. У меня нет времени на истерики, на разговоры, даже на грёбаного флориста, с делом которого я пытаюсь унять то, что меня по-настоящему тревожит! Мне нужно. нужно.

— Иди сюда, — услышала я голос Люка, — Киро, иди ко мне.

А затем — я понять-то не успела, как, почему и зачем ему это, — вдруг очутилась в объятиях своего босса. Сильных, надёжных, без всякого подтекста. Он просто обнимал меня, и я невольно обняла его в ответ, уткнулась лбом в крепкое плечо. Прохлада, лёгкий запах табака и сандала, медленное, едва ощутимое биение сердца, — в этом весь Люк. А ещё бесконечное участие, искреннее беспокойство и забота. То, чего я прежде и не знала толком.

— Я такая жалкая, — прошептала почти беззвучно, зная, что он услышит. — Не могу найти ни похитителя детей, ни цветочного маньяка. Ребёнка усыновить и то не могу. Слабая, бесполезная...

— Киро, это не так, — возразил Люк. — Ты нуждаешься в помощи. И в поддержке. Слабость тут ни при чём.

Он мягко отстранил меня, зачем-то поправил мне волосы; погладил по щеке и коснулся большим пальцем нижней губы. Всего на мгновение, но этой нехитрой мимолетной ласки хватило, чтобы вдруг ощутить, как меня понемногу отпускает.

Мне и правда нужна помощь. И так уж вышло, что кроме Люциана просить её не у кого.

— Мне нужен юрист. Хороший. Неважно, сколько он запросит, проблема не в деньгах, а.

Я осеклась на полуслове, раздумывая, стоит ли говорить о Рэне, о том, что он тоже полувампир.

И тоже Асторн. Я не слепая, сходство заметила.

Асторны все поголовно — чванливые мудаки с манией чистокровности и непомерным самомнением. Но лучше ребёнку жить в их крепости, чем с мерзавцем вроде моего отца. Может, они даже разрешат видаться с Рэном. Придётся быть поговорчивее с этими старомодными засранцами в жабо, но ради своего сына я сговорюсь хоть с вампирами, хоть с сидхе, хоть с самим Светом Разящим.

— Рэн, он как вы, сэр, — меня невесть с чего перемкнуло на официальный тон. — Полувампир. И я честно не знаю, что с этим делать.

— Прости, что?

— У него пониженная температура тела, даже по сравнению с сидхе, — всё же решилась пояснить я. — Паршивые анализы крови при отличном самочувствии. Замедленное сердцебиение. Клыки выросли прежде резцов. Трудно отрицать очевидное — кто-то из моих сородичей поразвлёкся с вампиром. Скорее всего, с кем-то из уже ваших сородичей: с каждым днём Рэн всё больше похож на вас.

Зря я это сказала. Хотя бы потому, что Люк тут же отстранился от меня, нервно закусил губу, постучал пальцами по столешнице, будто задумался о чем-то мне неведомом. И молчал. Долго, заставляя меня нервничать всё сильнее с каждой секундой.

— Асторны знают? — Я поспешно замотала головой. — Хорошо. Значит, не испортят ребёнку жизнь.

— Эй, вампиры ведь заботятся о своём потомстве! — запротестовала я почти жалобно, понимая, что очередная спасительная верёвочка вот-вот оборвётся. — Разве твои родичи не такие?

Судя по вмиг изменившемуся выражению лица, мнение о родичах у Люка вполне определённое. В переводе на простой человеческий — видал он их всех в гробу. И речь не о бородатых шуточках про вампиров.

— Именно такие. Но вот беда: их понимание заботы очень отличается от нашего, — мрачно пояснил Люк. — Я не просто так зовусь Вернером. К счастью. Киро, просто поверь на слово: мои родичи поломают... Рэна ещё хуже, чем людишки. Вылепят образцового вампира по своему подобию. Учитывая происхождение мальчика, боюсь представить, что за жуть мы получим на выходе.

Губу я всё-таки нечаянно прокусила. Ощувив вкус и запах крови, тут же словила приступ голода и едва не рассмеялась от нелепости

ситуации. Казалось бы, сейчас не до глупостей вроде еды, но поди ж ты — пустой желудок плевать хотел на все мои жизненные драмы.

— Беда в том, что родственники имеют преимущественное право в получении опеки. А уж если счастливый папенька прознает. Есть у тебя родич по имени Тристан?

Люк точно не сразу понял, что я у него спросила. Просто стоял и пялился, даже не мигая. Затем будто бы очнулся, покачал головой. и тут же хищно вскинулся. Ну прямо как Алек в своей кошачьей шкуре, стоит ему завидеть птичек. Или комнатных собачек.

— Был, — наконец проговорил он, а я внезапно для себя облегчённо выдохнула. — Он носил имя Джайлс Асторн, потом стал звать себя Тристаном. Теперь уже никак не зовёт. Покойникам имена без надобности.

— Он мёртв? Первая хорошая новость за весь день, — выдала я и тут же неловко потупилась. — Ничего личного, чувак.

Люк на это хмыкнул как-то чересчур довольный. Или скорее злобно?

— Да я три дня праздновал в компании палёного виски, когда узнал, что Изара прострелила башку этому выродку. Так что действительно ничего личного.

Изара?..

И тут до меня вдруг со всей ясностью дошло, о каком выродке речь. Каждый охотник слышал о прошлогоднем переполохе в Грейморе, когда некий чёрный маг взялся убивать медведей. И о вампире, который нарвался на сильнейший клан Севера да предсказуемо получил пулю в лоб от ликвидатора Крэстани. Якобы при сопротивлении, но я подозреваю, что всё было не совсем так. Маршал киса не только нереально крута, но и скоро на расправу почище меня самой.

— погоди, так это тот развесёлый мудень, которого наше подразделение три десятка лет ловило? Один из самых высокооплачиваемых наёмных убийц Антеарры? Вот этот Тристан?! — получив в ответ скупой кивок, я едва не присвистнула. — И он тебе был.

— Кузен, — невозмутимо сообщили мне.

— Так ты... — замаялась, пытаюсь осмыслить происходящее, — ты типа дядюшка моего крыжовничка?

Люк одарил меня выразительным взглядом и едва заметно усмехнулся.

— Крыжовничек? Серьёзно, Киро?

— Да что? Он зелёный, совсем как я! Ну, в истинном виде. И у него твои глаза! Красивые такие, зеленущие.

Боги, Киро, просто заткнись и убей себя. Ты же не просто это вслух ляпнула, но ещё и разулыбалась как последняя дурочка. Сказала бы уж сразу: мужик, хочу от тебя детей, зелёных и глазастых. А что? Позориться, так до конца!

— Спасибо, Киро, — после недолгой паузы выдал Люк, улыбнувшись уголками губ.

Это же была улыбка? Да, вроде бы она. Точно она — тёплая, внезапная, греющая сердце так, как не может даже крепкое пойло или тяжёлое пуховое одеяло.

— Простите, сэр.

Люк многозначительно дёрнул бровями, закатил глаза на мгновение, после чего потянулся за своим пальто, небрежно наброшенным на спинку кресла.

— Прекращай, Киро, — велел он почти строго. Я вопросительно глянула на него. — Я про «сэра». Из твоих уст это звучит так, будто ты хочешь позвать меня на свидание.

— Я и хочу! — заявила я без раздумий. И тут же, наверняка покраснев как нецелованная школьница, пустилась в сбивчивые разъяснения: — Ну, хм, в смысле. могла бы, знаешь, но ты мой шеф, и я вроде как совсем не из твоей лиги, и, боги, мне срочно нужна кнопка выключения звука. Срочно! Нет, просто ничего не говори! Я знаю, я только что выиграла приз за самый отстойный подкат тысячелетия!

— Ты вообще в курсе, какая ты красивая? — вдруг произнёс Люк, не сводя с меня этих своих зелёных до неприличия глаз. — А ещё умная. И добрая. И абсолютно волшебная.

И, вероятно, помру от смущения прямо вот на этом месте. Потому что он вроде бы и не сказал ничего неприличного, но смотрит так, словно я, не знаю, чизбургер. Двойной. С тройным сыром.

— Хм, значит, умная и волшебная?..

— И совершенно точно в моей лиге, — прибавил Люк с этой своей каменной мордой, по которой ни фи́га не прочесть. — Но ты права, подкат так себе — ведь на свидание мы сегодня не пойдём.

— А куда пойдём? — глупо переспросила я.

— К Рэну. Хочу познакомиться с ним. Ты же не против?

Он и впрямь не понимает, что ему, как вероятному родственнику Рэна, вовсе не нужно моё разрешение? Да нет, понимает, конечно. Однако всё равно спрашивает — как будто моё одобрение ему важно.

Нет, похоже, оно ему действительно важно.

Я важна.

Ох, Тьма, прямо сейчас я бы просто по уши втрескалась в своего шефа, если бы не одно маленькое «но». Я уже это сделала, сама того не заметив.

Ну обалдеть теперь.

— Конечно, — в итоге ответила я вполне искренне. — Рэн не очень любит незнакомцев, но тебе точно будет рад. Спорю на все свои кактусы!

— У нас есть сделка, Майред Мор? — беззлобно поддразнил Люк.

— Да, сэр! Так точно, сэр! — не осталась в долгу я.

Железный Чертог встретил скудным освещением, тесными коридорами и оживлённым гомоном, какой бывает в полицейском участке крупного города. Или в баре пятничным вечером. Сравнения, конечно так себе, но прежде мне не приходилось проводить вечера (или скорее ночи, на часах почти одиннадцать) в детских приютах.

А вот Киро здесь явно своя в доску: едва мы вошли через заднюю дверь и минули длинный узкий холл, она тут же оказалась погребена под кучей детишек, лет эдак от пяти до пятнадцати на вид. Очень симпатичных и отчётливо фонящих магией. Не только тёмной — Летний двор тоже не брезгует подкидывать своё потомство людям. Но магией. Сильной, насыщенной, звенящей в воздухе. Первородной. Весь Чертог пропитался ею.

И это дом, где живут дети... Как по мне, местечко больше похоже на типичную вампирскую крепость в миниатюре. Или на инквизиторскую тюрьму.

Впрочем, это и есть тюрьма, где многие так и останутся на всю жизнь. В отличие от любых преступников, добровольно, потому как идти больше некуда. Люди не любят сидхе, это всем известно. Даже если речь о подменышах.

Зато Киро этих самых подменышей откровенно обожает. Всех зовёт по именам, каждому говорит что-то ласковое, задаёт вопросы про занятия, искренне восхищается уймой рисунков, открыток, аппликаций и прочих забавных детских поделок.

Я же искренне восхищаюсь ей самой, наверное, только теперь сполна осознав: у Киро Хаттари не только красивое лицо и прорва самых разных талантов, но и сердце размером с грёбаный Нью-Алькасар. Поразительно, учитывая, сколько всего ей пришлось вынести за свою не особо долгую жизнь. Впрочем, именно так оно обычно и случается — самым хорошим людям на свете приходится огрести столько дерьма, что впору диву даваться, как они не повесились на ближайшем столбе.

Я ведь помню все её оговорки про папашу. Помню и уже ненавижу этого человека. Надеюсь, пересечься с ним мне не придётся, иначе его бесполезная жизнь оборвётся тут же. Это в моей природе: как оборотни защищают членов своей стаи, так и вампиры оберегают свои гнезда. А Киро — часть моего гнезда. Как и вредный кошак Сазерленд, и малость церемонная чета Блэков, и суровый с виду Данбар, и суетливая Престон. Никто не смеет обижать их, угрожать им, причинять им боль.

— Эй, мелкота, ну хватит вам! — послышался строгий женский голос, и в поле зрения возникла симпатичная блондинка. Должно быть, это Адора, если я правильно помню. — Кыш, кому сказала! Поиграйте пока, а Киро перед сном помучаете.

— Это чего, опять она будет играть только с Рэном?! — возмутился рыжеволосый мальчишка, с виду явный пройдоха из тех, что обычно ловко обчищают карманы прохожих на рынках и в метро.

— А мне она вообще пять талеров должна! — крайне веско заявила девчонка, чем-то похожая на рыжего пройдоху.

Они все похожи. Разного возраста и расцветки, с различными чертами лица — но все как один хорошенькие, точно куклы в витринах антикварных магазинов.

Гламор делает их такими. Сидхе выглядят иначе, я знаю это. Я видел. Уж две недели минуло, а перед глазами всё еще стоит лицо Киро; её чудные глаза с пляшущими в чёрной глубине огоньками, изящно изогнутые рога, матовая кожа, точно припорошённая золотом...

Красивая. Абсолютно, невозможно волшебная.

Мериг Майред Мор.

Я даже не произнёс вслух, лишь подумал — но Киро тут же вздрогнула, обернулась, глянула как-то странно. Услышала? Прочитала мысли? Или.

— Люк, это Адора, она управительница в Железном чертоге. Адора, это Люк, он мой. мой. — Киро снова покосилась на меня, на сей раз беспомощно и. вопросительно?

Ну да, вопрос с каждым днём становится всё более сложным. Честно сказать, я и сам не сразу нашёлся с ответом.

— Начальник, — улыбнулся девушке, протянул руку. Адора ответила чуть натянутой улыбкой, из-под полных ярких губ мелькнули

знакомо острые клыки. — И друг. Киро обещала познакомить меня со своим сыном.

— Киро не стоит давать обещаний, выполнить которые не в её власти, — откликнулась Адора чуть едко, но затем кивнула на выход из просторной комнаты, смахивающей не то на гостиную, не то на игровую. — Так, чудища, Адди играет с Киро самая первая! Ну-ка отцепились! Стеф, ты за старшую; проследи, чтоб все дожили до отбоя.

Едва мы вышли обратно в холл, она тут же обернулась к нам, смерила меня подозрительным взглядом и сосредоточила внимание на Киро.

— Ну ты даёшь, подруга. Это что, его отец?

— Боги, да с чего ты взяла? — буркнула Киро, поравнявшись со мной. Перед этой сахарной блондиночкой она явно робеет, и наверняка есть с чего.

— С того, что у меня есть глаза, Майред Мор, — отрезала она. — Ладно, опустим степень их родства. Ты ему веришь?

— Я ему верю.

И так решительно это прозвучало, что даже я понял — верит. Наверняка со всяческими оговорками и лишь настолько, насколько в принципе может, но это... радует до невозможного. А ещё обязывает. Я достаточно разбираюсь в людях, чтобы понять простую истину: Киро, с виду такая ласковая, мягкая и незлобивая, никому и ни за что не даст второго шанса.

Вот и правильно. Прощать предателей — труд неблагодарный и бессмысленный.

— Ну тогда идёмте, родители, — вздохнула Адора, отвернувшись и шагнув к тесному боковому коридорчику, — будем воспитывать ваш крыжовничек.

— Что он натворил-то? — со вздохом осведомилась Киро, проведя ладонью по лицу. — Ох, Тьма, как вообще такой кроха умудряется пакостить направо и налево?

— Весь в тебя, Киро-чин, — фыркнула Адора, зыркнув на неё через плечо, но тут же снова посерьёзнела. — Мелкий засранец цапнул Уилла, причём знатно так. Проголодался, что ли?..

Я с сомнением покосился на Адору. Не скажу, что гожусь в эксперты по повадкам маленьких вампиров, в чьей родне затесались

сидхе, но по себе помню, что тяга вонзать клыки в человеческую плоть появляется только в подростковом возрасте. Да-да, именно тогда, когда на красивых мальчиков и девочек начинаешь смотреть не только как на приятелей по песочнице.

— Полно вам, миз, он слишком маленький, чтобы кусать ради еды, — возразил, невольно хмурясь. — Разве не все дети кусаются? Наверняка он просто защищался.

— Не сомневаюсь, Уилл у нас тот ещё, хм, подарочек. Но ещё я знаю, что с Рэна станется кого-нибудь цапнуть и трагично прикинуться жертвой.

— Эй, не демонизируй моего сына! — негодуяще воскликнула Киро. — Он слишком маленький для таких диверсий!

— Нет, это ты его не идеализируй! Клянусь Тьмой, зелёный пакостник научился манипулировать людьми раньше, чем ползать.

Я с трудом подавил смешок. Понятно, что правда окажется где-то посередине, но мой отец наверняка был бы в восторге — такой малыш, а уже интриган. Сам-то Роберт Асторн только с виду (и по нелестному мнению мамы) творческое тепличное растение, на деле же. Ну, после нашего громкого ухода из крепости Асторн дядюшка Мариус три месяца отращивал новые клыки.

Одна из дверей в конце коридора открылась, и в щель выглянула премилая белокурая девочка лет трёх-четырёх на вид. Поглазев какое-то время на меня, она было решила спрятаться обратно, но тут Киро наклонилась и приглашающе развела руки в стороны.

— Ну же, Софи, беги скорее сюда, мой пирожочек!

Про злого плохого вампира в моём лице тут же позабыли напрочь: с радостным верещанием Софи полетела вперёд. Только затем, вдоволь наобнимавшись с Киро, она снова покосилась на меня и не то испуганно, не то застенчиво спрятала лицо у неё на груди.

— В чём дело, Софи-чин? — изумилась она, явно с трудом сдерживая смех. — Не бойся, я же с тобой... Ну брось, пирожочек, разве Люк хоть чуточку страшный?

Софи снова поглядела на меня, уже скорее оценивая. И, забавно глотая согласные звуки, поведала громким шёпотом:

— Он такой большой!

Адора, с улыбкой наблюдавшая за нами, громко фыркнула, а Киро и вовсе бессовестно расхохоталась.

— Точняк, — выдохнула она, смерив меня выразительным взглядом. — О-очень большой. Но ничего, к этому привыкаешь. Хотя все мальчики поменьше наверняка комплексуют!

— Копле-суют — это плохое слово?

— Нет, просто.

Пуститься в объяснения ей не дали — по коридору разнёсся гневный детский вопль. И тут уж мне захотелось рассмеяться: крошечный мальчик, сидящий на руках у долговязого рыжего парня, выглядел как само негодование.

— Не дури, Рэн, ты чего? — Киро испуганно захлопала глазами, аккуратно поставила девочку на пол. — Спокойно, мужик, не претендую я на твою подружку!

Ха, можно подумать, подружка его интересует. Вампиры, чистокровные или не очень, сильно привязаны к тем, кого считают своей семьей. Поэтому и живут обычно все вместе, в больших крепостях. А если и уходят, решая создать отдельную ветвь, то довольно скоро обзаводятся большим домом, куда тащат всех, к кому испытывают тёплые чувства. Народная примета: если на окраине города имеется какой-нибудь мрачный домище — скорее всего, в нём обустроились вампиры.

— Киро, не глупи, — вздохнул я, покачав головой, — он тебя ревнует, ты ведь часть его гнезда.

— Рэн, ты плохой мальчик! — заявила Софи так безапелляционно, как это умеют только детишки-дошколята. — Фу таким быть!

Рэн, как ни странно, проникся. Хотя насупился при этом так, словно мы все его смертельно оскорбили — причём некоторые даже по два раза. Но тут же растаял, стоило загулявшей мамочке раскаться в своём вероломном поведении и взять его на руки.

— Иди сюда, самый вредный крыжовничек на свете, — Киро блаженно улыбнулась, прижавшись щекой к кудрявой макушке и слушая детский лепет — для меня с непривычки малопонятный, но крайне горестный и обиженный. — Ну прости, прости-и, поняла и раскаялась... Эй, Рик, как ты тут без меня? Умаялся с моим чудищем?

— Да не, ты чего, сестренка? Мы с ягодкой славно провели вечер! — горячо уверил парень, обрадованный приходом Киро ничуть не меньше всех остальных. Или даже чуть больше. Однако стоило ему

перевести взгляд на меня, как откровенная, почти щенячья радость тут же сменилась враждебностью. — А это что за хрен в пальто с тобой притащился?

Я на такую реакцию не обиделся, скорее вспомнил свои глупые шестнадцать и позабавился донельзя. Бедный парнишка явно избрал Киро своей первой трепетной любовью, ждал и надеялся, всё такое, и тут вдруг. ну да, какой-то хрен. В пальто. И с отнюдь не дружескими помыслами, уж буду честен хотя бы с самим собой.

— Подрик сказал плохое слово! — возмутилась Софи.

— Подрик больше так не будет, — уверила Киро и легонько стукнула парня по макушке.

— Эй, бро, повежливее. Маршал Вернер — твой будущий начальник!

Рик тут же вытаращился на меня во все глаза, нервно запустил пятерню в огненно-красные волосы и совсем другим тоном выдал:

— Виноват, сэр!

Что, ещё один подменыш спит и видит, как свалиться на мою голову? Только этого мне и не хватало. Впрочем, если получится отвадить Киро от половины её дел, буду только рад.

— Ничего страшного, — заверил я миролюбиво. — Думаю, о субординации мы можем поговорить чуть позже. Когда Подрик окончит обучение и пройдёт стажировку.

Тот активно закивал — мол, окончу и пройду, не сомневайся; Адора же неодобрительно покачала головой. Вряд ли наша с Киро профессия ей нравится. Охотники вообще мало кому нравятся; даже людям, которых мы вроде как защищаем.

— Миз. Адора, мы ведь можем побыть втроём? — поинтересовался я.

— Вы родственник, я не вправе вам отказать, — отозвалась Адора и почти тут же накрыла ладонью рот мальчишки, удивлённо вытаращившего глаза и явно приготовившегося задать кучу вопросов. — Потом, Рик. Идёмте, пока наши чудовища не сожрали Стеф.

Она ухватила Софи за руку, подтолкнула Подрика в спину, и наконец-то мы с Киро остались одни. Ну, не считая Рэна.

— Да, вечерами здесь дурдом, — флегматично произнесла Киро, поудобнее перехватив свою драгоценную ношу. — И нет, сэр, от Рика

вам никак не избавиться. Я годами пыталась его отговорить, но он твёрдо решил пойти в охотники.

— Разве у тебя было не так?

Она прикусила губу, мотнула головой.

— У него есть выбор, которого у меня просто не было. Идём, тут сквозит.

Свободной рукой Киро потянула на себя дверь, и мы вошли внутрь комнатухи с несуразно высоким потолком. Рэн, уже позабыв о своей смертельной обиде на весь мир, любознательно воззрился на меня своими огромными глазами.

В самом деле, зелёные. Как у меня, да. И как у большинства Асторнов, но это почему-то сейчас кажется совсем неважным.

— Смотри-ка, а его твои габариты не смущают, — усмехнулась Киро, едва Рэн требовательно махнул кулачком в мою сторону. — У нас с тобой хороший вкус, да, крыжовничек?.. Эй, Люк, хочешь его поддержать? Он вроде не против.

Нет, не хочу. Вовсе не потому, что я не люблю детей — люблю, пусть чаще всего они доставучие проблемные создания, так и норовящие всё перевернуть вверх дном да выпросить запрещённые сладости. Просто Киро с Рэном на руках совершенно чудесна. О, Тьма, когда она сказала, что хочет усыновить ребёнка, я не поверил своим ушам! Но сейчас, глядя на этих двоих, ничуть не сомневаюсь: из Киро выйдет прекрасная мама. Не только для Рэна, но и для целой дюжины детишек.

— Конечно.

Рэн был против. По крайней мере, мордашку соорудил капризную, недовольную, наморщил нос и явно раздумывал, не пора ли завопить погромче. Не знаю, что нашло на меня в этот момент — то ли покрасоваться захотел, то ли продемонстрировать, мол, подожди ты, я такой же, ни к чему слёзы. Я принял свой истинный облик — чёрные глаза, чёрные вены по скулам, острые клыки во рту.

Тому, что Киро испугалась, подобралась вся, потянулась к кобуре на поясе, я ничуть не удивился. Вполне предсказуемая реакция любого родителя, независимо от вида, когда нежить тянет руки к его ребенку. Но я никак не ожидал, что Рэн перекинется в ответ — вполне осознанно сбросит человечью маску, во всей красе демонстрируя свою зелёную кожу, припорошённую золотом, и до нелепого крохотные

рожки, почти теряющиеся в копне непослушных кудряшек. Он сверкнул на меня чёрно-жёлтыми глазами, склонил голову к плечу — ну в точности так же, как это делает Киро, — и вдруг радостно заулыбался во весь рот, демонстрируя аж целых четыре молочных клычка.

Запрещённый приём, уж как по мне

Рэн подался навстречу, стоило только протянуть руки. Устроил крохотную ладошку на моём плече, другой потянулся к клыкам. Пришлось возвращаться к более привычному облику, чтобы малыш ненароком не поранился.

— А ты любопытный, да? Весь в свою неугомонную мамочку.

— Эй!

— Ма-ма! — радостно пролепетал Рэн, указав в сторону Киро. И, красноречиво ткнув меня кулаком в грудь, снова озадаченно наклонил голову.

Я даже растерялся немного. А Киро тут же принялась нещадно надо мной подтрунивать.

— Ого, приятель, а он взялся за тебя всерьёз! Ладно, Рэн, это...

— Люк, — поспешно вставил я, не желая быть «дядюшкой» или ещё какой пакостью. Хотя бы потому, что это навевает не самые приятные ассоциации с моей собственной роднёй.

Рэн снова засиял клыкастой улыбкой, до боли напомнив свою вроде бы приёмную мать. Затем торжественно выдал мне что-то вроде «ю-у-ух» и на удивление внятно потребовал спустить обратно на бrenную землю. А едва я осторожно поставил его на пол, этот зелёный пакостник тут же словно позабыл о моём существовании и неуклюже потопал подалее от нас обоих.

Как-то даже обидно. Я что, больше ему не нравлюсь?..

— Рэн! — окликнула Киро с неожиданной строгостью. Даже не подумал бы, что она так умеет. — Ничего не забыл?

Всем видом изображая самую невинность, Рэн снова заулыбался, но увы — это не сработало. По крайней мере, с Киро — я-то уж точно передумал обижаться на вредного ребёнка.

— Рэйнард!

Рэн горестно надулся, однако вернулся ко мне и протянул ручонку, в которой сжимал некий предмет. Секунду спустя я с изумлением опознал свою же зажигалку.

Ах да, сидхе и их повальная тяга к воровству всего, что плохо лежит. Интересно, как справляется с kleptomанией Киро?.. Да никак не справляется, очевидно, только громадным усилием воли приучив себя тащить со столов в участке всякие мелочи. Вроде конфеток и карандашей — это добро мои подчинённые явно неспроста раскидывают у себя на рабочих местах. Сам я за последние пару недель не досчитался пары-тройки ручек, но особого значения этому не придал.

— Боги, Люк, ты и правда не заметил? — со вздохом осведомилась Киро, глянув на меня не то насмешливо, не то жалостливо. — Привыкай, он тырит всё подряд. Особенно любит блестящее и звенящее. Жутко кайфует от процесса и пока не очень понимает, что это плохо.

— Пло-о-хо, — эхом протянул Рэн, хмурясь в напряжённых раздумьях. — Прати, ма!

— Чего прости-то, чудище? Меня б ты так легко не обшмонал!

Я с усмешкой покачал головой и наклонился к нему, чтобы забрать честно сворованный трофей.

— Извини, малыш, но это не игрушка. В следующий раз принесу тебе что-нибудь получше, обещаю.

Вот ведь уверен, будь Рэн старше — непременно озвучил бы, что у нас есть сделка. Но нет, он лишь мотнул лохматой головой, изображая кивок, и резво припустил к кучке разноцветного барахла, в котором я с непривычки не сразу опознал детские головоломки.

— У нас есть пара минут, — заговорщицким полушёпотом поведала Киро, подойдя ближе.

— Потом тебе в добровольно-принудительном порядке покажут все игрушки и заставят собирать пирамидку. Прости, чувак, ты сам на это подписался!

— Меня не пирамидки пугают, — заверил я чуть рассеянно, проведя ладонью по лицу. — У тебя чудесный сын. Сколько ему, где-то шесть месяцев?

— По развитию ему обычно дают десять-двенадцать, а то и больше. Как ты вообще понял, сколько на самом деле?.. — изумилась было она, но тут же осеклась. — А, да, ты сам когда-то был такой же.

Был. Вампирские детишки растут очень быстро, особенно в первые два-три года жизни. Затем развитие постепенно замедляется, к

тринадцати-четырнадцать годами идёт уже по человеческим нормам. Примерно тогда же просыпается и особый дар вампира, если таковым Тьма решает наградить своё дитя. Мой пришёл ко мне позже, в восемнадцать; до того проявился только пару раз, когда я выходил из себя. Что иронично — оба раза пришлось на сучьего кузена Тристана, тогда ещё звавшегося Джайлсом. Сперва я просто приказал ему отвалить от меня, затем... ну, тогда я выяснил, что вампир, спрыгнувший с башни высотой в восемьдесят метров, ломает кости немногим хуже, чем человек. Выживает, к сожалению, но приятных ощущений не испытывает.

Только позже я понял, как всем нам повезло, что никого из Асторнов тогда не было рядом. Относиться ко мне стали бы не в пример лучше; возможно, я стал бы любимым внучком лорда Грегора, потеснив ушибленного на всю башку Джайлса-Тристана. Да только из крепости меня бы не выпустили больше никогда. И сейчас-то, если прознают, наверняка решат законопатить обратно. Если только не испугаются гнева моей мамы: она и человеком-то была отнюдь не подарок, а уж теперь, став личем, вовсе не пощадит эту горстку заносчивых мудаков в рюшах.

В общем, хорошо, что о Рэне первым узнал я. Очень, очень хорошо.

— Я в полгодика не пытался чародейничать, — всё же заметил озабоченно. — Киро, я даже представить боюсь, что будет, если Рэн попадёт в крепость Асторнов. С ними пацан имеет все шансы стать жуткой кровавой легендой вроде Гектора Воскресителя.

Вот только Гектор вполне заслуженно уничтожил Первую Инквизицию, измывавшуюся над тёмными существами, оборотнями и вообще всеми, кто недостаточно активно нёс миру свет и добро. А этот мальчик, воспитанный моей шизанутой роднёй, просто изведёт под корень всех людишек.

Ладно, может, я и преувеличиваю. Недаром же Тэйн всегда насмехается над любовью вампиров к превентивной панике? Но то, что Рэн будет одним из величайших чародеев Запада — а то и всего мира, — нечто очевидное. Тут лучше перебдеть, чем недобдеть.

— Не волнуйся, Люк, — негромко произнесла Киро, сложив руки на груди и наблюдая, как Рэн возится с разновеликими пластиковыми

кругляшами. — Если твои родственники и впрямь таковы, как ты говоришь, — к моему сыну они не приблизятся. Я перебую их всех.

— Не приблизятся, — подтвердил я невозмутимо, не выдав внезапного гнева, обжёгшего нутро. — Потому что я не отдам вас Асторнам. Никому не отдам.

Киро одарила меня нечитаемым взглядом, заставив немного понервничать — не перегнул ли я со своими вампирскими замашками? Но когда она вдруг коснулась моей ладони, сжала её в своей, я понял — я всё правильно сделал. И ответил тоже правильно. Ей нужна моя защита и поддержка. Им обоим.

— Я знаю, — после небольшой паузы отозвалась Киро. — Спасибо. Люк, я, кажется... — она задумалась о чём-то, а потом потрянула головой, будто отгоняя неуместную мысль. — Кажется, Рэну без нас никак не одолеть клятую пирамидку! Эй, крыжовничек, возьмишь нас к себе?

Рэн согласно ухнул, снова улыбнулся, демонстрируя острые зубки, и подвинулся, будто давая нам место. Куда там — того места для двух взрослых людей и одного ребёнка с кучей игрушек в маленькой комнате катастрофически не хватало.

Стоило только усесться, как в меня полетел пёстрый кубик с изображением слона.

— Понятно, пирамидки будет собирать мамочка, — усмехнулся я. — А мы с тобой сложим пару интересных слов, да?

— Эй, так нечестно!

— Сказала девица, стянувшая у меня зажигалку. Киро, я всё видел! — вдоволь насладившись её досадой, я не без издёвки прибавил: — Подумать только — тебя уделал шестимесячный ребенок! Стыдно, Майред Мор.

Киро опасно прищурилась, сверкнула нечеловеческими глазами — точно два ярких фиолетовых пульсара вспыхнули в глубине их непроглядной тьмы.

— Я вам это ещё припомню, сэр.

— Надеюсь на это, маршал Хаттари, — заверил я.

Утро понедельника — то ещё испытание. Ну да, у меня оно начинается в три часа пополудни, а уж весь этот дурдом — обычное состояние любого органа правопорядка, сверхъестественного и не очень, — давно стал нормой.

В отличие от мучительно горячих снов, донимающих меня вторую неделю кряду. Снов о Киро. Снов, где я её обнимаю, целую, зову по имени. Не по тому, под которым её знают в Алькасаре, — по абсолютно, мать его так, волшебному, произносить которое приятно и тоже волшебно. Потому как в каждом звуке вся она.

Красивая, невозможная, ласковая, беззаветно отдающая себя и просящая больше. Больше поцелуев, глубоких и немного кровавых, ведь мы оба — самые настоящие хищники с острыми зубами. Больше прикосновений. Сегодня она буквально требовала, чтобы я укусил её, попробовал её крови по-настоящему; чтобы показал, как это бывает у вампиров и что это для нас значит.

Майред Мор. Самая красивая и добрая девочка из всех, кого я знаю. И чьей крови действительно хочу. Она зовёт меня, поёт мне...

Песня крови. Как и всякий вампир, я прекрасно понимаю, что это значит. Что значат эти сны, которые не сны вовсе, и даже не видения будущего. Они настоящие, и всё в них по-настоящему. Или почти по-настоящему, но разницы уже никакой. Мы связаны, это точно.

Она дала мне своё истинное имя, что для любого сидхе — невиданная щедрость, откровение, разрешение. А я... ну, я просто вампир. Однолюб до мозга костей. Мы свободны в выборе партнеров, но если уж кого-то выбираем, то это навсегда. Исключения редки и только подтверждают правило.

— Мериг Майред Мор, — произнёс я вслух и почти наяву увидел Киро, сидящую в своей пижонской тачке. Кажется, она ездила на вызов — клятые сидхе снова похитили ребёнка.

Привычное дело для Алькасара, но сегодня это почему-то разозлило ещё больше обычного. Мне нужна Киро, я хочу её увидеть. Спросить, как там Рэн, как продвигаются дела с оформлением

документов. Узнать, поняла ли она, что наши с ней сны — а я уверен, Киро видит то же самое, что и я, — вполне себе реальны, и что с этим стоит что-то сделать.

Хотя вряд ли она поймёт. Не так сразу. Это вампиры знают о ментальной магии всё, ведь она — часть нашей сути. Я где-то читал, что это тоже проклятие сидхе, которое только для несведущих выглядит как величайший подарок. Тот ещё подарочек, особенно у телепатов

— не так много радости в том, чтобы читать чужие мысли. В моём даре приятного тоже мало, несмотря на некоторые плюсы.

Ладно, пусть сны-не-сны о Киро не прибавляют душевного спокойствия, но всё же они весьма приятное явление в моей жизни. А вот о звонке дражайшего дядюшки Мариуса того же сказать не могу. Семейку свою я не выношу на дух, вполне заслуженно, и прекрасно обойдусь без их присутствия в моей жизни. Вампирам несвойственно отказываться от своей семьи, от гнезда. Но уж больно много крови мне испортили эти сволочи, подвизающиеся моими дядюшками, тётушками, кузенами и прочей якобы чистокровной роднёй.

Помнится, я бывал и вырождением, и пятном на чести семьи, единственное достоинство которого — то, что родился от вампира. А с тех пор как пошёл в охотники, стал предателем рода и сущим позором, коему не дозволено именоваться Асторном.

Да как будто я собирался! Понятия не имею, что находят люди в этих многокилометровых родословных. Асторн, Вернер или какой-нибудь Смит — какая, к Тьме, разница, если для того, чтобы добиться хоть чего-то, нужно работать? Много и усердно, иначе так и останешься всего лишь чуваком с громкой фамилией. Вот как дядя Мариус. К слову, ни разу не чистокровный, родившийся у какой-то шлюхи в Красном квартале, но усыновлённый и обращённый по всем правилам самим Грегором Асторном в незапамятные времена. Зато пафоса столько, что сам дедуля может смело икать от зависти.

Как там было? «Семья считает твоё возвращение в крепость неуместным, но, возможно, необходимым, учитывая обстоятельства. Я-то, разумеется, так не считаю, но нахожу целесообразным решение лорда Асторна позволить тебе и твоему отцу посещать нашу крепость.»

Я вот тоже склонен к пространным речам; дурная наследственность, чтоб её. Но от нотаций Мариуса меня изрядно перекосило. Даже захотелось впрямь наведаться в крепость и лично высказать семейке, где я видал их высочайшее дозволение.

Дверь открылась внезапно, без всякого стука — столь же привычное явление, как и рабочая суeta понедельника.

— Прошу прощения, — в кабинет вошёл Алек, непривычно взъерошенный и сердитый. Поздравляю, маршал Сазерленд, сегодня мы с вами оба не в духе. Впрочем, он мигом изменился в лице, заметив мое недовольство. — Что-то случилось, сэр?

— Задолбали с утра, — поделился я, даже не пытаюсь держать лицо. Алек удивленно моргнул, но тему развивать не стал — хотя наверняка поделится со всем участком новостью, что их начальник умеет ругаться. Умею, ещё как. — Не спрашивай. Что с Хейлами? Это они загрызли того адвоката?

— Они, — кивнул Алек, усевшись напротив. — На трупe нашего собачьего корма нашли следы слюны сразу нескольких прелестных псин. Арестовали, кого смогли. Все в один голос твердят, что мудаk заслужил.

— И чем же адвокат помешал волчьей стае?

— Выпустил на свободу ублюдка, что изнасиловал чью-то человеческую подружку, — поделился Алек. — У следствия не хватило доказательств. Догадайся, кто вёл дело.

А утречко и впрямь дерьмовое. Мало мне проблем с сидхе, теперь придётся разнимать оборотней с полицией. Ясно ведь как день: если упомянутого ублюдка не сожрали ещё до несчастного адвоката, то обязательно сожрут теперь. После чего придут за скотиной Барром и его помощничками — кровная месть, она такая. И не важно, скольких мы пересажаем, а сколько отправится на удобрения после точного выстрела серебром в башку.

— Вот что, — я задумчиво постукал пальцами по столу. — Этих гордых мстителей пока оставим за решеткой. Если можешь, сговорись с окружным прокурором, пусть затянет дело. Какие у Данбара отношения с сородичами?

— Вроде бы нормальные. Некоторым не слишком нравится его работа, но сам понимаешь, против серебряных пуль не шибко повыделываешься.

— Хорошо. Возьми Чарли и смотайтесь по местным кланам. Пусть уймут свою меховую родню; мне тут межрасовые войны не нужны.

Алек деловито кивнул, но потом вдруг ухмыльнулся.

— А что, теперь так можно? Помнится, ты был не в восторге от неуставных способов решения проблем.

— Не в восторге я, когда дело касается девушки, малость поехавшей по вине прошлого главного ликвидатора. И по вине её коллег, — мстительно напомнил я к неудовольствию Алека. — Я всё ещё на стороне закона и законности. Но иногда приходится пускать в ход другие методы, чтобы впоследствии обойтись меньшей кровью. Надеюсь, разница понятна?

— Кристально, — отозвался Алек с напускной обидой. — Так бы сразу и сказал, что любишь Киро больше, чем меня! Не то чтобы кто-то ещё не в курсе.

Я выразительно дёрнул бровью — мол, это, по-твоему, был верх остроумия, барсик?

— Ты так уверен в этом, Сазерленд? — поддел его. — Я люблю кошек. И видят боги, от тебя гораздо меньше проблем.

— Да, но и пользы тоже, — заметил Алек уже вполне серьёзно. — Знаешь, клан оборотней устроен чуть сложнее, чем вампирское гнездо. Альфа — защита, бета — помощь, омега — опора. Без альф клан уязвим, но без омег клана не будет. Всё просто развалится к Хаосу! Для нас Киро — омега, и мы все её защищаем... но лишь настолько, насколько позволяет она сама.

— И этого было недостаточно, — ответил я чуть более резко, чем стоило бы. — Я знаю, что вы о ней заботитесь, Алек. Но забота — это отнюдь не потакание любой её придури. Киро нужны рамки, иначе она выйдет из-под контроля и защита будет нужна нам всем. И от Киро, и от Инквизиции, которой мы все будем дружно врать ради неё. Пока сможем.

— Теперь ты говоришь как настоящий альфа, — хмыкнул он. — Просто не дави на неё уж очень сильно. Киро этого дерьма достаточно натерпелась и от Риса, и от своего. хм, Виктора.

Виктор. Я уже слышал это имечко от Киро, отнюдь не в приятном контексте — и отложил расспросы только потому, что был занят Рэном.

Что ж, сейчас не занят.

— Что ещё за Виктор?

Алек скривился так, словно перед ним выставили полный таз апельсиновых корочек.

— Знаешь Джерома Крэйна? Хотя о чём я, его все знают. В общем, Виктор — его сын. Юрист, конечно, отменный, но та ещё папина радость и вообще редкий засранец. Я бы к нему на километр не подошёл, но наша Киро-чин, увы, падка на суровых мужиков при костюмчике. Да, это толстый намёк. Нет, сильно не обольщайся, я ещё не решил, хочу ли быть шафером на вашей свадьбе.

— Слишком много на себя берете, маршал Сазерленд, — отчеканил я строго. Без толку, конечно: коты — несносные засранцы, все до одного, и дрессировке не поддаются. — Работа сама себя не делает. Давай уже перейдём к той части, где ты включаешь злого старшего брата и обещаешь пересчитать мне клыки.

— Не вижу смысла озвучивать очевидное, сэ-эр, — пропел Алек, неспешно шагая к выходу. Ну только что не потянулся всеми лапками, гнусь пушистая. — Просто помни — что бы вы с Киро ни делали на рабочем месте, я всё учую! Вот этим самым носом!

— Ты закончил, барсик?

— Да, папочка! Теперь пойду обрадую малыша Чарли дополнительной домашкой.

— О, наконец-то.

Алек вышел, а я склонился над пикинувшей персоналкой, открыл загоревшееся зелёным дело — обновились файлы по утреннему похищению ребенка. Киро успела вернуться? И даже, решив меня послушаться, сделала всё по правилам? Признаться, я удивился. Нет, она уже пыталась, радуя меня безумными историями в отчётах, но то были дела, не связанные с похищениями.

Не без труда задавив в себе порыв немедленно вызвать Киро — всё же Алек прав, не стоит так активно проявлять интерес к одной из своих подчинённых, — я принялся просматривать файлы.

Не тут-то было. Упомянутая подчинённая заявила ко мне без всякого стука, взволнованная и нервно покусывающая губы (чтоб её, эту дурацкую привычку!).

— В чём дело, маршал Хаттари?

— Ты звал меня, — заявила она чуть негодуя. — Когда я говорила, что услышу, то именно это и имела в виду.

Спасибо, хоть дверь прикрыла. Не то чтобы это сильно помогает делу, когда секретарь сидит едва ли не у порожка, а штат состоит сплошь из нечисти с суперслухом.

А эту вот нечисть уже и по имени не назови. И впрямь ведь услышала!

— Так я больше не «сэр»? — не удержался я от небольшой шпильки.

— После всего, что между нами было? Не-а, ни фига.

Мне вручили ещё горячий стаканчик с кофе, и сдаётся мне, на сей раз это не только знак внимания, но и взятка.

Интуиция не подвела.

— Ты свободен сегодня ночью?

— Зовёте меня на свидание, маршал Хаттари? Стоило бы выбрать место, где нас не подслушают все кому не лень.

Киро на это улыбнулась, но как-то совсем жалко.

— А смысл? Эти придурки всё равно уже на нас тотализатор открыли, — проворчала она и выложила передо мной какую-то

бумажонку. — Люк, мне вроде как нужна... компания. Бывал в этом месте?

Бумажка оказалась довольно безвкусным флаером — тёмно-красным, с ажурной чёрной росписью, складывающейся в неожиданно знакомые буквы.

— Был один раз, — подтвердил я и тут же с подозрением сощурился. — Киро, зачем тебе понадобилось идти в «Мэлоун»?

— Там есть чувак, через которого можно выйти на похитителя детей. Я, собственно, почти вышла, но, хм. — Киро чуть смутилась, нервно взъерошила себе волосы; в ворота тонкого свитера уже вовсю пунцовели знакомые цветочки. — Ладно, я просто не хочу идти туда одна. Прошлого раза хватило по самое не балуйся!

— Прошлого раза? — переспросил я.

— Ну да, когда икебану нашли... Не знаю, я вроде сильно магией не фонила, а они всё равно вешались! И этот стрёмный красный перец за шею лапал прямо на людях. Фу. Я ж его пристрелю, если снова полезет!

— Позвольте уточнить, маршал Хаттари, — после неприлично долгой паузы протянул я. Очевидно, подходящим тоном — Киро передёрнуло, она даже садиться передумала. — Вы, будучи тёмным созданием, к которым питают слабость все вампиры без исключения, пошли в вампирский клуб? Ночью? В полном одиночестве? Без поддержки и даже без соответствующего предупреждения?

А ещё во всей той модной одежке, которая непостижимым образом сделала из типичной соседской девчонки настоящую красавицу. Изящную, хрупкую, обманчиво беззащитную, с этими её бездонными глазами, нежным изгибом рта и так опрометчиво открытой шеей. Которую мог трогать кто угодно.

Сказать, что я рассердился, было бы преуменьшением века. О нет — я в ярости, какой прежде никогда в жизни не чувствовал. Неправильной, совершенно несвойственной мне. Вампиры, конечно, эмоциональные твари, как и все тёмные, но я искренне считал, что в моём случае это осталось далеко в прошлом.

— Ладно тебе, я же предупредила Алека.

— Ты должна была предупредить меня, Киро! — рывкнул я, однако тут же умолк и постарался взять себя в руки. Повышать голос на подчинённых — всё равно что расписаться в своей никчёмности.

Хотя к чему это лицемерие? Моя злость безнадежно далека от каких-либо деловых чувств. — Ты должна была сразу прийти с этим ко мне.

— Люк, тогда я не была готова идти к тебе с чем бы то ни было. Но теперь-то я здесь, верно?

— Ну что ж, спасибо и на этом, — протянул я, злясь теперь уже на себя — за этот желчный тон, за кучу лишних эмоций, обычно мне несвойственных. — Значит, «Мэлоун»? Не планировал снова кормиться в забегаловке этого ряженого клоуна, но раз уж ты приглашаешь.

— Не на ужин приглашаю, — оборвала Киро с непривычной резкостью. — Жрать ты при мне никого не будешь, я свечку держать не нанималась. Если голоден — можешь укусить меня, я не против.

— Ты сама-то понимаешь, что именно предложила? — поинтересовался как мог спокойно, хотя внутри мигом что-то всколыхнулось.

Волнение, ожидание, предвкушение. А ещё — капля злости на то, что посмела так беспечно предлагать себя. Пусть даже и в гастрономическом смысле. Потому как отказываться мне совсем не хочется, и нет, абсолютно не важно, что это плохая идея. Клыкам-то всё равно: они вмиг заострились, я буквально услышал, как бьётся жилка на шее Киро, как зовет меня

— снова! — её кровь.

Только чудом мне удалось сохранить человеческое лицо, в последний момент вспомнить, кто я и где нахожусь. И о том, что вообще-то не планирую путать работу и личную жизнь, даже если мы с Киро возьмёмся на пару усыновлять всех детишек Железного Чертога.

— Я понимаю, что на первый раз предпочла бы тебя, а никак не того разукрашенного придурка, — Киро пожала плечами, склонила голову набок и ухмыльнулась с откровенной подначкой. — Так у нас есть сделка, Люциан?

— Про визит в «Мэлоун» — да. Одна ты туда не пойдешь, — заверил я. — Про предложение отужинать тобой — нет, Киро. По крайней мере, без острой на то необходимости.

— Я не предлагаю дважды, — Киро дёрнула плечом, сложила руки на груди. — Ладно, не хочешь — ходи голодный. Тогда буду ждать тебя у Мэлоуна часов в одиннадцать...

— Я заеду за тобой в одиннадцать, — поправил тоном, не допускающим никаких возражений. — Когда я говорил, что одна ты туда больше не пойдёшь, то имел в виду именно это. Ты меня слышала?

— Да, сэр! Позаботьтесь обо мне, сэнсэй!

— Сразу бы так.

Киро выразительно закатила глаза и, козырнув мне напоследок, направилась к выходу.

Я же ещё с полминуты смотрел на закрывшуюся дверь и никак не мог отделаться от ощущения, что невольно её обидел. Чем? Хороший вопрос. И ответ я непременно выясню.

Чуть позже. Работа, будь она неладна, всё ещё не делает сама себя.

Разумеется, Киро уже ждала меня, когда я подъехал к её дому. Хотя язык не поворачивался называть бывший склад чьим-то жилищем. В наше время это давно перестало быть чем-то особенным: многие промышленные помещения давно переоборудовали в дома, торговые центры, выставки и прочую модную чушь. И не то чтобы я против! Однако вампир-консерватор во мне настаивает, что людям, даже если они немного сидхе, положено жить в уютных домиках, обустроенных квартирах, непременно иметь кота и приличный продуктовый магазин под боком. А в моём случае ещё и донорский пункт, где можно обзавестись свежей кровью по сходной цене.

— И вот после этого ты спрашиваешь, почему к тебе клеились все вампиры в «Мэлоуне»?

— поинтересовался я, едва Киро уселась на пассажирское сиденье.

Красивая, непозволительно просто. И вырядилась так, будто мы впрямь собрались на свидание. Ну да, на самом деле ничего особенного — чёрное пальто, чёрное же платье, объёмный пёстрый шарф, что поубавил наряду траурности и подчеркнул голубизну глаз. Однако по сравнению с теми футболками, толстовками и кожанками, в которых Киро щеголяет в рабочее время, просто небо и земля. Нет, во всём этом подростковом шмотье она тоже чудо как хороша, но.

Но ты, Люк, слишком много думаешь о том, как выглядит твой маршал. Завязывай.

— И вот после этого ты думаешь, будто я не приму это за ревность? — вернула шпильку Киро.

— Принимай, — невозмутимо отозвался я. — Потому что это она и есть, Майред Мор. Кстати, как это переводится? Насколько я знаю, в Сиде все имена имеют смысл.

— Опять за своё, а? — Киро негодуяще помотала головой. — Вот что ты привязался к этому забору из букв?

Я покачал головой и улыбнулся, втайне наслаждаясь её возмущением — беззлобным, с изрядной долей веселья. Киро эта игра

тоже нравится, даже если она пока не очень разобралась в правилах. Фейри вообще на редкость азартные существа.

— Мне просто нравится твоё имя, прими это как факт. Так что оно значит?

Киро усмехнулась, явно довольная, что знает нечто, мне неизвестное.

— Сидднах похож на вэйдинь: из трёх вроде бы не связанных между собой слов получается цельное выражение. «Мериг» значит «зима», так нарекают ублюдков Зимнего Двора... «майред» — это «слёзы», а «мор» — «море». А вместе выходит «чёрная жемчужина», — она поморщилась. — Звучит как псевдоним элитной проститутки, я знаю!

— Мне нравится, — повторил я. — Тебе очень идёт.

— Вот и нет.

— Не ребячься. Кстати, а что значит имя Рэна? Это будет. Мериг Риан Гри, правильно?

— Да. Я сама его назвала, — произнесла Киро не без гордости. — «Риан» значит «дождь», а «гри» — цветок. Дождевая лилия, знаешь, такой белый цветочек с яркой жёлто-зелёной серединкой.

— Зефирантес, так его на юге зовут, — блеснул я кое-какими познаниями о ядовитых растениях, столь любимых сидхе. — И «рэн» на вэйдинь тоже означает «лилия», верно?

— О, Тьма, чувак, всё-то ты знаешь! — шутливо упрекнули меня.

— Сидднах не знаю. Между прочим, всегда мечтал его выучить, но увы, нигде не сыскал пособия для начинающих.

— Сидхе не нужны пособия, — пожала плечами Киро. — Первородная магия у нас в крови. Генетическая память, если по-умному. Я никогда не учила язык дивного народа, ты никогда не учился очаровывать людей. По мне, так вампирские штучки гораздо круче!

— Зависит от точки зрения, — поморщился я. — И разве ты сама не околдовала целую толпу в тот день, когда мы впервые встретились?

— Скрипка — мой проводник, без неё я почти ничего не могу. Ну, или просто не умею.

— Тогда давай ты научишь меня, а я тебя, — предложил, усмехнувшись. — У нас есть сделка, Майред Мор?

— Я подумаю.

До «Мэлоуна» мы доехали за полчаса, пересекая широкополосные шоссе, узкие улочки и пешеходные мосты, коих в этом городе в достатке. Виной тому — устья сразу двух рек, Эмрод и Гартяны, слившихся в причудливую сеть, от которых Алькасар напоминает скорее архипелаг из множества мелких островов, чем часть континента. Здесь красиво, особенно ночью. Днём город состоит сплошь из оттенков серого, но ночью преобразается, расцвеченный множеством фонарей и неонам в вывесках многочисленных баров. Из большинства тянет виски, пивом и жареным мясом, из некоторых — запрещёнными травками. А из мест вроде «Мэлоуна» — кровью.

— Кажется, твоим сородичам не сообщили, что сегодня понедельник, — пробурчала Киро себе под нос, окинув страдальческим взглядом почти полностью забитую парковку. — Слушай, а не странно заявляться в кабак со своим бухлом? Нам всё же следовало прийти порознь. Давай я зайду первая, а ты минут через пять...

— Нет, — немногословно отрезал я, с трудом подавив желание прижать Киро к себе. Чтобы не смылась из-под носа на радость всем алькасарским кровопийцам.

Слава Тьме, не пришлось — сознательность и осторожность в Киро всё же не сдохли. Однако нос она наморщила и фыркнула недовольно, куда без этого.

«Мэлоун» — тёмный, пафосно-мрачный, в дурацкой расцветке — не понравился мне ещё в прошлый раз. Слишком многолюдно, душно, не к месту вычурно. Будто очутился в джентльменском клубе эдак позапрошлого века, когда дамы носили кринолины, а мужчина без кружевного воротничка не решался дойти даже в коровье стойло. Правда, если я правильно помню историю, в джентльменских клубах тех лет стены не красили в чернокрасный. И уж точно не вешали на них дурацкие декорации в виде цепей, плетей и прочей атрибутики из фильмов для взрослых.

— Туда, — позвал я Киро к самому дальнему столику. Не самое лучшее решение как для тех, кто пришёл выведывать информацию. Зато внимания меньше. Хотя бы немного.

Впрочем, это смахивает скорее на самовнушение: без внимания мы точно не остались. Киро

— потому что она Киро и вообще редкий деликатес. Ну а я. Трудно быть незаметным, когда в тебе под два метра роста, а на лице разве что маркером не написано: «Асторн». Зуб даю, родня моя о существовании «Мэлоуна» знать не знает, так что я здесь тоже вроде деликатеса. Или редкой зверушки.

— А теперь рассказывай, кого мы ждём и что пытаемся узнать, — склонившись к Киро, поинтересовался я, едва мы уселись на обитый грубым велюром диванчик, а официантка любезно принесла нам по бокалу вина.

— Этот тип зовёт себя Дарой и явно прётся от всего красного, — Киро огляделась по сторонам, брезгливо наморщила нос. — Неудивительно, что ему здесь нравится. но тебя-то сюда как занесло? Мы словно телепортировались в какую-то садо-мазо-порнуху. О, сэр, я такая плохая девочка, сэр! Накажите меня, сэр!

— Непременно, маршал Хаттари, — отозвался я чопорно. — Не поверишь, меня сюда занесло почти случайно. И было бы странно, если бы Даре здесь не нравилось.

В смысле?

— Твоего красного перца зовут Макдара Мэлоун, и он здесь не то владелец, не то управляющий. Точно не помню.

Киро изумлённо приоткрыла рот, но тут же осеклась и тряхнула головой, будто её на полуслове нагнала запоздалая мыслишка.

— Ладно, это кое-что объясняет.

— Ну, местную безвкусицу точно, — отозвался я, пока не пытаюсь уточнить, что имеет в виду Киро.

Она согласно кивнула в ответ, потянулась к бокалу. Я последовал её примеру — как ни крути, вампиры знают толк во всём, что полагается тащить в рот, будь то вино или кровь. Впрочем, последнее мне не особо интересно. По крайней мере, в отношении той крови, что могут предложить здесь. Жестом отправил восвояси охочую до вампирьих клыков девицу; на парня же, чей возраст мне показался весьма сомнительным, и вовсе оскалился.

— Ты пользуешься популярностью, — сварливо пробормотала Киро, которой внимание к моей персоне явно не понравилось.

Можно подумать, мне нравится, что на моего маршала смотрят как на еду! Когда успел устроить руку на плече Киро, притянул ближе к себе, я и сам не понял. Сжал пальцы сильнее, ощутил лёгкую

ответную дрожь. Приятную, не боязливую. Будто она ждала этого прикосновения, хотела его.

Как и я сам.

— Осторожно, сэр, — выдохнула она. И вдруг едва заметно качнула головой вбок. — На нас смотрят.

Ну разумеется, на нас смотрят. Тот самый безвкусно-красноволосый клоун, явно пытающийся изобразить существо более древнее, чем есть на самом деле. Куда там — Даре Мэлоуну едва ли минула сотня лет, а может, и того меньше. И уж ему Киро Хаттари точно не по зубам.

— О, я надеюсь на это, — напоследок нарочито заметно скользнув пальцами по искусанной (да когда она уже прекратит!) нижней губе Киро, я подозвал официантку. — Миз, будьте любезны, сообщите вашему хозяину, что я его жду.

— Как вас представить? — деловито поинтересовалась она, глянув на Киро и невольно обнажив клыки.

— Если он не знает, кто его зовёт, то он мне и не нужен. Просто передайте, что его ждут.

Дара явился быстро. Возник из воздуха во всём своём чёрно-красном великолепии, оскалился будто бы приветственно. Вот только сразу ясно — меня он видеть вовсе не рад. И спешил тоже не ко мне. Лицо держал, все вампиры это умеют, и чуть ли не в приветственных поклонах рассыпался. На деле же наверняка мечтал хотя бы о крошечном серебряном ножике.

— Ваше высоко-очество, — пропел он, косо глянув на мою руку, так и лежащую поверх плеча Киро, — рад, что вы передумали! Помнится, вы грозились больше не посещать наше чудесное заведение.

— Сядьте, мистер Мэлоун, — приказал я. Пока без магии, но этого хватило — Дара согнал с лица приторную ухмылочку, подвинул к себе стул от соседнего столика. — У моей... спутницы есть к вам несколько вопросов. Искренне советую на них ответить.

Даре не понравилось. Ни мой тон, ни мой так называемый совет — но пуще всего не понравилось то, что я посмел подрезать его добычу. Да что там, его это ужасно бесит.

— Мор, — протянул он, точно пробуя имя на вкус. — Как мило, что ты здесь! Я думал о тебе, знаешь ли. У нас с тобой осталось незавершённое дело, моя прелестная сидхе.

— О чём ты, приятель? — Киро наклонила голову, точно раздумывая, а затем расплылась в клыкастой ухмылке. — Ах, это дело! Ну, ты мне тогда ничего не сказал, так что.

— Тир-на-Ног, порт Атесмэртес, трактир «Зимний Путь», комната четырнадцать; третий, пятый, седьмой день недели, — поведал Дара почти скучаяще, однако его глаза торжествующе вспыхнули в полумраке. Сам он подался вперёд, скользнул загребущей лапой по тонкому запястью; накрыл пальцами то место, где особенно чётко выделялись голубоватые линии вен. — Я выполнил свою часть сделки, Мор. Теперь твой черёд. Не желаешь. уединиться?

— Н-не очень, — пробормотала Киро, отдернув руку, и покосилась на меня чуть беспомощно. — Мы не соображаем на троих, правда же?

— Исключено, — заверил я, чувствуя, как рвётся наружу тьма.

Я многое могу приказать. Влюбиться в себя, прыгнуть с крыши, сжечь это премилое заведение вместе с его обитателями. Могу и хочу. Глядя на то, как голодно и жадно пялится на Киро этот Дара, глядя на её руку, которой только что касались чужие пальцы. Я просто не мог не перекинуться. Обнажил клыки, едва-едва оскалился, но Дара тут же спал с лица.

— Ты будешь отвечать на все вопросы, которые задаст моя сидхе. На все до одного. И будешь обращаться к ней не иначе как «маршал».

— Да, мастер, — процедил Дара, пришибленный моей магией. Во взгляде его легко прочесть бешенство пополам с ужасом — наверняка этот любитель бордельных интерьеров и чужих маршалов даже не предполагал, что жалкий смесок вроде меня может быть куда сильнее среднего вампира.

В разы сильнее. Пусть на вампира воздействовать сложнее, чем на человека, и кто-то вроде Сандро Тамрита мне пока вовсе не по зубам. Увы, наш бедолага с лордом Тамритом и рядом не стоял. Разве только в своих влажных мечтах.

Киро, всё это время глазевшая на меня с почти неприличным восхищением, чуть нервно кашлянула и вытащила из внутреннего кармана пальто несколько сложенных распечаток. Как оказалось, то были копии фотоснимков.

— Ну, дружок, припоминаешь кого-нибудь?

— Припоминаю, — послушно выдал Дара. И тут же мерзко ухмыльнулся. — Ах, маршал, в жизни бы не подумал, что такая лапочка может тусоваться с копами. Чем этот полукровка тебя завлёл, неужто клыками? У тебя просто нормального укуса не было!..

— Можно я ему врежу? — подчёркнуто нежным тоном осведомилась Киро, покосившись на меня. — Ну пожалуйста! Один разок!

— Нет, — отнёс я донельзя привлекательное предложение. И снова обратился к красноволосому придурку: — Ты не соврёшь мне или ей, не увильнёшь от ответа, не смолчишь, нарушишь любое слово, что дал прежде. Это мой приказ, Макдара Мэлоун. Ты меня понял?

— Да, мастер, — повторил тот — на сей раз уже без всяких лишних эмоций. Только где-то на дне безжизненных глаз притаились гнев, обречённость и страх.

Ещё бы — на сей раз силы я вбухал столько, что и на дюжину клыкастых наглецов хватило бы. Поэтому пусть радуется, что вообще до сих пор жив.

Умение Киро задавать правильные вопросы достойно восхищения. А вот от самой сути вопросов стало противно и жутко. Как оказалось, на фото были изображены родители пропавших детей... и в каждом случае кто-то из них оказывался замешан в пропаже ребёнка. Некий сидхе, именующий себя Иорэтом, не просто похитил детей — он их купил. За драгоценности, за волшебные снадобья, за пачку купюр, даже за наркоту. Цены разные, но суть одна.

Я на этой клятой работе много чего навидался, но признаюсь честно — сам бы не додумался вот так сходу, как Киро. Просто не осмелился бы подумать о таком варианте, не имея на руках хоть каких-то доказательств. Ну да, каждый вампир в душе немного оголтелая мамаша. Независимо от пола, возраста и социального статуса.

Не каждый, как оказалось. Бывают исключения.

Что самое паршивое, Мэлоуну даже уголовное дело не пришьёшь: он всего-то сводил людей с этим. Иорэтом. А предприимчивый ушастый ублюдок не говорил ему о своих планах напрямую — просто спрашивал, кто из незадачливых посетителей нуждается в деньгах, наркотиках, волшебных микстурках и далее по списку. Ну а Дара выяснял, благо его способности к телепатии чуть выше среднего. Равно как и у большинства его сотрудников. Законно ли это? А вот и да. На территории специализированного заведения для вампиров допустимо любое воздействие, не несущее вреда жизни и здоровью посетителей. Так что Инквизиции тоже придраться особо не к чему.

Нет, управу на всю эту клыкастую шоблу я непременно найду. И скорее рано, чем поздно. Но прямо сейчас мало что могу сделать.

Больше всего на свете хочется покрепче схватить Киро и увести её отсюда. Потому что я, при всём умении держать себя в руках, едва не прибил эту пунцовую сволочь на месте. Прямо здесь, на глазах его выкормышей, на пару с хозяином обстрипывающих мерзкие делишки. Что чувствует сейчас Киро, я и представлять не собираюсь — и так вижу по лихорадочному блеску глаз, по нервно сжатым кулакам.

— Успокойся, — велел я. Без всякой магии, но она всё равно впечатлилась. Разжала руки и бросила на меня быстрый взгляд, перестав сверлить глазами Дару.

— А ты, — обратился я уже к вампиру, — понимаешь, что она хочет тебя убить? Как и я?

— Я ничего не сделал, — возразил он дерзко, но тут же снова опустил голову.

— Ты торговал детьми, так или иначе. В моём городе. Помогал сидхе терроризировать Запад. По законам нашего вида, за преступление против детей полагается смерть. Всему твоему гнезду. Ты понимаешь это, Макдара Мэлоун?

Дара молчал, лишь скрип зубов дал понять, что он прекрасно меня слышит. И понимает тоже.

— Не в твоей власти выносить мне и моему гнезду смертный приговор. Ты всего лишь королевский ублюдок!

— Не в моей, — согласно кивнул я. — Но ты правильно заметил: я королевский ублюдок. И кем бы я ни был для своей семьи, лорд Грегор послушает урождённого внука куда охотнее, чем крашеного клоуна.

— Чего ты хочешь?

Я подождал, пока Киро спрячет свои бумаги. Поднялся, под бегающим взглядом Дары медленно надел пальто. Выпрямился, упёрся кулаком в спинку его стула. Хотел просто вмазать как следует, почти представил то, как окрашивается кровью мерзкая рожа, как он падает вместе со стулом... Стерпел. Вместо этого пустил в голос магию, всю, что осталась, и проговорил громко, чтобы слышали все вампиры в этой дыре:

— Делишки с похитителями младенцев закончены, Мэлоун. С этого момента и навсегда. Для тебя и всех твоих родичей. Ты услышал меня, Дара? Вздумаешь послушаться, начнешь искать лазейку — я потребую ритуал Очищения для твоего гнезда. Ты понял? — Он неохотно кивнул. — Хорошо. Мы уходим.

Киро ответила коротким кивком и, напоследок зыркнув на Дару с чётким обещанием сожрать печень, вместе со мной направилась прочь отсюда.

Едва мы вышли к парковке, она придержала меня за плечо и обеспокоенно заглянула в глаза.

— Люк, твою ж. бесспорно многоуважаемую мать, ты сколько вообще вбухал в этого урода? Краше в гроб кладут!

— Ему хватит, — отозвался я коротко. Закурил, протянул пачку Киро. Нашарил в кармане пальто ключи — хотелось сесть, поесть и упасть. да хоть в гроб. Лишь бы потемнее, потише и поуютнее. — Поведёшь?

— Как будто я бы пустила тебя такого красивого за руль! — Киро негодуяще фыркнула, отобрала у меня ключи и, затянувшись сигаретой, прибавила чуть сердито: — Люк, тебе нужна кровь. Свежая, не из холодильника. Я же сказала, что не против, так в чём проблема?

Ни в чём. Не здесь.

Киро в замешательстве нахмурилась, точно ожидала какого-то другого ответа, но затем бросила короткое «хорошо» и снова затянулась. Наверняка задумалась о пропавших по милости Мэлоуна детях. И мне бы успокоить её, отвлечь как-то, подбодрить... Но прямо сейчас я не в состоянии помочь. Ни ей, ни себе.

Сколько человеком ни притворяйся, а жажда всякий раз напоминает, кто ты есть. Вампиры любят в своём высокомерии забывать, кто они на самом деле — паразиты, дохнущие без свежей крови. Потому-то пылкие речи дражайших дядюшек — да, те самые, о величии детей ночи и усекновении проклятых людишек — вызывают у меня лишь смех пополам со стыдом.

— Ладно, едем ко мне, — постановила Киро спустя какое-то время, усмехнувшись. — Что там говорят в таких случаях? Заварю с тобой чай? Покажу свою коллекцию кактусов?

— Мне уже страшно.

— Не ври, тебе интересно!

Спорить не буду — интересно. Только вот прямо сейчас мысли не о кактусах. Совсем не о них.

Киро ехала быстро. Пожалуй, даже слишком быстро, точно я тут впрямь собрался помирать, чинно сложив руки на груди. Не собрался, разумеется, просто очень хочу есть.

Впитаться в нежную кожу, глотнуть свежей крови — густой, ароматной, пахнувшей солью и железом. А кроме того — магией, столь же тёмной, как моя. Нет, темнее моей. Ведь сидхе, даже полукровка, куда могущественнее, чем любой вампир.

— Симпатично, — заключил я, когда мы наконец поднялись в его лофт. — Или нет. Прости, Киро, я сейчас не самый большой эксперт по дизайну.

— А в остальное время — эксперт? — поинтересовалась она, вдруг оказавшись так близко, что на миг я забыл как дышать.

От волнения, вожделения, жажды. От всего этого сразу. От её непростительной близости и тепла тела.

— Правда хочешь стать моим ужином? — спросил я, делая шаг навстречу. И ещё. И ещё. Остановился лишь тогда, когда понял — больше идти некуда, потому как Киро уже прижимается спиной к одной из балок, служащих опорой для второго уровня.

— Хочу! — тут же заявила Киро. И, словно устыдившись такой поспешной реакции, робко уточнила: — Если это ты, то я не против.

— Хороший ответ.

Её кожа на вкус солёная. Как у всех, но всё же другая. И мне нравится даже просто касаться её языком и губами в странном подобии поцелуя. Я бы хотел целовать по-настоящему, оставлять следы на нежной коже, но сейчас моя натура сильнее меня. Всё, что я могу, — поддаться жажде, позволить клыкам вонзиться в шею Киро, ощутить, как её кровь стекает в мой рот.

Она у неё тоже другая. Привычно отдающая солью, железом и сладостью. Но другая. Не еда, что-то большее. Киро вся что-то большее для меня: не коллега, не подчинённая, не симпатичная девушка, от чьей улыбки замирает сердце, и чьи причуды заставляют беспокоиться за неё, как никогда и ни о ком...

— Люк, — позвала она сдавленным шёпотом.

И снова позвала. И ещё раз. Провела ладонью по волосам, стиснула пальцы на загривке — не пытаюсь отстранить, скорее силясь притянуть ближе. Хотя куда ещё ближе-то? Вот она вся, совсем рядом; заполошно дышит мне в самое ухо, вжимается всем телом, хрупким,

гибким и разгорячённым, чуть дрожащим, натянутым точно скрипичная струна. Наверняка кусает губы, сиюсь сдержать очередной стон. И от одной лишь мысли, что это я довёл её до такого состояния, толком и не коснувшись, мне хочется. хочется.

Хочется. Со страшной силой. Не укусь, не поиметь даже — сожрать с костями, чтобы больше никому не досталась.

— Люк, — снова позвала Киро, и я отстранился. Совсем немного, с неохотой. Капли крови, алеющие на светлой коже, всё ещё манят меня, зовут, приглашают взять ещё.

— Всё, хватит, — заявил не то ей, не то самому себе.

Не хватит, совсем не хватит, и речь вовсе не о крови. Но во мне достаточно силы воли и рассудительности, чтобы остановиться. Потому что кому точно хватит, так это Киро, напрочь опьянённой вампирским дурманом. Тёплой, невыносимо ласковой и даже немного прилипчивой.

— От. рыв башки, — кое-как выговорила она, расплывшись в улыбочке. По-прежнему очаровательной, но абсолютно нетрезвой. — С-сделай так ещё раз.

— Киро, нет.

— Пожа-алуйста!

— Хм. нет?

— Ты отстой, — уведомили меня печально. — И у тебя лицо в крови.

Она вдруг подалась вперёд и медленно слизнула кровавую дорожку у меня с подбородка. Отстранилась было, сверкнула почерневшими глазами, с нажимом провела языком по моим губам.

А я прямо наяву услышал, как трещит по швам моя хваленая выдержка.

Я её не поцеловал. Вовсе нет. Скорее, набросился, неистово кусая мягкие губы и слизывая с них капельки выступившей крови. Расстегнул ворот платья, выдрав пару пуговиц; провёл рукой по груди, спрятанной за тонким кружевом белья, погладил живот.

И отстранился, пока не стало совсем поздно. Вот только несчастный вид Киро был для меня как удар под дых.

— Киро, — начал как мог строго, — мы не будем делать ничего такого, о чём наутро непременно пожалеет.

— Мы будем, Люк, — мягко возразила Киро, кончиками пальцев скользнув по моей груди и ниже. И когда только рубашку расстегнуть успела? Ловкачка, чтоб её. — Мы сделаем... всё что захочешь. Я не пожалею, никогда, я ведь с самого первого дня от те.

Тут уже я, особо не мудрствуя, зажал ей рот ладонью. Не потому, что не хочу услышать окончание фразы. Хочу, ещё как! Но не сейчас, не в такой ситуации. Не когда она всё равно что пьяна в хламину и с трудом понимает, что несёт.

— Я много чего с тобой сделаю, Майред Мор, — заверил, пристально глядя ей в глаза, и только после этого убрал руку. — Но ты будешь в здравом уме и трезвой памяти. И запомнишь каждую секунду.

Киро недовольно выдохнула, однако аргументом прониклась.

— У нас есть сделка?

— У нас есть сделка, — эхом откликнулся я. И снова склонился к ней, не в силах просто стоять и смотреть на искусанные мной же губы.

Ну ладно. Сойдёт за рукопожатие.

По четвергам я обычно иду в Глаштин-парк, что в самом центре района Фейри Касл, играю там «Фею-Воровку» или «Бури Авалона», собираю кучу народу (и денег) и в который раз изумляюсь про себя — почему людям так нравится то, что может их убить?

Нет, до них просто не доходит — спустя столько лет, жертв и краденых младенцев! — что сидхе опасны. И что защититься от них толком нечем, кроме головы на плечах. Соль, рябина, вербена? Бабушкины сказки. Хладное железо? Только если изловчишься ткнуть им в бочину. Железный Закон? Дыр в нём как в решете. Древняя магия чародеев Первого Круга сурово карает ушастых гадов, но лишь при соблюдении (или несоблюдении) некоторых условий. Ах, фейри не могут лгать? Им и не нужно. Эти облапошат в два счёта, не говоря и слова неправды. А всё, что ты им скажешь, используют против тебя.

Железный Закон — всего лишь сеть заклинаний. Он слышит каждое слово, но глух к мыслям, чувствам и контекстам. Если ты окажешься достаточно глуп, чтобы полюбить сидхе и бросаться в него громкими фразами по типу «моё сердце принадлежит тебе» — будь готов к тому, что это самое сердце вырвут у тебя из груди. Без сожалений, без мук совести, без всяких последствий.

Отработанная, кстати, схема: является к наивному смертному томный и сияющий принц фей (ну или принцесса, кому что нравится), настойчиво въётся рядом, как мотылёк вокруг ярко горящего в ночи фонаря. Говорят, несведущему человеку влюбиться в фейри — раз плюнуть. А уж задарить сердце, печёнку и прочий ливер — вообще дело нехитрое.

Люди ветрены и лживы, с этим не поспоришь. Они легко бросаются клятвами и не понимают, что любое слово имеет цену.

Прекрасная история межрасовой любви заканчивается вполне предсказуемо: в каком-нибудь подпольном гадюшнике, на залитом кровью столе. Такие «принцы» с охоткой и со знанием дела расчлениают людей. Обычно заживо, чтобы получить побольше золота — за органы, добытые из ещё трепыхающихся людишек, платят вдвое-

второе. И препараты из них выходят куда мощнее. В большинстве же случаев сидхе, ненавидящие весь род людской, просто совмещают приятное с полезным.

«Ни о чём не жалею, — буквально вчера заявил один такой говнюк, нагло ухмыляясь мне в лицо. — Ка-ак же это было весело!»

А я в кашу разнесла ему полбашки разрывным патроном. Тоже не пожалела. Вот ни разу. Весельем, правда, и не пахло: последнюю жертву сидских мразей пришлось буквально собирать по кусочкам. Как конструктор. Только вместо деталек — груды окровавленных потрохов.

Выжила, слава Тьме. Но до сих пор в реанимации, в стабильно тяжёлом состоянии.

Девчонке едва стукнуло шестнадцать. Ровесница нашего Подрика, для тридцатилетней меня — ещё почти ребёнок. Как она будет жить после случившегося, сможет ли вообще жить с этим? Который день не могу перестать о ней думать.

Зато наш главный ликвидатор наконец стал осознавать, куда именно попал и что за жесть тут творится. По крайней мере, выражение лица у него после очередной моей «сказочки» было очень красочное, и за прибитого на месте недопринца он мне выговаривать не стал. Уж не знаю, то ли просто не захотел, то ли язык не повернулся.

«Застрелен при попытке сопротивления, — только и сказал Люк, пожав плечами. — Жаль, подход быстро».

«Виновата, сэр, — горестно откликнулась я. — Больше не повторится».

Врать не буду, и впрямь жаль, что для начала не прострелила рогатому ублюдку брюхо и обе коленные чашечки. Но увы, когда выступаешь за команду хороших ребят, приходится играть по их правилам. Даже если в тебе самой хорошего чудовищно мало.

День, в противовес моим мрачным раздумьям, выдался солнечный — редкое событие для начала зимы на Западе. Побродила какое-то время по извилистым тропинкам; поглазела на зеленовато-прозрачную воду, шумно бегущую в одном из множества здешних ручьёв, и на затейливые бронзовые скульптуры, якобы изображающие глашатинов. Знал бы незадачливый творец, как эти страховидлы выглядят на самом деле...

Да, мысли мои ожидаемо далеки от красот природы. Настолько далеки, что я едва не свалилась в ледяную воду. Трижды. И на этом решила, что хватит с меня прогулок. Взяла в ближайшем киоске очередной стаканчик с кофе — не то четвёртый, не то пятый по счёту

— и плюхнулась прямо на землю, на островок желтоватой травы, что ютится у массивных корней старого дуба. Ну, относительно старого. Этому деревцу всего-то лет шестьсот; есть у нас и такие, что давненько разменяли вторую тысячу лет.

— Мор! Мор! — зашелестели у меня над головой десятки писклявых голосов. — Поиграй, поиграй, поиграй нам!

— Играла уже, — возразила я, подпихнув себе под спину рюкзак. — Всё, лавочка прикрыта, отвяньте!

Вышло почти дружелюбно. Пусть я и не выношу весь фейский род, но... да ладно, кто вообще способен ненавидеть пикси? Крошечные нескладные человечки с красивыми пёстрыми крыльями — не стрекозиными, как любят изображать в детских книжках, но скорее напоминающими пышный бутон диковинного цветка. Нелепые, забавные, в целом безобидные создания. А ещё вороватые, прилипчивые и жутко болтливые. Какие угодно, но вовсе не злые.

— Поиграй!

— Не-а, не хочу.

Не то чтобы я хоть когда-то не хотела играть. Музыка всегда со мной. Внутри меня. Зудит на кончиках пальцев и просится на волю, скучая в тишине. Всю мою сознательную жизнь музыка любила меня, а я платила ей взаимностью. Даже моя тёмная сущность это знает — недаром же идеальным проводником для неё стала скрипка? Некоторые другие вещи тоже годятся, но лишь скрипка делает меня по-настоящему опасной.

Вернее, мою магию. Я опасна сама по себе, без всяких колдовских штучек. Чего, кстати, нельзя сказать о некоторых моих ушастых родичах. Сидхе зависимы от своей магии, ужасающе мощной, но до смешного неполноценной.

Ну откуда бы ещё взяться сказочкам о проклятом веретене и отравленном яблоке? В этих историях немало истины — редко какой сидский чародей способен воздействовать на человека или нелюдя напрямую, не используя проводник. Оттуда же возникло поверье, что

нельзя принимать дары от фейри. А также нельзя ничего есть и пить, если окажешься в Сиде.

Поспорить тут сложно. Да только еда и питьё — последнее, о чём надо беспокоиться человеку, поимевшему сомнительное счастье загреметь в Сид.

Музыку можно не только сыграть, но и записать на бумаге. Правда, вдохновение, капризная зараза, вечно посещает в самый неподходящий момент. Сейчас вот пришлось уложить тетрадку прямо на колени, и она упрямо гнётся под давлением шариковой ручки. А я точно так же упрямо царапаю на странице нотную запись — неровную, скачущую вверх-вниз, точно кардиограмма.

— Какие странные буквы, — пропищала одна из феечек, нагло усевшись мне на плечо. — Ни слова непонятно!

— Это ноты, глупышка, — фыркнула я, не отрываясь от своего занятия. — Так записывают музыку.

— Что значит «песня крови»?

Я открыла было рот. Тут же закрыла. Озадаченно глянула на феечку, а затем на две руны, которые сама же и вывела в верхнем углу страницы.

Хотела бы я знать.

Ума не приложу, почему в голове так крепко засели именно эти два слова. И где я их вообще слышала? Раз про кровь, то наверняка в одном из тех дурацких снов.

Не плохих, но выматывающих, душных и тревожащих; пуще прежнего усугубляющих тот раздрай, что поселился внутри с некоторых пор. С того самого вечера, когда Люк... когда я...

Не уверена, что в аркадийском языке есть слова, способные просто и ясно выразить нечто в духе: «ну, в общем, тот чел засадил мне свои клычищи, и я такая просто кончилась как личность, а теперь всё как-то сложно». Ни в каком языке их нет. Видит Тьма, изобразить музыку на бумаге гораздо проще, чем внятно выразить чувства какими-то там словами и буквами.

Конечно, как специалист в области сверхъестественной биологии я не могу не знать, что от вампирского укуса вполне нормально словить и оргазм, и наркотический приход, и даже то и другое одновременно. Только вот сухие строки на странице учебника — дело

одно, а потерять всякий стыд и открыто домогаться своего шефа, в которого, кстати, втюрилась по самое дальше некуда.

Блин. Бли-ин!

Рывком захлопнула тетрадь и страдальчески уткнулась в неё лбом. Стайка пикси взволнованно загомонила надо мной, переживая, не окочурюсь ли я от стыда прямо здесь.

Я могла бы.

Нет, ну ладно, сам шеф не особо протестовал. Вроде бы. Да что уж лукавить. то, что мы не упали трахаться прямо там же, где стояли, — реально чудо из чудес! Но уже два дня прошло, а Люк словно позабыл о случившемся напрочь. Если бы не эти его взгляды — пристальные, испытующие, выжидающие, как у хищника в засаде, — я бы вообще решила, что мне всё то непотребство померещилось.

А что, мне много всякой фигни снится в последнее время. И вся сплошь на одну и ту же тему.

«...что такое “песня крови”?»

Люк улыбнулся — кривовато, снисходительно, как если бы я спросила, сколько будет дважды два. А потом обронил всего одно слово:

«Ты».

И как прикажете это понимать? Вечно я у всех крайняя! Даже у собственного подсознания, будь оно неладно.

Досадливо передёрнула плечами, вскинулась и ойкнула, приложившись затылком о ствол дуба. А затем так и застыла, изумлённо приоткрыв рот: громадная зелёная бабочка выпорхнула из ниоткуда, покружила вокруг, пугая пикси, и уселась мне на коленку, как будто так и надо.

О, Тьма, что ей от меня понадобилось? Именно здесь, именно сейчас!

— Просто к сведению, — пробормотала я, наконец справившись с удивлением, — в начале декабря олеандровые бражники не летают. Вообще никакие не летают. Откуда, блин, бабочки зимой?

«Видит Тьма, ты родилась скучной ворчливой старушонкой, — зазвучал в голове знакомый голос, чистый и текучий, точно вода в горном ручье. — Моим шептунам не страшен ни холод, ни зной... А, ты думаешь, кто-то заметил этого мотылька? Дай тупым людишкам волю, они собственного ребёнка проморгают».

Я в раздражении поморщилась, спрятала тетрадь в рюкзак.

— Что тебе нужно, Каэран Мор?

«Мне? — весело изумилась она. — А я слышала, это ты потеряла кое-что».

— Кое-кого, — поправила я. — Где он?

Как я сразу поняла, о ком она, так и Госпожа Шёпотов должна понять, кого я имею в виду. Грёбаного Иорэта, который, если верить постояльцам и работникам трактира «Зимний Путь», не появлялся там уже вторую неделю. Чего раньше не случалось. И Тьма бы с ним... но не с детьми, которых он украл. Их я должна найти, пока не стало слишком поздно.

Если уже не стало. Что очень и очень вероятно.

«Лучше спросила бы, что с ним, бестолковая ты девчонка, — пожурила Каэран Мор. И тут же счастливо пропела: — Иорэт мёртв-мёртв-мёртв!»

Я зло выдохнула, крутя между пальцами жухлую травинку. Меня это должно было обрадовать, что ли? Ну так нет, нисколько!

— Если Иорэт мёртв-мёртв-мёртв, — передразнила сердито, — значит, у меня проблемы. Он полдюжины детей спёр, если вдруг ты не знала! Где их теперь искать-то, а?

«Легче лёгкого, — скушаяще протянули в ответ. — Как придёшь в Серый Дом, спроси у Джорена. Он накладывал гламор на тех ублюдков, что Иорэт оставлял людишкам взамен их горластых кульков».

Джорен? Ну конечно, мерзавцу Иорэту должен был помочь именно один из тех немногих фейри, которых я считаю чуть ли не друзьями. Теперь-то ясно, отчего Каэран Мор так спешила поделиться новостями! Нравом Госпожа Шёпотов донельзя напоминает злого ребёнка — пакостит не столько из подлости, сколько из любопытства — а что же будет дальше?

Не знаю. Не хотелось бы убивать бедолагу Джорена, однако и спустить ему с рук соучастие в похищении детей я не могу.

— С чего ты взяла, что я планирую отправиться в Сид?

«Я знаю это, Майред Мор. А теперь ступай-ка домой — тебя там ждут не дождутся».

Домой я не пошла — помчалась, тихонько матерясь себе под нос на трёх языках. Если старая ведьма говорит, что дома меня ждут, то

ничего хорошего я там не найду. Счастье, если сам дом сыщется!

Дом, на удивление, стоял целёхонький. Какое-то время я подозрительно озиралась вокруг, но затем, пожав плечами, зашла в гараж, закрыла за собой дверцу и... уткнулась взглядом в ярко-алое пятно.

Амариллисы сорта «Гвар Брэйт», красные как кровь.

Букет оставили на лестнице, ведущей из гаража в лофт. На верхней ступеньке. Как если бы неведомый козлина, влезший ко мне в дом, постеснялся идти дальше. Или побоялся? Фейри не может без спросу бродить по людским домам — так гласит Железный Закон. А я уверена, что это фейри.

Гвар Брэйт.

Ну конечно. Конечно.

подавив желание швырнуть зловещий подарочек прямиком в реку — благо идти всего каких-то метров двести, — я вошла в гостиную и, не разуваясь, быстрым шагом направилась к кухне. Бросила букет на стол, рядом с пустой кофейной чашкой; сама плюхнулась на стул и с силой растёрла лицо ладонями.

Видят боги, меня трудно напугать. Но. плохие парни не должны шастать возле твоего дома. Нет, просто нет! Такая подлость по-настоящему ранит. Впрочем, не настолько сильно, чтобы удариться в панику. О нет. Я бы не дожила аж до тридцати, если бы всяким ублюдкам так легко удавалось выбить почву у меня из-под ног.

Тем более что у этого конкретного ублюдка цель совсем иная. Он.

Он хотел привлечь моё внимание, если уж в прошлый раз не получилось. Это ведь второй букет. Первый я приняла за очередной выпендрёж от Виктора. Хотя теперь и поняла с неожиданной чёткостью: для человека цитировать «Алую книгу» — большая странность и просто запредельный уровень пафоса. Даже для моего бывшего, при всей его претенциозности и любви к красотам.

«...ибо даже в самом чёрном сердце может расцвести пламенный цветок истинной любви».

— Клятая икебана, — простонала я, в отчаянии схватившись за голову.

Как всё ясно-то теперь! Задним числом, когда уже слишком поздно. Но откуда же я могла знать, что букетик мне передал не кто-

нибудь, а грёбанный псих с нездоровой тягой к флористике? А даже если бы и знала, покойную Флоренс Макадамс это никак не спасло бы.

Он и хотел, чтобы я поняла уже потом — после того, как получу его омерзительный подарочек. Судя по всему, первый из многих.

«Мой дар зовётся Неметоном, ибо столь же горек и прекрасен он, сколь и чёрное твоё сердце», — гласило послание на букетной карточке, что пряталась в самой серёдке кровавого букета.

На сей раз я поняла, что это значит. Отлично поняла.

— Была Гвар Брэйт, прекрасная зимняя леди, и был Иствин Дэй, могучий зимний рыцарь,

— пробормотала я на сидднахе, испытывая непреодолимую потребность закурить, но в упор не помня, где припрятано курево на чёрный день. — Звался он карающим мечом, она же — кровавой десницей, держащей его...

Дальше дословно уже не вспомню, но и этого хватило за глаза. «Алая книга» — типичный образчик дивного фольклора: сплошь реки крови и горы трупов, и всё это романтизируется донельзя. У нас таких экземпляров ловят и сажают на электрический стул; для сидхе же Гвар Брэйт — не полоумная садистка, обожавшая слушать мольбы и купаться в крови жертв, а самая настоящая богиня. Свирепая, беспощадная, абсолютно чуждая всему человеческому.

При мысли о том, что для кого-то я теперь вот такая Гвар Брэйт, сделалось дурно и даже страшно. Хотя, казалось бы, разве не этого я добивалась? Разве не стремилась стать ночным кошмаром всякого нечистого на руку сидхе?

Вот и стала. Не то кошмаром, не то эротической фантазией. Поди разберись, что хуже.

Ладно. О том, в кого я превращаюсь, можно пострадать позже. Сейчас куда страшнее нечто другое: он знает.

Проклятый флорист знает, что Киро Хаттари — это Майред Мор. Но как он пронюхал? Ни одному сидхе я, находясь в обличье человека, не называла своего истинного имени... По крайней мере, ни одному из тех, кого оставила в живых. Неужели кто-то уполз?.. Да нет, без башки не шибко поползаешь.

Впрочем, дело может быть не во мне. В нём. Он.

Стоп, нет. Просто нет, Киро, мать твою фею. Не торопись с выводами, тебя не за глупую спешку назвали лучшей охотницей на

Западе.

Кое-как уняв нервную дрожь — грёбаный маньяк сталкерит меня, ходит ко мне в гости и дарит стрёмные подарочки, как в каком-то дерьмовом кино! — я отыскала в кухонном шкафчике простую стеклянную вазу, с ненавистью впихнула в неё букет. Просто чтобы отвлечься, хоть чем-то занять руки, пока хаос в башке не примет художественно структурированную форму.

Название цветочного магазина указано на карточке. В прошлый раз цветы доставлял курьер. у него должен быть номер komór для связи с заказчиком, правильно? Всегда есть вероятность, что номер вообще чужой, однако. нет, вряд ли. Ведь этот клятый сидхе хочет, чтобы я его заметила и оценила.

Вот данные, указанные в абонентском договоре, наверняка окажутся липой. Даже не так — очень надеюсь, что они липовые.

Да они и будут. Или я не я.

Сообразив, с чего начать, немного успокоилась, кинула на букет последний злобный взгляд и пошла обратно в гараж. Если постараюсь, то управлюсь со всем за пару-тройку часов. Сид-то никуда не денется, а вот я... я могу из Сиды и не вернуться.

Никто бы не пожелал раз за разом отправляться в место, полное злобных нелюдей, что норовят не убить, так покалечить. Сид не похож на волшебную страну фей, о которой пишут в книжках, и я была бы рада больше туда не возвращаться. Да только перед глазами по-прежнему стоит маленький Кори в рабском ошейнике. Наш отец, свихнувшийся от ненависти, ярости и беспомощности перед лицом бессмертных тварей. Девчонка, влюбившаяся в сидхе и за это выпотрошенная наживую.

«...было весело».

Вот почему я год за годом продолжаю делать то, что делаю. Вот ради чего я похоронила свою мечту о музыке, человечность и малейший шанс на нормальную жизнь. Каждый раз, когда я оставляю всё, что мне дорого, и иду в смертельно опасное место, которое

ненавижу всей душой. каждый раз меня греет мысль о том, что это не напрасно.

Когда Чарли, дежурящий сегодня в офисе, по моей просьбе пробил номер, без особых трудов добытый у слегка напуганной девушки-диспетчера, я едва не рассмеялась в голос.

— Лоренс Макадамс, значит? — проворчала себе под нос, уже открыв окошко инфопочты и набирая сообщение. — Нет, серьёзно? Ты даже не старался!

Алек перезвонил секунд через десять после того, как я нажала кнопку «отправить».

— Что за хрень, Хаттари? — выпалил он возмущённо, не дав мне даже слова сказать. — На кой ты решила предсмертные записки сочинять?

— Алек-чин, это рабочая почта.

— Ой, и что?

— У тебя выходной, вот что!

— Киро, я жду ответ. Внятный и, блин, членораздельный.

— Дела надо держать в порядке, — пожала плечами, хоть мой друг и не мог этого увидеть.

— Алек, я вряд ли попаду на завтрашнее дежурство и, в общем, не знаю, когда вернусь. Прогулочка будет затяжная. Прикройте меня где сможете.

На той стороне послышалось низкое шипение — по-прежнему забавное, даже невзирая на ситуацию. Однако же этим дело и ограничилось: у нашего альфа-котика горячее сердце и холодная голова. За то и любим.

— Послушай, Киро. Ты уверена, что это хорошая идея — мчаться в невесть какие сидские дебри по указке полоумного цветочника? Заигрывания с маньяками ничем хорошим не заканчиваются.

— Знаю, бро. Будь это обычный маньяк, я бы подняла на уши весь округ. Но с сидхе это не сработает.

— Мне придётся поверить на слово, — вздохнул Алек. Я знаю, он страшно не хочет отпускать меня одну и мучиться ожиданием невесть сколько, но... поневоле уже привык к этому. Все привыкли. — Слушай, я накопаю что смогу, но тебе лучше притащить свою предивную жопу обратно. Потому что иначе я тебе и на том свете покоя не дам. Уяснила?

— Так точно, котик-чин! — уверила я с напускным энтузиазмом. — Упросишь маршала Вернера не снимать с меня голову за внеплановый отпуск?

— Голову? Ой, оборжаться. Маршал Вернер, судя по его плотоядным взорам, скорее снимет с тебя штанишки.

После того, что я собираюсь вытворить? Было бы неплохо, но что-то верится с трудом.

Наконец закончив разговор — Алек порой склонен читать нотации ничуть не хуже Люка,

— я закопалась в свой рюкзак, проверяя, есть ли там запасной нож и полон ли запас зелий. Просто на всякий случай. Нет, я не собираюсь в Сид надолго, но моя, мать её, фейская родина — местечко преотвратное. Смертельно опасное, мерзкое, построенное на культе всяких жутких смертей и нетерпимости. Лучше быть готовой ко всему.

Только когда села в кар — поняла, что хочу услышать Люка. Просто так, тоже на всякий случай. А ещё потому, что с каждым дурацким сном, выматывающим нервы и терпение, быть вдалеке от него всё сложнее. О Тьма, да я бы с радостью держала его подле себя каждую минуту, как бы жутко это ни звучало. И предпочла бы сунуться в Сид вместе с ним, не будь это место настолько опасным. Для него в первую очередь. Да, он силён, и сидхе не так нетерпимы к вампирам, как к людям, а его дар предполагает некоторые маневры, но.

Но.

Нет уж, нечего Люку там делать. И мне тоже нечего. Просто у меня-то, в отличие от него, нет выбора.

— Здравствуй, Киро, — слышался в трубке его голос. Как всегда спокойный, усталый, но всё же с проскальзывающей неприязнью. Не ко мне, скорее, к очередному рабочему дню. Или неделе. Или ко всему Алькасару разом. — Что-то случилось?

— Почему сразу случилось? — проворчала я, избегая прямого ответа. Приучилась за все эти годы — сидхе сами не в силах солгать, а чужое враньё за милую чуют. — Просто звоню узнать, не сожрал ли ты лицо старине Крэйну. Неохота, знаешь, менять начальство дважды за один год.

Люк, кажется, усмехнулся, но как-то без особого веселья.

— Будешь скучать по мне, да?

— Чувак, он ещё жив? — забеспокоилась я почти всерьёз.

— Пока жив. Не уверен, что надолго: у этого человека напрочь отсутствуют совесть, здравый смысл и инстинкт самосохранения.

— Просто скажи ему, что если не уймётся, я таки стану его невесткой — и он сразу отвянет!

Ну да, так уж сложилось, что сожранный волками адвокат работал не на кого-нибудь, а на Джерома, чтоб его, Крэйна. Мир тесен, а уж Запад и вовсе коробочка — вроде места много, а всё равно все в кучу. Да, это Алек сказал, и да, у котов всё сводится к коробочкам.

— Во-первых, нет, не станешь. Во-вторых, Крэйн явно намеревается достать меня и на том свете. Даже жаль, что обедом на волчьем столе стал не он. А сыночек сгодился бы на второе.

— Фу, маршал Вернер, как жестоко!

— Ты просто не разговаривала с ним три часа кряду в окружном суде.

Ну да, чему не позавидуешь в работе начальника, так это обязанности решать дела не только в поле, но и в кабинетах. Зачастую полных таких мудаков, как Крэйн и его сожранный коллега. Конечно, убивать адвоката те оборотни не имели права и должны понести наказание... Да только вот людям за убийство полагается срок. Немаленький, но не идущий ни в какое сравнение со смертной казнью,

которую Крэйн требует для волков. И это на фоне того, что насильник не понёс вообще никакого наказания — благодаря умению адвоката заговаривать зубы.

В этом вся суть антеаррских законов. Если ты человек, то по умолчанию слаб и запутался, зато если имеешь зубы и когти, то жестокий убийца и нет тебе прощения.

— К чему пришли?

— К тому, что Крэйн идет на хрен, — огрызнулся Люк. — Пока пытаемся сослаться на состояние аффекта и несопротивление при аресте как смягчающие. Если не выйдет — продавлю депортацию в Греймор, у местной общины есть родственные связи с тамошней стаей. А там либо они затеряются где-нибудь на северных просторах, либо Крэйн будет грызться в суде с Хотой гро Магратам. Поверь, твой несостоявшийся тесть пожалеет, что вообще имел наглость родиться.

— Ты мне будешь про Маграта рассказывать? Я с ним училась!

— Искренне сочувствую. Ладно. как там Рэн, ещё не забыл меня?

При мысли о вредном крыжовничке, ни в какую не желавшем отпускать меня в постылый Сид, на душе сделалось тяжело и муторно. Однако я всё равно улыбнулась. Надо же, он и Вернера охмурил за каких-то пару встреч. Хотя это вроде взаимно — кто бы подумал, что Рэн едва знакомому клыкастому типу будет радоваться почти так же, как мне! Я бы, наверное, жутко ревновала, но вот беда — сама в этого типа влюблена по уши.

Не в последнюю очередь и оттого, как он относится к Рэну. Будто он не только мой, а немножко и его собственный.

— Да что с ним будет, с этим крыжовником? Как всегда, мелкий, зелёненький и весьма коварный, — наконец ответила я, выгнав прочь неуместные раздумья. — Эй, он про тебя тоже спрашивал! Ну, пытался, по крайней мере. И привет передавал!

— Я бы предпочёл получить свой привет лично в руки, — вздохнул Люк. — Ещё одна причина покатасть Крэйна ночью в багажнике. Есть кому скормить эту расистскую сволочь?

— Боюсь, бедная нечисть отравится.

— Тоже верно.

Немного помолчав, я всё же озвучила то, что грызло меня последние несколько часов. Или даже дней.

— Люк, я... ты ведь позаботишься о Рэне, если я... не смогу? Я знаю, это немного чересчур, просить о.

— Не говори глупостей, — отрезал он. И прибавил уже мягче: — Киро, не беспокойся. Даже если вдруг тебе не отдадут Рэна — а я в этом сомневаюсь, — то не отдать его мне они просто не смогут. Не позволю. Ну а потом всегда можно оформить совместную опеку.

О, кажется, он понял мои слова по-своему. Ну и хорошо. Не придётся объяснять, обо что именно я могу убиться в ближайшее время.

— Люк, совместную опеку дают только супругам.

— Да, я знаю.

Я в возмущении приоткрыла рот. Да чтоб тебя! Чувак, ты не можешь говорить такие вещи, когда я на другом конце города и собираюсь лезть в долбаное пекло!

— Ауч. Разговор принимает опасное русло, да? Кажется, мне срочно пора полить кактусы!

Люк негромко рассмеялся, и я буквально наяву увидела это его излюбленное выражение лица, полное снисходительности и ласковой укоризны. У него такой вид всякий раз, стоит мне ляпнуть какую-нибудь глупость. То есть очень часто.

— Ты не сможешь поливать кактусы бесконечно, Киро.

— Звучит как вызов!

— Считай, что это он и есть. Не про кактусы, конечно. Про опеку. Рэн будет жить с тобой, так или иначе, обещаю.

Ну и что я могу на это ответить? Да ничего толком, потому как глаза подозрительно защипало. И ком в горле встал такой, будто я только что целиком сожрала бургер.

— Я знаю, — отозвалась я тихо. — Спасибо, Люк.

— Пока не за что. Киро, у тебя точно всё в порядке?

— В полном, — поспешила уверить я. И тут же больно закусила губу, ненавидя себя за это враньё. — Извини, я. Мне пора, так что. Не буду отвлекать, в общем. Навалешь Крэйну за нас обоих?

На том конце повисло подозрительное молчание.

— Непременно, — всё же произнёс Люк, наверняка решив допросить меня позже. — Тогда до завтра?

Увидимся.

Не завтра, Люк. И даже не послезавтра. Но как можно скорее, потому что не вернуться к тебе и Рэну я просто не имею права.

— Как ты поняла всё раньше меня?

Ну да, так себе приветствие, но мама на том конце только насмешливо хмыкнула. А я почти наяву увидел её лицо — понимающее, ехидное и чуточку сочувствующее.

— Ты, конечно, мальчик взрослый, — протянула она, — но я ещё взрослее, а ты — мальчик. Вы, мужчины, поразительные брёвна, когда дело доходит до чувств. Всё ведь серьёзно, да?

Я тяжело вздохнул и затянулся второй по счёту сигаретой за день. Ещё и в кабинете — мои шерстяные подчиненные будут недовольны, и Алек особенно.

— Учитывая, что я, кажется, собираюсь ради неё усыновить ребенка? Всё серьёзно. Более чем.

— Прости, что? — мама явно чуть не закашлялась. — В смысле, я давно перешла все стадии от неприязни к детям до любви к ним, но... давай поподробнее?

— Киро хочет усыновить ребёнка из Железного Чертога. Милый малыш, он бы тебе понравился. И сильный. Уже пытается колдовать, а ведь ему ещё и года нет! Разумеется, наше гуманное государство не спешит отдавать мальчика одинокой молодой девушке сомнительной профессии. Которая, ко всему прочему, числится кровожадной тёмной тварью.

— Скажем прямо, ты тоже далёк от добропорядочного гражданина.

— Далёк, — согласился я. Выдохнул горьковатый дым, приоткрыл окно, чтобы запах выветривался быстрее. — Но мальчик — наполовину вампир. Асторн, мама.

Мать с ответом не спешила. Переваривала услышанное, не иначе. Или просто гадала, кто из нашей дражайшей родни умудрился присунуть сидхе.

— Неужто Мариус смог кого-то сделать? И даже кого-то удачного? У мудаков по жизни иногда получаются приличные дети.

— Джайлс постарался. Прямо-таки оставил след в поколении.

— О.

— Ага.

— Ты же понимаешь, что как только Ма-ариус, — она препротивно протянула имя, без того не самое приятное моему слуху, — прознает о ребёнке, он вынесет мозги всей округе и даже чуть больше? Лишь бы получить опеку над полусидхе-полувампиrom. И как отец Джайлса он в своём праве.

— Знаю, — вздохнул я. — Потому и пытаюсь его опередить. Если о Рэне узнают Асторны.

— Так его зовут Рэн? — уточнила мама, а я услышал в её голосе улыбку.

— Рэйнард вообще-то... Но с подачи Киро все зовут его Рэном.

— Хорошее имя для моего внука. И твоему бестолковому отцу наверняка понравится.

— Бестолковому? Мама, только не говори, что вы ещё не помирились!

— Помирились, снова поссорились — какая, к Тьме, разница? Не будем об этом. Может, мне приехать? Зуб даю, Мариус будет рад меня видеть.

Я даже задумался. Мама — самый большой провал в истории Асторнов. В то время как большинство вампирских гнёзд спят и видят, как бы заграбастать в свои холодные руки тёмного мага, мои родственнички умудрились сделать одну из них врагом. Лорейн Вернер и в человеческой ипостаси была тем ещё подарком богов; став же личем после обращения, она и вовсе перешла в категорию чрезвычайно опасных существ. Не для всех, но для Асторнов, изрядно попортивших жизнь нам обоим.

— Нет, мама, не стоит, — всё же отказался я. Киро и так не слишком довольна, что у неё появился конкурент на усыновление Рэна. Не признаётся, конечно, но наверняка беспокоится. Не стоит усугублять ситуацию. — Обещаю позвонить, если что.

— Хорошо. Береги себя. И Киро.

Она отключилась, а я невольно потянулся за ещё одной сигаретой — внутри отчего-то поселилось чувство, будто вскоре непременно что-то случится. Хотя почему «что-то»? Мариус случится, а вместе с ним и остальные Асторны, включая дедулю Грегора. Ничуть не сомневаюсь, что, едва прознав о Рэне, он тут же захочет заполучить его себе. Отца

уже упустил, ещё одного урождённого Асторна не прошляпит. И даже на полукровность закроет глаза: мать-сидхе — вовсе не то же самое, что человеческая женщина, пусть даже она и тёмный маг.

Другая сидхе, полукровная ровно настолько же, насколько и Рэн, вызывает ничуть не меньше опасений. Слава всем богам, поубавила дурости и хотя бы старается делать вид, что работает, а не истребляет сидхе из мести. Не то чтобы им не за что мстить. Я и до приезда не питал иллюзий об обстановке в Алькасаре, но, проработав здесь едва ли больше месяца, начал понимать Киро и её. порывы. Чего только стоит недавнее дело, жертвой которого стала совсем юная девочка. Фотографии с места преступления до сих пор стоят перед глазами, а ведь слабонервным меня не назвать.

Ещё и этот наш вчерашний разговор. Ощущение, что Киро что-то скрывает, не покинуло до сих пор. Чувствую, будто меня крепко надурили. Но, к счастью, совсем скоро я увижу её и непременно расспрошу, что это за драма была вчера в нашем разговоре.

Я глянул на часы и нахмурился — седьмой час. У Киро привычки опаздывать не водится. Зато водится другая — каждый раз тащить мне кофе.

Ни кофе, ни Киро я до сих пор не наблюдал, а потому, как ни пытался, перебороть себя не смог. Потянулся к комму, вызвал свою секретаршу Мэри, поинтересовался как мог равнодушно:

— Маршал Хаттари уже здесь?

— Нет, сэр, — отозвалась она. Кажется, чуть замялась при этом.

— Пусть зайдёт в мой кабинет, когда появится.

Да нет же, точно замялась. Не ответила привычное «хорошо», не положила трубку, согласно угукнув, а выдала как-то чересчур осторожно:

— Сэр, прошу прощения, но сегодня дежурит Маки. Она уже здесь, позвать?

— Маки? — переспросил я. И прежде чем Мэри начала уточнять, напомнил: — Маккензи Блэк дежурит в воскресенье.

— Да, сэр. И сегодня тоже.

Я нервно потёр переносицу. Клык ставлю — мои сотруднички взялись за старое. То есть за прикрытие делишек Киро, не санкционированных ни законом, ни любым другим мало-мальски

официальным документом. Ждать очередную лепреконью башку в тёмном переулке или уже что покруче?..

— Ну прямо магия какая-то, — не удержался я от ехидства. — Хотя бы Сазерленд здесь?

— Да, сэр.

— Пусть зайдёт. Сейчас.

Через пару минут Алек наконец-то соизволил нарисоваться на пороге. Эдак оценивающе зыркнул на меня, потом нехотя вошёл в кабинет, неспешно прикрыл за собой дверь. Чинно встал напротив, заложил руки за спину, а затем принюхался и недовольно скривился.

— Ты что, курил здесь? Я не могу работать в таких условиях!

В иное время меня бы изрядно позабавили эти кошачьи ужимки. Но сейчас как-то не до веселья.

— Будем говорить о моих привычках, маршал Сазерленд? — Он замотал головой. — Хорошо. Сядьте.

Алекс послушно опустил на краешек стула, сложил лапки — тьфу, руки — перед собой. Прямо-таки самый примерный котик в Алькасаре. Но я уже научен горьким опытом — примерных котов не бывает, они все непослушные засранцы и себе на уме.

— Мне стоит задавать вопросы или сам объяснишь, где Киро?

Он вздохнул, прошёлся ладонью по непослушным кудрям, которые обычно аккуратно зачёсывал назад. Но тут, видно, было некогда наводить красоту.

— Киро в Сиде. Сказала, что не знает, когда вернётся. А, и черкнула письмишко про флориста... — Алек замялся, давая понять, что следующие его слова мне точно не понравятся. — В двух словах не объяснишь, но какой-то остроухий псих шлёт Киро букетики, и он же слепил икебану из той эскортницы.

— В Сиде, — эхом отозвался я, ощущая, как гнев накатывает волнами — яростными и мощными, какие бывают только посреди океана во время шторма. — И с каких пор Киро в Сиде?

— Со вчерашнего вечера.

Киро в Сиде. Одна. Охотится на чудовище, что делает ядовитые клумбы из молодых красивых женщин. И это самое чудовище шлет ей кровавые подарочки.

— И об этом я узнаю только сейчас, потому что?..

— Потому что говорить раньше уже не было смысла, — Алек пожал плечами, нервно сцепил руки в замок — так, что даже костяшки побелели. — Она ушла, и ничего ты с этим не поделаешь. И я тоже. Там, где речь идёт о Сиде и сидхе, мы просто парочка беспомощных котят.

— С оставленной уликой мы тоже «беспомощные котята»? — холодно поинтересовался я, ощущая, как на смену беспокойству поднимается ярость. — Маршал Сазерленд, вы, насколько я знаю, окончили Магистерию с отличием? Как следует действовать при сообщении о получении чего-либо от предполагаемого преступника?

— Ой, не начинай! — фыркнул Алек, красноречиво закатив глаза. — Тебя сейчас явно не преступник интересуется.

— Не он, — согласно кивнул я. Упёрся кулаками в столешницу, навис над высокомерным куском меха, вообразившим себя самым умным парнем в комнате. — Меня интересует то, как я буду спать, зная, что не сделал ничего — и всё из-за драного кота, решившего, что он вправе скрывать от меня столь важные вещи. И как ты сам будешь спать всю оставшуюся жизнь, если с Киро что-нибудь случится, мне тоже интересно.

— Да не скрывал я! — огрызнулся Алек, явно задетый за живое. Был бы сейчас кошаком

— наверняка бы весь распушился от возмущения. — Просто предвидел твою реакцию и немного отсрочил неизбежное. И я тоже волнуюсь за Киро, ясно? Но ещё я привык доверять ей, и если она помчалась сломя голову в этот сраный феятник — значит, так было нужно.

— Ваше бесконечное доверие к Киро привело её к кризису, — отчеканил я ледяным тоном.

— К излишней агрессии, к психозу и постоянному стрессу. К уверенности в собственной неуязвимости. И как бы вам всем ни хотелось, чтобы делами с участием сидхе занималась только Киро, она их не вытянет. Физически и морально. Согласись, Алек, отследить клятый букет мы вполне можем без её помощи. Его ведь прислали по эту сторону Сида?

— По эту, — хмуро согласился он, не найдясь с возражениями. — Только Киро уже отследила и указала в письме...

— Сазерленд, я это письмо когда-нибудь увижу вообще?

— Обижаете, сэр! Переслал ещё до того, как пошёл к вам на съедение.

Да чтоб вас так и эдак, маршал барсик! С этого и следовало начать.

Нетерпеливо щёлкнув по иконке инфопочты, я открыл пересланное сообщение.

«Чувак, всё очень плохо, — писала Киро в обычном своём духе. — Клятая икебана составлена в мою честь. (И нет, я не польщена.) Флорист покупает мне букетики в цветочной мастерской на углу Лейлин и Килдар.

Белый мужчина, двадцать-двадцать пять, высокий, каштановые волосы и светлые глаза, без отличительных черт. (Гламор, ставлю все свои кактусы.) Абонентский номер на имя Лоренс Макадамс. (Прикинь, этот ленивый ублюдок даже на анаграмму не расщедрился!)

Удостоверение ему наверняка справил Салазар Тэйн, так что можешь сразу идти к нему. Он сольёт истинное имя флориста. Если заартачится, напомни ушлому засранцу МОЁ имя

— и запоёт птиченькой...»

— Салазар Тэйн? — произнёс я чуть изумлённо.

— Вот уж имечко — обнять и плакать, — фыркнул Алек, сложив руки на груди. — Найти его обладателя явно будет нетрудно.

— Даже искать не придётся.

— Ты его знаешь?

— О да.

Салазара Тэйна, любящего своё имечко примерно так же, как моя мама — всех Асторнов разом, я знаю уже добрых двадцать лет. Познакомились мы в одном из вампирских баров, ещё в столице. Тэйн, вообразивший себя то ли народным мстителем, то ли частным

детективом, пытался выследить вампира, перегрызающего глотки ребятам, что предпочитали свой пол. Я тогда только стал ликвидатором, он — ушёл из секретного правительственного отдела военной разведки. Как я узнал позже — поимел там немалые проблемы с психикой и зарёкся связываться со службой на благо родины. Но быть героем всё ещё хотел, видимо, пытаюсь хоть так отмыть кровь со своих рук. А потом и вовсе заделался почти пацифистом, убравшись в родной Алькасар — торговать законными и не очень зельями... и подделывать документы тоже.

В общем, мастер на все руки. Умный, имеющий определённые связи и уйму талантов — от причинения тяжких телесных до изготовления дурманных зелий.

Припомнив недобрым словом своего приятеля, обладающего поразительным талантом затевать сомнительные делишки, я вернулся к презанятному чтиву. Во всех смыслах презанятному. От самого факта существования — в почте Алека, не в моей (как будто мне мало их с Киро обнимашек на каждом шагу, чтоб его в кота!), до содержания. Прочёл бы раньше — сорвал бы на Сазерленде чуть меньше злости. Или больше, учитывая масштабы проблемы.

Будучи в прямой связи с грёбаным маньяком убийцей, тащиться невесть куда по его указке! И это та девица, что ежедневно осуждает наивных дурочек, верящих в сказочных рыцарей-фейри!

«...я думаю, это подменыш. Как вычислить его человеческую личину — пока в душе не разумею, но она почти наверняка как-то связана с Флоренс. Возможно, стоит поискать сирот из Чертога среди её ровесников.

Букетов было два. Первый пришёл за день до убийства, я решила, это от Виктора. Подпись на карточке была про нашу икебану, но тогда я не могла этого знать. Второй сегодня нашла у себя в гараже. С приглашением прогуляться до Авалона.

Я ЗНАЮ, КАКОЕ ЛИЦО ТЫ СЕЙЧАС СДЕЛАЛ, АЛЕК-ЧИН! Но я на 100 % уверена, что там будет подсказка. Очередная. Флорист не хочет мне вредить, он хочет моего внимания. (И тут я уже могу сказать, что это не мужчина моей мечты.)

Про букеты: Амариллисы сорта Гвар Брэйт, вычурные цитатки — всё это отсылка к милому фейскому фольклору. “Алая книга”, повесть “Самое чёрное сердце”. Книжку оставляю рядом с веником, хотя толку

от неё не будет. Второй труп пока не жди — без меня сукин сын не начнёт».

— Собирайся, — велел я, едва дочитав.

Алек вопросительно вздёрнул бровь. Но поднялся, внимательно глядя, как я снимаю с вешалки пальто. Могу поклясться, будь он сейчас в кошачьем облике — непременно бы недовольно размахивал хвостом.

— Куда?

— К Тэйну. И не приведи Хаос тебе назвать его по имени.

Интересно, почему всякие сомнительные с точки зрения закона личности выбирают для своих делишек самые примечательные дома в округе? Отдалённые, да, но примечательные.

Даже на первый взгляд дом Тэйна — то ещё убежище для сказочной злой колдуньи. Увитый плющом, с резными деревянными ставнями, стоящий на самом краю парка, плавно переходящего в лес. Со старой деревянной вывеской, на которой небрежно зачищено наждачкой прежнее название и выжжено простое «Лавка зелий Тэйна». И с глухим забором, за которым имеется сад-огород с небольшой плантацией всяких травок, о назначении и действии которых мне лучше не знать. Подвал в этом доме тоже найдётся — большой, с множеством полок, стеллажей, склянок, старых книг. А за массивным дубовым шкафом — ещё и небольшая кладовка с оружием. Разносторонний человек этот Салазар Тэйн.

Правда, на злую колдунью ничуть не похож. Скорее, на наёмника-мордоворота, которому впору участвовать в боях без правил. Ну или служить в спецназе, пугая террористов одним своим видом. Нет, не рожей — объективно Тэйн вполне красив. Живой взгляд, прямой нос, мужественная челюсть и эдакая цивилизованная небритость. К которой удачно прилагаются внушительные бицепсы, широкие плечи и высокий рост. Я сам не по мужской красе, но девушкам такие брутальные типы обычно нравятся.

Когда мы вошли, Тэйн расставлял на многочисленных полках банки с крайне подозрительным содержимым. Повернулся, впрочем, тут же, едва заслышав звон колокольчика, что висит над дверью.

— Люциан? Какими ветрами? — поинтересовался он. Скосил взгляд вниз, откуда раздалось сердитое шипение, и словно бы только после этого заметил Алека, маячащего за моей спиной. — Ещё и с приятелем?

— Не кофе пить пришёл, — признался я. — Это Алек, он тоже охотник.

Тэйн спустился с небольшой стремянки, подошёл к высокой витрине. С приветствием, однако, не преуспел: на столешницу запрыгнула кошка вэйданской породы — длинноногая, длиннохвостая, светло-коричневая, с чёрными отметинами на лапах и морде. Она прошлась по витрине, зашипела снова, после чего уселась прямо напротив меня и подозрительно уставилась своими ярко-голубыми глазами.

— У меня его и нет, — пожал плечами Тэйн. — Виски?

— Пожалуй.

— Мудрое решение. Кларисса, присмотри за гостями. И не лютуй сильно! Вдруг они дадут нам денег?

— Вот это вряд ли, — холодно заметил Алек, на что Тэйн только пожал плечами.

Прежде чем скрыться за незаметной дверью возле стеллажей, он почесал за ухом вновь зашипевшую кошку. Вернулся спустя минуту с тремя стаканами, бутылкой виски и пепельницей, которую выставил со всем остальным прямо на витрину.

— В моём присутствии я бы попросил воздержаться, — произнёс Алек, выразительно взглянув на пепельницу.

— Насколько хорошо попросил бы? — уточнил Тэйн с каменно-невозмутимой физиономией.

— Не настолько хорошо, как вам хотелось бы, мистер Тэйн, — столь же безмятежно отозвался мой зам, потянувшись погладить кошку. Та замахнулась было лапой на наглеца, но тут же легонько получила ладонью по макушке и внезапно присмирела. Злобно ворчать не перестала, но, кажется, почуяла, что этот котик не в её весовой категории.

— Быть может, дождётесь, пока я выйду? — мрачно поинтересовался я, сейчас меньше всего настроенный созерцать парочку нелепо флиртующих мужиков.

— Не дожждёмся, — заверил Тэйн. — Оборотни не в моём вкусе.

— С чего ты взял, что я оборотень? — отозвался Алек чуть желчно. Уж он-то наверняка железно уверен, что его пятнистая задница в чьём угодно вкусе.

— Терпеть не можешь курево из-за острого нюха. А ещё ты понравился моей кошке, так что сам наверняка из кошачьих. Скорее всего, альфа, но возможны варианты.

Ясно. Мой приятель и мой заместитель явно оценили друг друга. Тьма разберёт, в каком из смыслов, но перепалки между ними, судя по всему, впредь будут длиться целую вечность.

— Вы закончили? Тэйн, будь так любезен поведать нам, кто такой Лоренс Макадамс?

Понятия не имею, о ком ты.

— Да неужели? — едко произнёс я. — А вот Майред Мор уверена, что имеешь. Тэйн, я не для того делаю вид, что не знаю о твоих делишках, чтобы ты вешал мне лапшу на уши. Кому справил поддельные документы?

— По-твоему, я их всех поимённо помню? — неподдельно изумился Тэйн. — И как, ради Тьмы, ты умудрился связаться с самым жутким крысоловом по обе стороны Изнанки? Ну на хер, эта девка отбитая наглухо. Держись от неё подальше.

— Проблематично, учитывая, что мы вместе рабо...

— О, Хаос, Люк, да заткнись ты! — непривычно грубо оборвал Алек. Но тут же страдальчески прижал ладонь ко лбу. — А, ладно, всё равно уже спалился. Надеюсь, твой дружок умеет держать язык за зубами?

— Я много чего умею, котик, — протянул Тэйн, не трудясь скрыть веселье, и снова повернулся ко мне. — Майред Мор — грёбанный маршал? И я даже догадываюсь, который именно. Сидхе могли бы меня озолотить, если бы я продал эту новость кому надо.

Алек низко зарычал, заставляя Клариссу нервно подскочить на месте, а её хозяина — прищуриться с каким-то нездоровым любопытством. Я же просто смерил своего приятеля долгим взглядом и негромко произнёс:

— Ради твоего же блага, Салазар, я надеюсь, что ты пошутил.

— Назови меня так ещё раз, и я стану чудовищно серьёзен, — ворчливо огрызнулся Тэйн и снова поднялся с места. — Сейчас разыщем вашего Лоренса, будь он неладен. Теперь скажи котику «место», пусть не пожирает меня глазами.

— Я бы сказал, — заверил я неискренне, — но боюсь, он не послушает. Не угрожай его прайду, если не хочешь быть сожранным.

— Я просто онемел от ужаса! Заприте дверь, я сейчас.

Тэйн снова оставил нас в компании Клариссы, чтобы вернуться спустя несколько минут с огромной книгой в руках. Я с сомнением

покосился на талмуд — никакого желания читать очередные сказочки у меня нет. У Алека, я полагаю, тоже: они с Клариссой как-то понимающе переглянулись, единогласно вздохнули и уставились в книгу, которую Тэйн с грохотом опустил на витрину и принялся листать.

— Гваддаларский? — уточнил я, узнав в мелком убористом почерке знакомые символы. — Не знал, что ты говоришь на северном наречии.

— А я на нём и не говорю — я на нём пишу. Милая клинопись, не правда ли? Так, посмотрим.

По-видимому, найдя нужную строчку, Тэйн удовлетворённо кивнул и вскоре протянул мне листок, на котором записал имя неведомого сидхе.

— Не читай вслух, — тут же предупредил меня Алек. — Сидхе всегда чувствуют, когда кто-то называет их имя. А ещё магия имени может связать тебя с тем, кто это имя носит... Боги, Люк, неужели Киро тебе совсем ничего не объяснила?

— Увы, это не единственное объяснение, которое она мне задолжала, — ответил я как мог спокойно, всеми силами давя желание хорошенько куснуть одну скрытную заразу. — Тэйн, ты знаешь что-нибудь про этого типа?

— Фейка как фейка, — отозвался Тэйн, передёрнув мощными плечами. — Вроде от старшей крови: рога витые, кожа голубая, глаза с синей искрой. Не выделялся, не торговался, имя сразу назвал. Я всегда требую авансом их истинные имена — как раз на случай, если ублюдки под личинами людей вздумают вытворять всякое дерьмо. Чем этот-то провинился?

— Сделал клумбу из миленькой блондинки, — охотно поведал ему Алек. — Слышал про нашу икебану? Её имя, кстати, Флоренс Макадамс.

— Вот ведь сукин сын, — восхитился он. — Ничего, милашка Майред Мор таких шустро скармливает келпи. Кстати, а почему она сама не явилась? Обычно чуть что — вламывается, как к себе домой.

— Киро в Сиде, — не стал ходить я вокруг да около. — Уже больше суток. И я очень хочу знать, что с ней. Ты путаешься с сидхе. Кто-нибудь из них может помочь?

Что там, я сам в шаге от того, чтобы пойти в Сид. Благо, если верить карте, что валялась в моём столе, отсюда до ближайшего прохода в фейские земли совсем недалеко. Останавливает только знание, что там мне точно не будут рады, даже невзирая на мой дар. На пару-тройку особо упрямых рогатых тварей меня, может и хватит, но больше — вряд ли. На них никого не хватит — ни Сандро Тамрита, ни моего вельможного дедули. Что тоже особо не радует.

Моих порывов предсказуемо не оценили. Алек выразительно закатил глаза, Тэйн же уставился на меня так, словно впервые видит.

— Спасаем пчёл от мёда, котов от пакетиков и сидхе от Сиды? Люк, да эта хрень рогатая ещё всех нас переживёт! С чего тебе вообще о ней волноваться?

— Я за неё в ответе. За всех, с кем работаю. А ещё у неё есть сын, который её ждёт. Достаточно аргументов?

— А ещё ты грёбанный вампир-наседка, — желчно протянул Тэйн. — Ничего с твоей Киро не сделается, ясно? Чтоб ты знал, в Сиде она провела пять-шесть часов: за это время можно добраться максимум до Атесмэртеса. Так что уймись и иди домой; не вернётся через недельку, тогда и будем снаряжать поисковый отряд.

— Ты не успокоил, — сообщил я, только сейчас понимая, что предложенный виски так и остался нетронутым. Что ж, самое время принять бокальчик. Залпом. — Я не буду ждать неделю, Тэйн.

— Как будто у тебя есть выбор.

Нет у меня никакого выбора, он прав. В Сид мне не сунуться, Киро не достать, и даже заручиться поддержкой своих ребят я не могу. Они знают, что такое земли сидхе. Знают, что без Киро там не выжить.

Всё, что я могу — это взяться за дело и к возвращению своего маршала раскопать как можно больше. Про Лоренса, про грёбанный букетик и про клятую сказочку, чтоб её в Сид к лепреконам.

— Ладно. Слышал когда-нибудь про «Алую книгу»?

Тэйн, судя по ухмылочке, слышал. Можно было и не сомневаться.

— Чувак, только не читай эту муть на ночь!

— Вот уж не обещаю.

На что похож Сид? На сказку.

На красивую, но жуткую сказку. Обиталище сидхе по нраву лишь тем, кто здесь родился и вырос; любого же нормального человека мигом отпугнёт флёр кристально чистой психопатии, витающий вокруг. Воздух здесь всегда свежий, как после дождя; лиловато-серая каменная брусчатка сияет, словно её только что отдраили до блеска; здания, высящиеся по обеим сторонам мощёных дорожек, стоят ровно друг напротив друга. Изящные, ажурные, но строгие, все до одного построены с соблюдением идеальной симметрии.

Она здесь повсюду. Симметрия. Даже деревья, цветы и трава, кажется, не имеют права расти абы как и абы где. Особенно фейкам нравятся ройгские берёзы с их безупречной корой, словно сияющей в темноте; белой и гладкой, как человеческая кожа...

Ночной кошмар, а не сказочка. Можно я проснусь уже?

Нет? Ла-адно.

Тяжко вздохнув, я зашагала по одной из множества идеально ровных дорог, ведущих к Площади Виверна. Поморщилась, заслышав невдалеке чьё-то фальшивое пение; тут же поморщилась снова, когда пение резко оборвалось и сменилось хлопаньем — незадачливый бард, похоже, захлебнулся кровью. Вскоре стайка ребятишек — фейских ребятишек, неестественно опрятных и почти таких же психопатически-идеальных, как их родители, — деловито протащила труп мимо меня, вполголоса споря о том, как поделить добычу.

Да, здесь свежее мясо не пропадает даром, кем бы там оно ни было при жизни. Удобно, когда каннибализм и людоедство — неотъемлемая часть культурного кода. Мерзко донельзя. Но удобно, не отнять.

В вечерних сумерках площадь выглядит особенно жутко. По углам идеального шестиугольника высятся каменные виверны в два человеческих роста — свирепые чешуйчатые твари с зубастым оскалом, парой мощных когтистых лап и громадными перепончатыми

крыльями, распростертыми, словно бы за миг до стремительного полёта.

Благо летают эти чудища лишь по особым случаям, будь на то воля властителя Тир-на-Ног. А, ну и ещё пару ночей в году — на кормёжку. Само собой, такими ночами лучше сидеть дома и не высовываться.

Да как и в любое другое время суток. Тут днём-то не слишком безопасно, что про ночь говорить?

Ровно по центру площади — а как же иначе! — ярко светится каменная арка межпространственного туннеля. Если у нас телепорты — самый дорогой вид транспорта, то здесь всё с точностью наоборот. Особенность ландшафта. И культуры. И местной фауны тоже: куда проще и дешевле заплатить за переход, чем влезть на спину келпи или запрячь пару вздорных хищных зверюг в повозку. А иных средств передвижения здесь не водится, и более того — они здесь работать не станут. Потому что Сид — одна огромная магическая аномалия, совладать с которой под силу лишь самым могущественным чародеям. Да не абы каким, а тем, что ткнут Изнанку.

На нашей стороне заклинатели завесы рождаются всё реже и реже, и единственный ныне живущий — девчонка двадцати двух лет от роду. Юная, но запредельно сильная. Регинхильд гро Маграт. Да, магичка-оборотень, что нонсенс почище сидхе-охотника; и да, я с этим нонсенсом свела знакомство и возлагала надежды размером с Железный Закон! Так поди ж ты: не успев окончить Магистерию, девица-тигрица выскочила замуж за своего дурковатого кузена Хоту и стала дважды-гро-Маграт. А тот, недолго думая, клятвенно пообещал сожрать мне лицо, если я, «вкрай долбанутое создание», ещё хотя бы раз упомяну в одном предложении злобных сидских чудищ и его полосатое сокровище.

Я, конечно, от души приласкала бывшего однокурсника эгоистичной сволочью (он это охотно подтвердил) и вконец зарвавшейся косолапой жопой (да, и это тоже), однако на деле нисколько не обиделась. Разочаровалась до жути, но какие могут быть обиды? Хотя прав. Самых важных людей в мире стоит держать подальше от самого опасного места в мире.

Но где это самое место? Вот хороший вопрос. Где-то далеко на северо-западе Алькасара, точнее не сказать. Если Железный Закон

нерушим, то Сид... он ненаходим, да.

Магия, будь она неладна.

Под привычные раздумья о том, как похитить у Маграта жену и не выхватить порцию медвежьих когтей в бочину, я подошла к проходу, от которого во все стороны сыпались жёлтые и зелёные искры. Плюхнула на стойку перед зрителем четыре серебряных монеты — тоже с изображением виверна, вставшего на дыбы, — и холодно распорядилась:

— Атесмэртес.

Забавно, что Тир-на-Ног — не остров даже, а полуостров, и всё же иначе, кроме как телепортом, сюда не попасть. Зато сравнительно несложно. Фактически это самая доступная территория Сиды — а ещё единственная, куда вхожи существа любого вида и природы. Все прочие земли — вернее, архипелаг, скопище разновеликих островов, — поделены между дворами, и туда лучше не соваться без особой нужды.

Атесмэртес — единственный крупный населенный пункт в Тир-на-Ног. Город-порт, откуда ходят корабли. Да, корабли. Нелепые, почти игрушечного вида маломерки с парусами, штурвалом и что там ещё, не сильна я в судоходстве. А на малых расстояниях используют паромы. И это в Пятую-то Эру, когда все эти старые деревяшки можно увидеть разве что в учебниках истории! Ну или в музеях, рядом с пресловутыми монетами.

Зачем нужно плыть через пролив, когда есть межпространственная магистраль? А хорошенького понемножку: славные волшебные туннели соединены между собой только в пределах одного острова. Жаль. Будь отсюда прямой гиперпространственный ход до Авалона, я бы выбралась из этого проклятого феятника не в пример быстрее.

В плане архитектуры ушастые ретрограды тоже давно и прочно застряли в начале Четвёртой Эры. И города вроде Атесмэртеса, помимо сияющей психопатии, отражают также склонность сидхе к гигантомании. Даже новые здания строят по каркасной системе

— сплошь изящные колонны и стрельчатые арки, огромные окна и сводчатые потолки необъятной высоты. Старозападный, чтоб его, стиль. Вампирам здесь наверняка нравится.

Интерьер тоже дурным голосом орёт: «Приве-ет, драма!» Тут тебе и настенная роспись, и искусно выполненные витражи, и резные фронтоны, напоминающие ажурное кружево. А ещё вычурные порталы, аркбутаны, нелепые башенки-пинакли и, конечно же, злобно скалящиеся каменные монстры в каждом закутке...

Очень красиво, на самом деле. Но жутко. Жить в таком месте — это мозги набекрень иметь надо.

Серый Дом не исключение: здесь тебе и арки-нервюры, и потолки под облака, и комнаты, живя в которых, немудрено заработать агорафобию.

А ещё здесь куча недружелюбно настроенных феек.

Мне пора бы привыкнуть к такому радушному приёму. Давно пора. Но, по правде говоря, это просто невозможно — не когда ты живёшь в скучном гуманном мире, где за твоё убийство и посадить могут.

В Сиде же никто не станет плакать по какой-то там Мериг. Бастард не заслуживает ничего кроме смерти.

На сей раз их четверо. Нет, уже трое — первого я ударила в горло почти машинально. Кровь мелким дождиком оросила лицо; я поморщилась и, поудобнее ухватив рукоять мачете, пустила по клинку волну магии.

Тьма мечется внутри, точно тигр в клетке, и тут же рвётся наружу — стоит только дать ей немного воли. Электризует воздух, пляшет на металле россыпью лиловых искр. Отражается в непроглядно-чёрных глазах сидхе. Оглашает им приговор.

— Теах таэ ллмар, — выдохнула я, зло ухмыльнувшись.

Здравствуй и прощай.

Когда я наконец доковыляла до парадного зала, слегка охромевшая и перепачканная в крови, то узрела там привычную картинку — жутковатый полумрак и пышно накрытый стол, уставленный шедеврами местной кулинарии, донельзя роскошными и вычурными под стать обстановке. (Главное, не задумываться об ингредиентах.) Разве что придворных лизоблюдов не видать: похоже, Мадок Бэл выгнал их на прогулочку, чтобы не мешали поиграть со мной. Сам же он предсказуемо восседал в своём любимом резном кресле, больше похожем на трон. Видимо, для самовлюблённых социопатов обычные стулья не годятся — а уж если ты зовёшь себя принцем и имеешь по трону в каждой комнате, это нехилый такой звоночек... Но кого тут интересует моё мнение? Ну да, ну да, пошла я на фиг.

А, да, верно. Принц Бастардов на самом деле никакой не принц. Всего лишь младший сын благородного дома Сэридуинн. Нелюбимый, нежеланный и бесперспективный. «Всё равно что ублюдок», — шутил обычно Мадок, однако его глаза зло полыхали, а идеально очерченный рот кривился в неприятной усмешке.

Как бесперспективный младший сын стал лэрдом приграничного края, история умалчивает. Вернее, тут ходит столько разных версий, что никак не поймёшь, какие из них правдивы. Но за те девяносто восемь лет, что Сэридуинн Мадок Бэл правит этими землями, Тир-на-Ног стал куда терпимее к бастардам и полукровкам. Не потому, что Мадок якобы чувствует себя одним из них, но потому что он оказался умнее многих высокородных снобов.

Полукровки слабы. Мы физически не способны вместить в себя ту мощь, которой обладают чистокровные сидхе, — отсюда и разговоры о порченной крови. О чём дивный народ не говорит вслух, так это о том, как опасны для них дары полукровок.

Ещё одна забавная причуда Железного Закона: полукровка силён по меркам людей, слаб по меркам сидхе. однако выходная мощность зависит от точки приложения силы. В два раза слабее для людей, в

четыре раза опаснее для сидхе. Мало кому из них удастся развеять гламор полукровного зеркальщика, пережить удар оружия, если то сделано руками кузнеца-смеска, или нарушить волю такого крысолова, как я.

Вот здесь-то вопрос, как Мадок подмял под себя приграничье, сразу и отпадает. В его свите сплошь ублюдки, одарённые и не очень. Поэтому-то он и Принц Бастардов. То, что другие считали позором, принесло ему богатство, славу и титул.

— Теах таэ ллмар, моя чёрная жемчужина, — протянул Мадок чуть издевательски, вертя в руках метательный нож. Ещё с полдюжины лежало у края стола идеально ровным рядом.

— Ах, племянница, твоё чувство драмы определённо нуждается в доработке! А уж о фехтовальных навыках вообще молчу. Я в твои годы.

— Ты в мои годы был грязью под ногами у своей же семейки, — огрызнулась я, тыльной стороной ладони утерев бегущую по щеке кровь — на лице у меня красовался глубокий порез. И хорошо, если бы только на лице. — Сколько можно спускать на меня своих псин, Мадок? Не хочешь, чтобы я приходила в гости, — так и скажи.

— Тебе всегда рады в моём чертоге, Майред. Но вот беда: ты так непристойно прекрасна, когда тебе делают больно! — протянул он эдак кокетливо. И шустро, почти без замаха метнул нож. Не в меня, на его счастье. — Правда ведь, златовласка?

Нож с глухим стуком вонзился в серую кору массивного клёна, что рос прямо посреди зала и рассыпал багряные листья по узорчатым плитам каменного пола. Высокий парень, жавшийся спиной к стволу, вздрогнул и горестно всхлипнул. Прядь длинных светлых волос, отсечённая ещё одним ножом, улетела вниз, на ворох листвы.

— Привет, Джорен, — протянула я, глянув на парня со смесью безразличия и жалости. — Забавно, я как раз о тебе вспоминала. В жизни бы не подумала, что у тебя хватит духу спутаться с Иорэтом.

— Майред Мор, клянусь, я не желал никому зла! — воскликнул Джорен, насморочно шмыгнув носом. — Я просто...

Он дёрнулся, давась слезами, когда очередной метко пущенный нож ранил остроконечное ухо.

— Я разве позволил тебе открыть твой чудный ротик, златовласка? — ласково осведомился Мадок, подбросив на ладони

очередной нож, и вновь обратился ко мне чёрные глаза, в глубине которых тлела пурпурная искра.

У меня его глаза, его кожа — зелёная с золотом, и его рога — удлинённые, изящно изогнутые в форме лиры, как у чёрнопяттой антилопы. Я наверняка выглядела бы его женской копией, если бы не моя порченная людишками кровь — и именно поэтому лэрд Тир-на-Ног, также известный как Принц Бастардов, возжелал поиметь меня, едва увидев. Да, он не только социопат, но и нарцисс. Про склонность к инцесту промолчу, здесь слова-то такого нет. Опять же, племянница — это всё-таки не сестра и не дочь.

Звучит как оправдание? Оно и есть. Мне было шестнадцать, я не знала о нашем родстве, не понимала местных порядков и в принципе не ощущала, когда стоит остановиться. Благо мне хватило ума торговать свою невинность в обмен на пожизненное покровительство «дядюшки» и безопасный ночлег в стенах Серого Дома.

Мадок охотно согласился. Он тогда ещё не знал, что через пяток лет именем «Майред Мор» начнут пугать малых детишек.

— Слышал от сестрицы Каэран Мор, что Иорэт «мёртв-мёртв-мёртв», — заметил он деловито, усадив меня по левую руку от себя. — Случайно не ты его убила?

— Забавно, я как раз хотела спросить то же самое.

— Значит, не ты и не я, — Мадок озадаченно склонил голову к плечу. Длинная золотая цепь, что причудливо обвивала его рога и терялась в глянцево-чёрных волосах, несуразно длинных для прославленного воина, тихонько зазвенела множеством хрустальных подвесок. А я с трудом подавила смехок — мне всегда казалось, что эта фиговина делает его голову похожей на люстру. — Жаль, жаль. Не люблю, когда всякие мерзавцы наживаются на малых детишках, ещё и не взяв меня в долю. Этот так. грубо. Верно, Джорен?

Джорен кивнул, сморгнув слёзы, а мне оставалось лишь подивиться — даже сейчас, зарёванный и жалкий, он всё ещё красив до безобразия. Золотые волосы, золотая кожа, ветвистые оленьи рога цвета старой бронзы. Лицо удивительно породистое, уж как для низкородного безымянного ублюдка без искры в глазах. А высокий рост и довольно крепкое сложение — редкость среди изящных сидхе.

Увы, в этом прекрасном сильном теле обитает нежная, трепетная душонка побитого щенка. Нельзя, нельзя быть щенком в месте, полном

хищников, презирающих слабость! Сама я никогда не презирала Джорена, защищала его где могла и даже привязалась к нему. Но показать это кому-либо — значит нажить кучу проблем для нас обоих.

— Да подбери ты сопли, ничтожество! — рявкнула я, скривившись в омерзении. — Если бы Мадок Бэл и впрямь хотел тебя ранить, ты бы давно был нашпигован железом.

— Ах, милая племянница, Златовласке бы твоего ума хоть на чайную ложечку, — привычно посетовал Мадок, отложив последний нож. Вряд ли сжалился; скорее всего, ему просто надоело мучить беднягу. — Но чего нет, того нет. Сам не знаю, почему я до сих пор его не убил...

— Он красивый, — резонно заметила я. — И его забавно мучить. Отдай мне, если надоел.

— Отдать не отдам, но поиграться одолжу.

— У нас есть сделка, Мадок Бэл?

— Ну что ты, любовь моя, какие сделки? — он оскалился, вмиг превращаясь из смазливового сидского недопринца в злобную хищную тварь. — Это подарок.

Ах, дядюшка, твоя щедрость не знает границ.

— С твоего позволения, Мадок, мне бы хотелось отдохнуть пару часов, — наконец произнесла я подчеркнуто вежливым тоном. — Время позднее, а на рассвете я отбываю в Аннун.

— Аннун? — переспросил он чуть озадаченно, однако тут же небрежно отмахнулся. На тонкопалой руке блеснули изящные рубиновые перстни в виде цветков амариллиса. — Нет, даже знать не хочу. Ступай, Майред Мор. Да прихвати свою златовласку: подотрёшь ему слёзки и подправишь личико, если уж оно тебе настолько по нраву.

Послушно кивнула и, небрежным жестом поманив за собой Джорена, отправилась петлять по длинным галереям Серого Дома. Я не один год потратила, чтобы разобраться в лабиринте бесконечных коридоров, но, честно говоря, хорошо запомнила лишь дорогу в северное крыло. И то потому, что там моя комната.

Ах, простите — апартаменты.

Я плюхнулась на краешек гигантской кровати, одиноко высящейся посреди спальни монструозных размеров. Устало выдохнула, с силой растёрла переносье и ноющие виски. Прыгать в Сид и обратно — то ещё развлечение; здесь речь не о разных часовых поясах, но о разных временных плоскостях.

Глянула на часы, сверила время на циферблатах. В Алькасаре меня нет уже вторые сутки, и я изо всех сил стараюсь не думать о том, как обижен моей пропажей Рэн. Ему ведь пока толком не объяснишь, что у его мамы довольно стрёмная работа.

Интересно, Люк уже допросил Алека, где это я потерялась? Наверняка. И злится тоже наверняка. И я никак не могу отделаться от мысли, что своим поступком растоптала всё доверие, зародившееся между нами. А может, и не только его.

Возможно, наши толком не начавшиеся отношения на этом и закончились. (И видят боги, мне не должно быть так хреново от одной лишь мысли о том, что он во мне разочарован.)

Ладно, пожалуй, тут я изрядно покривила душой. Как бы ни бесило Люка моё бегство на изнанку грёбаного мира, он поймёт, почему я так поступила. Поймёт и, вероятно, даже простит — потому что Люк — это... ну, Люк. Всегда такой благоразумный, отзывчивый, понимающий и. да чтоб его, просто слишком хороший для сумасбродной идиотки вроде меня.

Я поморщилась и зашипела от боли — это Джорен, опустившись передо мной на колени, осторожно провёл рукой по моему бедру. Похоже, резанули глубже, чем казалось поначалу: нога с каждой минутой ноет всё сильнее, и штанина спереди насквозь пропиталась кровью.

— Выглядит скверно, — озвучил очевидное Джорен, насморочно шмыгнув носом. — Поискать тебе зелье?

— У меня есть.

Откопала в рюкзаке пару-тройку разновеликих флаконов с зельями и банку густой зеленовато-белой мази, резко пахнущей

травами. Какое-то время мы с Джореном молчали, занятые лечением. Ранений, мелких и не очень, хватает и на мне, и на нём. В Сиде нелегко быть бастардом.

— Ну давай, поведай мне: на кой ты ввязался в делишки Иорэта? — наконец произнесла я, и он весь сжался под моим требовательным взглядом. — Из того, что я о нём узнала, он не кажется хорошей компанией. Мать наша Тьма, Ллей Джорен, ты же знаешь, что я делаю с похитителями младенцев.

— Я никого не крал.

— Ты соучастник преступления.

— Я никого не крал! — упрямо повторил Джорен, поднявшись на ноги и всем своим немалым ростом нависнув надо мной. — Я помочь хотел, ясно? Иорэт искал хорошего зеркальщика, и я. Майред, ты ведь знаешь, мне не слишком нравится идея о подменышах в жадных лапах людишек. Однако там им безопаснее, чем здесь.

— Для этого есть Железный чертог!

— Иди и расскажи Иорэту! — огрызнулся он, в мыслях явно дивясь собственной дерзости.

— Хотя здесь имеется небольшая загвоздка — Иорэт, похоже, мёртв. Или даже мёртв-мёртв-мёртв, если верить твоей мамаше.

— Никакая она мне не мать, — буркнула я, не чувствуя особой потребности продолжать спор. Ллей Джорен — простодушный и недалёкий, но очень добрый парень. Ну, по меркам сидхе. И, конечно, он не смог пройти мимо детей-сирот, таких же, как он сам. — Как звали Иорэта? Как он выглядел?

Джорен повёл плечами, будто сбрасывая накидку с плеч. Его статная фигура стала более приземистой и щуплой, бронзовые оленьи рога сменились тёмными винтовыми, кожа поглубела, а в бездонной черноте глаз вспыхнули яркие ультрамариновые искры.

— Так он от Старшей крови?

— Мериг Иорхан Рэт, — голос его остался прежним, юношеским и нежно-медовым, что не очень вязалось с лицом Иорэта — хищным, хитрым и жестоким. Однако Джорен тут же вернул себе истинное обличье и в омерзении передёрнулся. — Даже с виду не тот сидхе, которому можно доверить детей, не так ли?

— Я бы ему и дохлого пикси не доверила... Ладно, где он прячет детей?

— Которых из? Наших — здесь, в Тир-на-Ног, а человеческих — близ Алькасара. У Иорэта там есть дом специально для этого.

Вот в этом ничуть не сомневалась. Человеческих детей положено немного подрастить — прямо как породистых котят. А в Сиде они будут взростеть ну очень медленно.

— погоди, но раз Иорэт... — ужасающая мысль вдруг нагнала меня и со всей дури долбанула в спину. — Просто скажи, что они не брошены там одни и за ними кто-то присматривает!

— Две вампириши, имён я не помню.

— Сколько детей здесь, в Тир-на-Ног?

— Сейчас — ни одного.

— Уже проще, — устало выдохнула я. — Если появятся — переправь их в Железный чертог. Серьёзно, Джорен, чтоб больше никакой фигни с похищениями! Ты мой друг, но не надо думать, будто я пощажу тебя дважды!

— Я и не думаю, — заверил Джорен, понутив голову. Глаза у него снова на мокром месте, и остаётся лишь удивляться, откуда в этом парне столько воды. — Майред, мне так жаль! Я. Ты простишь меня?

— Да прощу, прощу, ты только не хнычь как дитя малое, — откликнулась я сварливо, достав из рюкзака блокнот на спиральке и невесть у кого сворованную ручку. — Адрес диктуй.

Выпытав у Джорена всё, что могла, я отправила его немного освежиться. («Чувак, ты выглядишь как дерьмо. Очень красивое, но всё же дерьмо!») Самой бы тоже не помешало смыть с себя кровь, пыль и прочие незримые следы кошмарно длинного вечера. И заодно разыскать целую одежду. Ладно, это терпит.

Вырвала из блокнота листок, нацарапала пару-тройку слов и сложила его пополам несколько раз. Зажала получившийся квадратик в кулаке, свободной рукой нащарила в кармане куртки пачку сигарет. Потешное, должно быть зрелище: резной каменный балкон, горгульи на водостоках скалятся, вот эта вся хренотень. И тут я такая вышла подымить презренной человеческой отравой. Вся встрёпанная и слегка избитая, в располосованных джинсах, старом свитере и заляпанной кровью кожанке. Хотя для Тир-на-Ног это не такой уж необычный вид — здесь слишком много полукровок и просто уйма всякого барахла с той стороны. Да и всегда можно поверх любой тряпки накинуть пару слоёв гламора.

За свою, правда, всё равно не примут. Тут не одежда выдает. А то, что внутри.

Выкурила две сигареты подряд, больно прикусила губу, но нервную дрожь унять так и не удалось. Кто бы что ни говорил, а непросто привыкнуть к мысли, что тебя в любую секунду могут убить. И ведь не факт, что за дело.

Грёбаный Сид. Грёбанные феи. Ненавижу.

Ладно, Киро, хватит уже. Если у бедняги Джорена до сих пор не получилось утопить Серый Дом в слезах, то у тебя тоже вряд ли выйдет.

Протяжно выдохнув, снова глянула на зажатую в кулаке бумажку.

«Представь, что твоя магия — это камень, — как наяву зазвучал в ушах голос Айфе — мастера-кузнеца, что когда-то давно нанесла джетэн на мою кожу и дала мне немало дельных советов. — Сожми его покрепче. Замахнись как следует. Жди попадания в цель».

Летучая мышь выпорхнула из темноты, безропотно опустилась на мою ладонь. Я довольно ухмыльнулась. Маленькая, но очень шустрая зверушка — как раз то, что мне сейчас надо...

Пару минут спустя мышь растворилась во тьме безлунной ночи, а я выщелкнула из пачки третью сигарету. Курево, в спешке купленное на ближайшей к portalу в Сид заправке, оказалось на редкость паршивым, но. сейчас мне что угодно сгодится. Лишь бы успокоить раздолбанные нервы и поменьше думать о тех, кто ждёт меня по ту сторону Изнанки.

Завязывай, Киро-чин. Ты не сдохнешь здесь — не сегодня, не в этот раз. Просто не имеешь права.

Адора — безусловно красивая женщина. Разумеется, если вам по вкусу блондинки с кукольными личиками и флером тёмной магии, от которого всякий приличный человек непременно захочет сбежать куда подальше. Но я к людям отношусь весьма опосредованно, а потому на суровый взгляд белокурой красотки лишь вопросительно приподнял бровь. Моя мать — Лореин Вернер, а среди родни найдётся с полдюжины тётушек-вампириш, по сравнению с которыми даже сидхе милы и прекрасны.

— Где Киро? — только и спросила она, когда я появился на пороге Железного Чертога.

Хороший вопрос. И я бы сам не отказался узнать ответ. Желательно поточнее, чтобы знать, какие части тела Киро Хаттари вернутся ко мне.

— Работает, — отозвался я. — В Сиде.

— Ясно, — Адора скривилась — очевидно, ей родина тоже не слишком по нраву. — Рэн скучает. И капризничает. Я пытаюсь его развлечь, но сами понимаете — он тут не один такой исключительный. Хотя у нашего крыжовничка явно другое мнение, — и добавила, как мне показалось, с заметной неохотой: — Хорошо, что вы пришли.

— Надеюсь, что так.

Она позвала меня за собой, повела по длинным серым коридорам Железного Чертога, к уже знакомой мне крохотной комнатке, откуда доносился детский голосок, громкий и явно обиженный. Рэну определённо не нравится, что Киро так надолго его оставила. Что ж, в этом мы с ним солидарны.

— Не ма! — возмущённо выдал он, стоило мне войти.

Возмущение, правда, адресовалось почему-то Подрику, в которого тут же полетела игрушка.

— Не ма, — согласился я, проходя внутрь комнатенки.

Рэн вскочил на ноги и чуть неуклюже потопал ко мне, поднял вверх маленькие кулачки, явно просясь на руки. И, добившись желаемого, тут же полез во внутренний карман моего пальто.

— Э нет, Рэйнард, — пожурил я, забирая обратно свой комм и подсовывая вместо него заготовленное для такого случая шоколадное печенье, — в третий раз со мной этот фокус не пройдет.

— У него явно иное мнение, — проворчал Подрик, поднявшись с пола. Спрашивать, где Киро, не стал — очевидно, и так всё понял, едва глянув на меня и маячившую за моей спиной Адору. — Это все полувампиры так себя ведут?

Я только чудом не вздрогнул — ну просто прекрасно, о происхождении Рэна догадываются даже подростки. Плохой знак, очень плохой. Я ведь ещё не разобрался с документами об усыновлении. Только выбил разрешение на то, чтобы забирать Рэна на выходные. Для себя как для родича — доказать, что я родственник малыша-полусидхе, оказалось не так уж и сложно. Вампирское обаяние — та еще штука, и действует даже когда ты не особо желаешь им пользоваться. Надеюсь только, что Киро обрадуется этой новости, а не разозлится на моё самоуправство.

Впрочем, у меня — да и у ребёнка, сидящего сейчас на моих руках, — причин злиться на неё поболее будет.

— Ой, да бросьте! Только слепой не поймёт, чьих кровей наш крыжовничек, — фыркнул Подрик, когда пауза, на его взгляд, малость затянулась. — Так все?

— Все, — отозвался я, тихо выдохнув.

Спокойно, Люк. Уж в Железном Чертоге вряд ли найдется много желающих бежать и рассказывать Асторнам, что за чудо-ребёнок тут появился.

— Вампиры — жуткие собственники, считающие, что мир непременно должен вертеться вокруг них. А если мир вдруг решает иначе, то нужно сделать всё, чтобы это изменить. С возрастом и при должном воспитании оно проходит...

— Но?

— Но что-то мне подсказывает: от моей клыкастой родни наш крыжовничек унаследовал чуть больше, чем следовало. И я даже знаю, от кого именно.

Догадаться было несложно — уж мне-то как никому знаком этот расчётливый взгляд, ищущий самого чувствительного в комнате. Кому стоит подсесть на уши, надавить на жалость... и у кого выпросить пару миллионов талеров на собственный театр в центре Аркади. Не

побывав при этом ни в чьей постели, не заимев долгов и впоследствии даже исправно сдирая немалые деньги за билеты на концерт.

Вот Рэн, хоть и совсем кроха, как раз такой. Обаятельный манипулятор, без зазрения совести очаровывающий всех и каждого. Правда, пока ему нужен не театр, а Киро, а если её нет — тогда ещё кто-то, кто охотно будет уделять ему внимание. Половина Железного Чертога, например.

— Нам всем будет весело, когда он вырастет, да? — поинтересовалась Адора. Весьма спокойно, будто и так уже знает ответ.

— Нам всем будет весело всё его детство. Лет до двадцати. Особенно если Киро не перестанет его баловать, — пообещал я, обратился к малышу на своих руках, недовольно захныкавшему, что ему перестали уделять внимание: — Правда, Рэйнард?

Рэн в ответ согласно ухнул, легонько стукнул меня в плечо, просясь вниз — сидя на руках жевать добытое печенье, очевидно, было трудновато.

— Не слишком ли длинное детство? Наш Рэн уже сейчас выглядит старше своего возраста,

— недоверчиво хмыкнул Подрик. Он-то себя в свои шестнадцать наверняка считает уже взрослым и самостоятельным.

— У вампиров не всё просто с взрослением. Мне как полукровке было полегче, я почти не отличался от обычных людей. И сказал бы, что Рэн тоже будет, но если вспомнить, какова его вторая половина, то.

— Лучше бы ему обзавестись родителями построжее, да?

Подумав, я кивнул. Строже или нет, но Железный Чертог — не лучшее место для ребенка с его происхождением. И с его способностями. Рэн ещё совсем маленький, однако я уже сейчас чувствую, сколько в нём магии. Тёмной, разумеется. Пока не знаю, какой у него дар, но догадываюсь, что речь вовсе не о невинном умении вроде зельеварения или способности ко всем языкам мира.

— Ну уж точно не расти в приюте с детьми, которых он будет считать конкурентами. Вампир в нём, кстати, это понимает. Потому и выбрал Киро своей мамой.

— Жаль, что у бюрократов иное мнение, — недовольно заключила Адора, сложив руки на груди. — Вы можете сделать с этим что-нибудь?

— Могу. И делаю.

Я полез во внутренний карман, достал оттуда свёрнутые в трубочку документы.

— Это ещё не усыновление, однако мне разрешили забирать Рэна к себе. Адресом пребывания я записал дом Киро. Надеюсь, у Чертога не будет с этим проблем?

— У меня — уж точно нет, — заверила Адора, изучив документы и вернув мне часть из них. — Не то чтобы я вам доверяла, но... пусть лучше Рэн будет у вас. Разумеется, если это не только потому, что вы хотите поразвлечься с его мамочкой.

Подрик многозначительно скривился — уж ему-то эта мысль явно не доставила никакого удовольствия. С первой нашей встречи он подуспокоился и не злился на меня как прежде, но наверняка всё ещё ревновал.

— Не поэтому. Просто они мои. Оба.

Вот так, Люк. Ещё и сообразить-то толком что к чему не успел, а уже сказал. И не соврал ведь.

Кажется, мой ответ Адору удовлетворил — она серьёзно кивнула, выпрямилась.

— Если хотите забрать Рэна сейчас, Рик вам поможет.

— Хочу.

— Только не забудьте игрушки. Их зачаровывала Киро, и без них вас ждёт веселая ночь. Или утро.

Дети — сложные. И хрупкие, даже если они полувампиры-полусидхе. Я всегда любил детей, но так уж сложилось, что за шестьдесят лет своей жизни не успел познакомиться с ними поближе. Оставшись с Рэном наедине, не запаниковал, но с трудом подавил желание позвонить собственным родителям и умолять о помощи. Зачем я вообще влез во всё это, почему решил, что справлюсь?..

А, ну да. Ради Киро. Чья улыбка, когда она увидит Рэна вне стен Железного Чертога, будет стоить намного дороже любых моих переживаний и неудобств.

— Нравится тебе здесь, да? — поинтересовался я, едва мы вошли в лофт.

То, что нужно привезти мальчика именно сюда, я знал точно. Просто знал, чувствовал, что именно так будет правильно.

Потому что всё здесь напоминает о Киро. В воздухе витает знакомый аромат миндаля и ванили — источником запаха оказался буйно цветущий олеандр в высоком горшке, что стоял в окружении множества причудливых кактусов на декоративном столике в углу гостиной-студии. Магия Киро, тёмная и невыносимо притягательная, словно бы насквозь пронизала стены её жилища. В какой-то миг показалось, будто и сама Киро вовсе не в Сиде; что она вот-вот выйдет нам навстречу, сияя этой своей несносной клыкастой улыбочкой, от которой голова кругом. И обязательно примется болтать обо всём на свете, играть и шутливо спорить с Рэном, рисовать затейливые картинки и выводить ноты на любом попавшемся под руку клочке бумаги. И ещё множество всяких мелочей, которые делают Киро такой, какова она есть.

Рэн, воспользовавшись моим замешательством, мигом слинял и затерялся где-то за резной деревянной ширмой. Вот ведь мелкий пакостник! Я поспешил нагнать его и тут же изумлённо вскинул брови: в закутке за ванной комнатой притаилась симпатичная жёлтозелёная спальенка — похоже, новая комната Рэна. Которую тот безошибочно отыскал невесть каким чутьём.

С потешной для такого крохи деловитостью Рэн огляделся вокруг, проворковал нечто неперебиваемое на нормальный человеческий — будем надеяться, это восторг, — и решительно потопал к большому окну, задернутому плотной зелёной шторкой. Ну да, мы, тёмные, не сильно любим свет, независимо от возраста... С подозрением заглянул за каждую штору в поиске не то монстров, не то блудной мамы; затем подошёл к невысокой кровати, застеленной лимонно-жёлтым покрывалом, и проверил под ней. Наконец, удовлетворившись осмотром, Рэн ловко вскарабкался наверх, подтянул к себе здоровенный плюшевый кактус (серьёзно, Киро?..) и принялся счастливо с ним тискаться, на время позабыв о своём дурном настроении.

Нравится. Ну конечно, ему тут нравится. Как и мне. Я бы навсегда остался здесь, в этом странном доме, не похожем ни на какой другой.

Странном, но уютном. И очень похожем на настоящую крепость, к какой стремится всякий вампир.

— Чем займемся, Рэйнард? — как мог беззаботно осведомился я, когда малыш перешуupal все игрушки на кровати и наконец вспомнил обо мне.

— А-ать! — последовал ответ.

Судя по полетевшему в меня медвежонку, означает это вовсе не сомнительное «ужинать» и уж тем более не презренное «спать». Поддаваться умильному взгляду и любопытной детской мордашке не входило в мои планы, но. я сдался.

Будем считать это инвестицией в наши будущие отношения. Ну или взяткой.

или всё же тем, что я позорно слаб к обаянию этого крошечного вампира-сидхе. А уж про обаяние его непутёвой мамочки и говорить нечего. Ну а против них обоих у меня вовсе нет шансов.

Остаётся только смириться с тем, что я пропал. Окончательно и бесповоротно.

Мериг Майред Мор. Чёрная жемчужина.

Мор Ферра.

Киро Хаттари.

Многовато имен для одного человека — даже если человек она всего лишь наполовину. На вторую же. Тьма её разберёт, кто она на самом деле. Тёмная сидхе, в чьей крови заложена ненависть ко всему, что по эту сторону Изнанки? Мстительница, разве что без плаща и маски, ненавидящая и ту сторону тоже?

Девушка, увидеть которую я хочу больше всего на свете. Живой, опционально — здоровой, но даже это не обязательно. Вытащу, выхожу, разделю с ней кровь Асторнов, если будет нужно. Быть полумёртвой нечистью куда лучше, чем просто мёртвой.

Кто она для меня — вот что я знаю точно. Часть моего гнезда, моего дома, пусть такового у меня пока толком и нет. Не считать же крепостью съёмную квартиру, в которой от самого меня только одежда да зубная щетка? Да и те хочется забрать отсюда, чтобы.

— Я здесь, — слышался вдруг знакомый голос, усталый и немного сварливый. — Надеюсь, ты и впрямь меня ждал.

Киро стояла напротив, угрюмая и какая-то измученная, ковыряла носком ботинка обледенелую землю. Вокруг неё клубилось странное синевато-лиловое марево, а где-то позади — смутно, расплывчато, как сквозь запотевшее стекло — виднелся сумрачный лес.

— Ты в порядке? — только и смог сказать я. Мигом позабылись все упрёки и резкие слова, стоило только почуять запах крови и заметить глубокий порез, алеющий на бледной щеке,

— не то от ножа, не то от чьих-то когтей.

— Нет, — выдохнула Киро, наконец-то подняв глаза на меня. От её взгляда — виноватого, больного, до жути тоскливого — внутри что-то оборвалось и тут же болезненно сжалось.

— Нет, я не в порядке. Я в самом поганом месте на земле, и мне здесь рады просто жуть как. А ещё ужасно паршиво от мысли, что я не попрощалась с тобой как следует, и... — она оборвалась на полуслове,

застонала и прикрыла глаза ладонью. — И ты ноешь как дитя малое, Киро. Не круто.

— Ты не станешь со мной прощаться, — велел я, шагнув к ней. Это иллюзия, сон, вызванный нашей связью, но я всё равно почувствовал тепло её тела, запах миндаля и ванили. — Где ты сейчас? Я могу тебя найти?

Она покачала головой, потянувшись в ответ. Руки коснулась её ладонь, изящная, но крепкая. Такие руки у всех копов — слишком часто приходится держать в них пистолет. Или нож мачете.

— Не можешь, — повторила она вслух, переплетая пальцы с моими. — И не станешь. Нечего тебе тут делать, Люк.

— Тебе тоже, — отозвался я сердито. — Но ты всё равно там. Одна. Оставила меня здесь. Оставила Рэна. А теперь — да, ноешь и, кажется, даже не планируешь возвращаться к нам.

— Неправда! — тут же вскинулась Киро. Её глаза, ничуть не человеческие сейчас, вспыхнули ярче — обидой, гневом. — Я хочу к вам! Тьма побери, я в жизни ничего сильнее не хотела! Только я не уверена, что.

Догадываюсь, в чём именно она не уверена. Точнее, в ком.

— Не уверена, что я встречу тебя с распростертыми объятиями? — едко уточнил я, дёрнув Киро на себя. С нажимом провёл по царапине на щеке, ухватил пальцами за подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть мне в глаза. — Не встречу. Я выгоню тебя из отдела на хрен, Киро Хаттари. После чего запру тебя в твоём же лофте и никогда больше не выпущу. Потому что по-хорошему ты не понимаешь.

— Виновата, сэр, — проворчала Киро, скрестив руки на груди. — О Тьма, Люк, разве ты не должен быть милым хотя бы во сне? Ума не приложу, почему я вообще в тебя влюбилась.

Всего лишь сон. Однако едва бьющееся сердце всё равно ускорило свой стук, дыхание пусть на миг, но сбилось. Влюблена. Киро в меня влюблена. О, Тьма побери, не то чтобы я не понимал этого, и уж точно не собирался заставлять её говорить что-то подобное, но.

— Я собираюсь услышать это вживую. Я хочу это услышать, Киро.

— Мне считать это приказом? — ехидно усмехнулась она, коснулась моей щеки прохладной ладонью; провела ею чуть выше, к затылку, давая пальцам запутаться в моих волосах.

Приятно, мать её так. И очень знакомо — помнится, поплывшая от укуса Киро примерно так же себя и вела пару недель назад. Только ещё и целовалась при этом. Умопомрачительно горячо, чуть кусаче, отдаваясь так, как никто и никогда мне не отдавался прежде. И нет, вампирское очарование тут было совсем ни при чём.

— Считай, — не стал противиться я. — Если это тебе поможет. Могу приказать вернуться живой, но думаю, это ты и сама собираешься сделать. Собираешься же?

Киро потянулась ко мне, прижалась губами к моим губам — коротко, нерешительно и даже поспешно, будто не доверяя своей выдержке. Или моей. Или, что вероятнее, то и другое сразу.

— Да, сэр, — насмешливо выдохнула она, чуть отстранившись. — Можно подумать, у меня есть выбор.

— Совершенно никакого.

Никакого, причём у нас обоих — это я понял, вдруг ощутив, как меня буквально вытаскивает из сна. Будто что-то — или кто-то — заставило нас обоих проснуться, окатив ведром ледяной воды...

Не было никакой воды. И этого сна как будто тоже не было — с той ночи, или, точнее утра, прошло уже три дня. Киро больше мне не снилась, и это пугает. Злит. Приводит в ярость. Пару раз даже мелькнула мысль пойти на поклон к дедуле Грегору, чтобы помог вытащить Киро из Сида. Удержал меня от этого шага только звонок Алека — они нашли детей.

Точнее, нашла Киро, невесть каким чудом умудрившаяся отправить моему заму послание с адресом.

Дети были в порядке. Охранялись лишь двумя вампиршами из Мэлоунов, чему я совсем не удивился. и с мстительным удовольствием оповестил свою семейку. Не из желания заработать очков в их глазах, просто захотелось немного усложнить им жизнь. Да и сложно назвать попыткой наладить отношения моё весьма язвительное пожелание лучше выполнять свои лордские обязанности. Дядюшка Мариус наверняка был в бешенстве — какой-то ублюдок посмел указывать им, что делать!

Сам же ублюдок в моем лице был счастлив ткнуть Асторнов носом в их дерьмо. Жду звездного визита родственничков (или хотя бы звонка, которому я вряд ли буду рад), но пока доволен.

Пусть даже мне придётся крепко подумать над формулировками, объясняя, почему подозреваемые в похищении загадочно померли прямо в камере.

— Рассиживаешься? — голос Алека отвлек меня от сочинений объяснительного пасквиля.

— Это ты зря.

Я вздохнул, поднял голову и вопросительно уставился на клятого кота, взявшего дурную привычку портить мне выходные, рабочие дни и даже немножечко жизнь. И вот ведь даже не наорешь на него! Во-первых, это в принципе не входит в мои привычки, а во-вторых, орать на кота, даже если он немножко человек, — абсолютно бесполезное занятие.

— И почему же?

— У нас труп.

— Не самая оригинальная новость, учитывая наш род занятий, — отозвался я. — И почему вы ещё не на месте преступления, маршал Сазерленд?

— Ну как сказать, — Алек поморщился, раскрыл дверь шире. — Я не очень люблю цветы.

Не то чтобы до меня доходило долго — учитывая последние события, шуточки о всяких клумбах, икебанах и прочих выкидышах флористского искусства не оставляют простора воображению. Но на пару секунд я всё же завис, осознавая сказанное. Рот не открыл и клыками не клацнул, и даже с места не вскочил. Однако с лицом не справился.

— Да ты, должно быть, шутишь.

— Нет, сэр. У нас расцвело дерево. И... — он замялся, затем пояснил эдак неохотно, — это не Киро.

В его голосе я уловил облегчение пополам с нервной дрожью. И сам испытал примерно то же самое.

— Где?

— Бывшая промзона Элден. Старый лакокрасочный завод, сейчас там выставочный зал или что-то вроде. Я плохо разбираюсь в модных веяниях.

Пальто я, кажется, схватил даже до того, как поднялся.

— Поехали.

Элден-Холлоу всего несколько десятков лет назад был куда более населенным районом. Первые заводы, первая железная дорога и первые же кары, созданные людьми, а не гномами, возникли именно здесь. В зданиях из красного кирпича и серого бетона когда-то грохотали станки, с первых конвейеров сходило все то, благодаря чему человечество стало жить дольше и с куда большим комфортом. Сейчас от тех времен остались лишь стены да гигантские трубы. И тем осталось недолго — гномы в изобретении новых благ цивилизации всегда были куда лучше. Да и алькасарцы давно не в восторге от близкого соседства с огромными заводами — погода на Западе и без вечного смога то ещё испытание.

Старый Элден-Холлоу понемногу умирал, уступая место новому. Тут и там высились краны, возводящие новый жилой комплекс. Старые же корпуса превращались в торговые комплексы, модные арт-пространства, где бары перемежались с галереями современного искусства, студиями и прочими местами, популярными у творческой молодежи.

Атмосферно, не отнять. И жутковато, если гулять здесь ночью, в трёх кварталах от ближайшей приличной улицы.

Цветущее дерево на заднем дворе бывшего производственного корпуса — поистине странное зрелище. Особенно в начале зимы. Особенно если это дерево растёт из человека... или наоборот? Так сразу и не разберёшь, где кончается гладкая светлая кора и начинается безжизненно-блеклая, когда-то смуглая кожа; где руки, воздетые к раскидистой кроне, переходят в ветви, усыпанные пурпурно-красными цветами. Те же цветы были заботливо вплетены в длинные чёрные кудри мертвеца.

— Олеандр, — зачем-то озвучил я.

— Олеандр, — согласился Алек, брезгливо прижав к носу платок. — Я ещё из машины почуял. Этот парень не мог выбрать что-то менее вонючее?

— Очевидно нет. Кто нашёл тело? — я натянул перчатки, поднял ленту, ограждающую место преступления.

— Владелец здания, — отозвался полицейский, взявшийся нас сопровождать. С недавних пор полиция Алькасара приучилась хотя бы делать вид, что наше присутствие их не бесит.

— Мы уже допросили его, показания взял детектив Барр.

— Ну куда же без старины Кеннета, — демонстративно закатил глаза Алек, тоже натягивая перчатки и следуя за мной. — О, а вот и он. Не скажу, что скучал.

— Спасибо, офицер, дальше мы сами, — я кивнул полицейскому, махнул рукой на ограждение, за которым уже толпились журналисты. Вот уж кому точно не стоит топтаться вокруг нашей новенькой икебаны. Или это уже бонсай?..

А, да сидхе их разберёт. В прямом и переносном смысле.

— Детектив Барр, — я коротко кивнул копу, при виде меня показательно скроившему кислую рожу, — А вы, должно быть, мистер Салливан? Вы владелец?

Невысокий лысоватый мужчина рядом с Барром кивнул.

— Как часто вы здесь бываете?

— Не слишком часто. Раз в неделю-две, когда кто-то хочет устроить тут вечеринку или мероприятие. К нам приходит заказчик, мы с Морган, моей помощницей проверяем, всё ли тут в порядке, заключаем договор, сдаём помещение. После тоже проверяем, чтобы выставить счет, если арендатор что-то сломал.

— И у вас тут нет охраны? — подозрительно прищурился Алек, а я вновь погнал от себя видение барса, сердито машущего толстым, пышным хвостом. Клятые коты.

— А зачем? Тут нечего делать — ни особых удобств, ни еды, даже бродяги не заходят. Иногда я сам не понимаю, зачем купил эту развалюху.

— И что, в течение недели сюда никто не заходит?

— Наш уборщик, Джордан, приходит раз в три дня. По крайней мере, должен, но, честно сказать, я не особо слежу.

— Вы знаете, как связаться с ним? — поинтересовался я. — Возможно, он видел что-нибудь.

— Да, конечно, у меня есть адрес и номер komór. Я напишу.

— Когда вы пришли, вы заметили что-нибудь необычное?

— Кроме вот этого? — Салливан брезгливо махнул в сторону тела. Или дерева, тут сложно понять. — Нет. Нам позвонили, заказали помещение на выходные, мы приехали всё проверить, как обычно делаем, а тут... это. Мы сразу же позвонили в полицию, ничего не трогали. Не то чтобы очень хотелось.

Могу себе представить. Мне вот тоже не слишком хочется; и без того понятно, что новое произведение растительного искусства — дело рук старого знакомого. А серийные маньяки, к коим смело можно отнести нашего флориста, — это очень плохо. Во всех отношениях. Ещё пара трупов, и сюда прискачут столичные умники, которых попробуй отвадить от расследования, чтобы не путались под ногами.

— Спасибо, мистер Салливан, — я поблагодарил владельца, протянул ему визитку нашего отдела. — Если что-то вспомните, позвоните нам, это дело в нашей юрисдикции.

— Конечно.

— Что думаешь? — спросил Алек, когда мы вернулись обратно к нашему дереву. — Его могли принести сюда неделю назад. Как раз когда Киро получила букет.

— Сомневаюсь, — я покачал головой. Киро была уверена, что без неё таинственный убийца не начнёт. — Выращивать такую икебану, угрожая быть обнаруженным, весьма проблематично. Труп здесь пару дней или даже меньше. Вопрос, почему именно сейчас убийца дал нам его найти.

— Дал? — Алек подозрительно покосился на меня.

— Именно, маршал Сазерленд. Это его замысел — желание покрасоваться, продемонстрировать, что он может.

— Но мы решили, что он красовался перед Киро. Сейчас Киро с нами нет.

— Зато достаточно других свидетелей, — отозвался я, впрочем, мысленно соглашаясь с Алеком. В том, что Киро права и имеет прямое отношение к этому делу, я не сомневаюсь. Но связи уловить не могу. По крайней мере, пока.

— Что будем делать?

— То, что делают хорошие копы. Дождёмся результатов анализов, опросим свидетелей. И, возможно, привлечём гильдию магов.

— Маги. — скривился Алек. Оно и понятно: у всякого приличного гражданина Антеарры имеется аллергия на магов — а точнее, на их законы касательно своей исключительности.

— Опять заломят конские счета.

— Не наши проблемы. Отправим в столицу, пусть платят. Они же хотят поймать маньяка? Вот и пусть ловят, а мы им, так и быть, поможем.

— Поможете вы, как же, — пробормотал Барр себе под нос — разумеется, с тем расчётом, чтобы мы непременно услышали. — Да из всей вашей шоблы полезной бывает только ваша распрекрасная феечка. Где она, кстати?

— Так соскучился по маршалу Хаттари, Кеннет? — желчно изумился Алек, смерив его полным отвращения взглядом. — Ты не её тип. И увы для тебя, но тут и без Киро нетрудно понять очевидное: у нас серия, убийца — сидхе.

Детектив в задумчивости поскрёб небритую физиономию и выдал поистине гениальное умозаключение:

— А может, она сама этого чувака и пришила?

Алек глубину мысли предсказуемо не оценил.

— Это очередная твоя дебильная шуточка или ты впрямь пытаешься обвинить федерального маршала в убийстве?

— Почему бы и нет, киса? — хмыкнул Барр и одарил меня выразительным взглядом. — Особо можно и не бояться, если твой новый шеф может отмазать кого угодно... Скажем, меховых ублюдков, что порешили честного человека!

— Вы правы, детектив Барр, — снисходительно отозвался я. — В следующий раз, когда честный человек станет причиной межрасовой войны на Западе, я не буду вмешиваться. Особенно если кто-то решит пообедать копом, который не смог засадить насильника.

Кеннет прекрасно понял, о чём я. Не мог не понять. Потому скривился и быстро отошёл от нас к Салливану. Надо будет проверить показания, чтобы доблестный детектив не забыл указать какую-нибудь важную деталь.

Тело было странным. Стоило подойти ближе, я ощутил флёр магии; не такой, как в случае с первой жертвы, а словно. Словно за всей этой декорацией есть что-то ещё. Тёмное, скрытое от нас. Алек тоже это почувствовал и весь подобрался; краем глаза я уловил, как он невольно тянется к кобуре на поясе.

Так красиво, так жутко, так бесчеловечно, так. нечеловечески.

Кто знает, до чего бы я додумался, будь у меня больше времени. Но его у меня отняли, сбив с мысли окончательно и бесповоротно.

Яркую вспышку я принял за начало зимней грозы, обычной для Алькасара. Однако громкий треск заставил меня оторвать взгляд от вросшего в дерево мертвеца и подозрительно глянуть на густые заросли кизила, что высились невдалеке.

Кто-то продирался через кусты, негромко ругаясь. Что за?..

Потянулся было к пистолету на поясе, но рука тут же опустилась будто сама собой.

Я узнал голос.

— Дом. Милый, м-мать его, дом! Этот день вообще кончится или да?.. Уволюсь, уволуюсь к херам собачьим и пойду в преподы... нет, лучше уж мигрирую в Греймор, это ж верняк...

— Киро встряхнулась, точно мокрый воробышек, откинула со лба волосы, взлохмаченные пуще обычного; потянулась было утереть бегущую по подбородку кровь, да так и замерла в изумлении. — Ух ты. Здесь какая-то вечеринка, на которую я не приглашена? Давай, Кеннет, опусти ствол — я сегодня нервная.

— Не ты одна, феечка, — протянул детектив, за нахальством маскируя испуг, природу которого оказалось нетрудно вычислить. — Это что у тебя за хрень?

— Рука славы, — Киро помахала мумифицированной конечностью; скрюченные пальцы с противным хрустом сжались и разжались. Держала она эту прелесть через одноразовую перчатку, и дело вряд ли в брезгливости. — Привела меня прямиком к вам. Барр, опусти ствол. В третий раз повторять не буду.

Барр демонстративно щёлкнул предохранителем, и мне это не понравилось. Мягко говоря.

Вампир во мне проснулся чуть раньше, чем очень, очень недовольный начальник, чей подчиненный вернулся невесть откуда в очевидно непотребном состоянии. Это моё гнездо, и моя Киро, и никто не будет грозить ей оружием в моем присутствии. Без меня, впрочем, тоже.

— Детектив, вы хотите, чтобы мы все здесь расследовали двойное убийство? Уберите пистолет. Сейчас же.

— Вы мне угрожаете? — процедил Барр сквозь зубы, силясь справиться с моей магией, заставляющей его выполнить мою просьбу.

— Я вам приказываю, — поправил я. — Но могу и угрожать. У меня как раз испортилось настроение.

— Полно вам, сэр, — негромко пробормотала Киро, обойдя злющего Барра сбоку и направившись навстречу обеспокоенному Алеку. — Этот козлина не стоит угроз. Всё равно бы не выстрелил, кишка тонка со мной связаться.

— Ну, я тебя готов придушить, — отрезал я так же тихо, поравнявшись с ней. — Однако это не означает, что кому-то позволено целиться в тебя из пистолета.

— Хм, ладно, но. зачем было с ним так круто? Люди могут подумать, что у нас роман. Сэр.

— А разве не так? — насмешливо изумился Алек, когда мы подошли.

Ну разумеется, он слышал. Хаос бы побрал всех оборотней с их острым слухом и повальной бестактностью.

— Я начинаю сомневаться в целесообразности наших вероятных отношений, — парировал я. А в ответ на взгляд Киро — возмущённый, обиженный и Тьма ещё знает какой — пояснил: — Трудно иметь роман с девушкой, которая даже прощальные записки оставляет не тебе.

— Это была не прощальная... — начала Киро, но я остановил её жестом. Не собираюсь выяснять отношения на людях — кто знает, у кого тут ещё острый слух?

— И на щеке у тебя вовсе не след от ножа. Или то были когти?.. Впрочем, не важно, вы явились весьма вовремя, маршал Хаттари, — я кивнул сначала на дерево-труп, а затем на эту руку славы, что держала Киро. — Эти два подарочка связаны?

— Ну естественно, — пробурчала она, едва скользнув взглядом по «подарочку», и достала что-то из кармана. Как оказалось, букетную карточку. — Росло то чувство, крепло и ветвилось, точно вековое дерево, пока не заполонило всё и вся.

— Ну такой себе из него ухажёр, — вставил Алек своё веское слово. Смотрел, правда, при этом вовсе не на дерево. — Эй, сестрёнка, ты как? Ты же не собираешься рухнуть мне под ноги, правда?

— Десинхрон, — коротко выдала Киро. — А ещё путешествие через нестабильный портал и приземление жопой в кусты. Жить буду, не впервой. Пакетик есть у кого?

Упаковав в пакет для хранения улик измятую карточку и руку славы, зловеще скрипящую суставами, она вручила всё это богатство Алеку, задала ему несколько дежурных вопросов и окинула мертвеца критическим взглядом. Опустилась на одно колено, рукой в перчатке ощупала мерзлую землю и виднеющиеся кое-где корни.

— Оно здесь стоит пару дней, не меньше. Как раз столько понадобилось бы, чтобы вырастить из саженца дерево, придав ему нужную форму. И зацвело, похоже, совсем недавно.

— Место всё же не безлюдное, — резонно заметил я. — По-моему, можно было два дня возиться с трупом и совсем не привлечь внимания?

Киро на это лишь плечами пожала.

— Гламор. Среди сидхе есть свои мастера иллюзий: они зовут их зеркальщиками.

Она выпрямилась и с недобрым прищуром вгляделась в лицо трупа. Нахмурилась, склонила голову к плечу, подалась ближе, едва не соприкасаясь с покойником носами. Оттянула верхнюю губу, поочередно приподняла веки, зачем-то ощупала ухо.

— Мёртв-мёртв-мёртв, — пробормотала Киро, наморщив нос. Рэн делает в точности так же, когда чем-то недоволен. — Вы ведь уже вернули похищенных детей?.. Хорошо. А вот этот мудака стоял за их похищением.

— Так это?..

— Иорэт. Мериг Иорхан Рэт.

Оказалось, истинные имена сидхе властвуют над ними даже после смерти: кожа мёртвого парня пожелтела, глаза стали двумя черными омутами, а из макушки точно в один миг прорезались витые рога.

Какое-то время вокруг стояла ошеломлённая тишина.

— А, так это фейка, что ли? Только зря время тратили, — выдал Барр нарочито скучным тоном. — Твой дружок, Хаттари? Может, ты следующая?

Я уже был готов позабыть о манерах и с чистой совестью рассказал обмудку, где видал его вместе с его проклятым расизмом,

вечной предвзятостью и абсолютно неуместным вождением к чужому маршалу... Да только, как водится, есть дела поважнее.

— Что ж, думаю, вряд ли Иорэт насадил на дерево сам себя, — проговорил я, подойдя ближе. На вопросительный взгляд Киро пояснил: — Мериг Иорхан Рэт. Так зовут Лоренса Макадамса, согласно записям Тэйна. Описание тоже совпадает. И это значит.

— Это значит, Тэйна обвели вокруг пальца так же круто, как нас, — невесело усмехнулась Киро. — Мелочь, а приятно.

— Мне начинает надоедать этот парень, — заявил я, жестом подозвал уже поджидающих коронеров. — Мы закончили. Уберите тут всё.

Я наконец отвернулся от дерева, принялся стягивать перчатки. А вот Киро, кажется, всерьёз засобиралась в полицейский морг, хоть и проворчала что-то похожее на «мать моя Тьма, как же всё достало».

— Маршал Хаттари, вы не едете с ними. Я отвезу вас домой.

Киро смерила меня весьма свирепым взглядом, однако тут же вздохнула и понуро опустила голову.

— Да, сэр, так точно, сэр.

Путь прошёл в молчании. Киро отвернулась к стеклу, всем видом демонстрируя обиду; я же гнал кар так быстро, как мог, силясь справиться с рвущимся наружу недовольством. Не справился. Но, отдам себе должное, дотерпел до её дома, где резко затормозил на площадке возле гаражных ворот.

— Сэр, если вы хотите отругать меня за то, что я сделала, давайте в другой раз. Я сейчас не настроена на нотации.

Она наконец повернулась ко мне, а я невольно замер, разглядывая исцарапанную щёку, кровавые губы, отчетливые синяки под глазами.

Киро устала, и стоило бы просто позволить ей пойти уже отсыпаться. Но с состраданием у меня сейчас не очень.

— Я тоже.

Протянул руку к её лицу. Хотел посмотреть, насколько всё серьезно, но вместо этого с силой нажал на разбитую губу, отчего та закровоточила сильнее.

— Эй! — Киро оттолкнула мою ладонь, посмотрела не просто сердито, а даже зло.

— Больно? — мстительно поинтересовался я. — Хорошо. Потому что вот это — ничтожная часть того, что я испытал бы, не вернись ты

из своего грёбаного Сида.

Какое-то время Киро молчала, нервно закусив без того пострадавшую губу.

— Люк, мне жаль, что я тебя обидела. Правда. Очень жаль. Но я делала то, что должна, и не собираюсь извиняться за это, — наконец произнесла она холодно. — Мне остаётся лишь признать, что ты был прав.

Кто бы знал почему, но эти слова не обрадовали — скорее, насторожили.

— О чём именно речь?

— О «целесообразности наших вероятных отношений». Поверь моему опыту: не стоит встречаться с тем, кто так и норовит сделать тебе больно, — Киро сокрушённо выдохнула, откинула за спину непослушные волосы, в которых до сих пор виднелись крошечные золотисто-красные листья кизила, и распахнула дверцу кара. — Доброй ночи, Люк. Спасибо, что подвёз.

— Не торопись прощаться, Киро, — обрадовал я. — Я с тобой не закончил.

Под её явно шокированный взгляд я первым вышел из кара и направился ко входу в дом; уже привычно отпер чуть заедающий замок ключом, позаимствованным у Алека ещё неделю назад.

— Ты идёшь или так и будем выяснять наши сложные отношения у порога?

— А нам есть что выяснять? — фыркнула Киро, однако послушно вошла следом. — Я не спрашиваю, откуда у тебя ключи, но на кой они тебе вообще понадобились?

— Я забирал Рэна на выходные. Подумал, здесь ему будет лучше.

— Без меня?!

— Ребёнок не виноват, знаешь ли, что у тебя нашлись дела поважнее.

— Что ты?.. Чувак, да у тебя не сердце, а чечевичное зёрнышко! — Киро смерила меня гневным взглядом, однако дальше возмущаться не стала. Понимает, что уж тут-то я точно прав. — Ладно, я в душ. Не вернусь через десять минут — значит, утонула на фиг, туда и дорожка.

Не утонула. Хотя провела в ванной дольше оговоренных десяти минут. Я уже успел отыскать аптечку, упрятанную в один из кухонных шкафов, рядом с многочисленными пакетиками специй. И даже разложил всё, что могло понадобиться, на кухонном столе, прямо под рядом галогеновых ламп. Включать нормальный свет не хотелось, как и тащиться к дивану на другом конце просторной студии.

— И что дальше? — бросила Киро, сложив руки на груди и замерев у одной из опорных балок.

— Дальше ты идёшь сюда и терпишь всё, что я с тобой делаю, — я кивнул на пластыри и ватный тампон, смоченный в перекиси. — Не хочу, чтобы мой маршал подцепил какую-нибудь сидскую заразу.

Киро подошла. Молча встала напротив меня, даже подставила расцарапанную щеку. Зашипела чуть слышно, стоило только

коснуться, и глянула на меня недовольно.

— Терпи.

— Настолько хотите сделать мне больно? — деловито произнесла Киро, когда я потянулся к пострадавшей губе. — Сэр.

Это её проклятое «сэр» вбило последний гвоздь в крышку гроба.

Нет, в исполнении Киро оно всегда звучало как-то уж слишком горячо и порочно. Но сейчас перед глазами словно пелена какая-то встала. Тёмная, удушающая, напрочь лишившая выдержки, силы воли и здравого смысла.

— Хочу.

Я склонился к ней быстрее, чем сообразил, что делаю. Уложил ладонь на затылок, притянул к себе. И да, сделал больно, прикусив губу, чтобы снова ощутить на языке вкус её крови. Ничего общего с моей вампирской жаждой это не имеет... разве что совсем чуть-чуть. Просто мне нужно — это я знаю точно. Как и то, что кожа на спине Киро всё ещё влажная и прохладная после душа. Как то, что сжать её волосы в своих пальцах стоило уже очень давно. Просто чтобы услышать, как недовольно ворчит она сквозь поцелуй, пытаюсь то ли отстраниться, то ли прижаться ещё крепче.

— Слушай, я. это. типа взаправду же? — всё же чуть отодвинувшись, произнесла она почти жалобно и до смешного недоверчиво. — Не какой-то там порнографический сон с моим охренительно горячим шефом?

Я невольно усмехнулся. Злость и желание по-прежнему туманили рассудок, однако теперь к ним примешалась толика любопытства.

— Если это сон, то что произойдёт дальше?

Киро выразительно глянула на меня из-под ресниц, облизала искусанные губы не то в волнении, не то в предвкушении.

— Дальше, сэр, ваш маршал может встать на колени и хорошенько попросить прощения. За всё, — выдохнула она, уже расстёгивая мой ремень. — Да так, что вы мигом позабудете все свои нудные нотации.

— Уже позабыл, — заверил я. Позволил ей звякнуть пряжкой ремня, вжикнуть молнией на брюках.

Но опуститься на колени не дал, вместо этого прижав её к себе крепче. Ткнулся губами в шею, целуя, как того уже давно хотелось, без всяких укусов и прочей вампирской дури.

— Нет-нет-нет, — выдохнула Киро мне в плечо. В её голосе я уловил возбуждение от того, что я делаю, и обиду на меня же. — Не смей мне отказывать, не снова!

— И не собираюсь.

Что я точно собирался сделать, так это уволочь Киро за собой к дивану — дойти до спальни сейчас кажется непосильным подвигом. Надо же, а в этих лофтах, где нет нужды тратить время на открывание дверей, есть смысл... Не придётся долго искать свою рубашку утром. И футболку Киро, которую я с неё стащил и бросил где-то у журнального столика.

Впрочем, не то чтобы меня так уж сильно интересуют двери и тряпки. Самое важное — это Киро. Всегда была, все эти месяцы, что мы знакомы. Её лучистый взгляд, едва ощутимое тепло кожи, сводящая с ума улыбка. Вся она.

Я неохотно отстранился, едва открыл рот, желая сказать. да хрен его знает, что именно. Да так и закрыл, ощутив, как настойчивая рука проникла в брюки, скользнула по кромке белья, опустилась ниже. Только выдохнул, пожалуй, чуть более шумно, чем стоило бы.

— У нас была сделка, Люциан, — как-то чересчур серьёзно проговорила Киро, уставившись на меня этими своими невозможными глазами, в которых мелькнула и пропала пурпурная искра. — Стоит её завершить.

— Пожалуй, — согласился я, позволив настойчивой и чересчур ловкой ладони двинуться дальше. В отместку легонько прикусил её сосок, потянул вниз кружевные трусики. — Ты обещала всё запомнить, Киро.

— Я запомню, сэр, — на выдохе отозвалась она. — Каждую секунду.

А я, прежде чем войти в неё, даже прежде чем раздеть окончательно, наклонился к её уху и прошептал то, что давно хотелось. Она вздрогнула подо мной, уставилась неверяще, впилась в плечи короткими ногтями. Но если что и хотела уточнить, то не успела. Мне-то не нужно никаких слов и подтверждений — достаточно взгляда. Дрожащих ресниц, нещадно искусанных губ. Разгорячённого тела и тонких, но сильных рук, ласкающих меня. Выгнутой спины, жарких поцелуев, больше похожих на попытку хоть как-то сдержать себя.

Достаточно Киро, которая совершенно точно принадлежит мне.
С самого первого дня.

Звонкий щелчок выдернул меня из вязкой трясины кошмара, полного мёртвых цветов вперемешку с мёртвыми людьми. Звук донельзя знакомый и очень угрожающий.

Кто-то снял оружие с предохранителя.

Почти минута понадобилась, чтобы осознать, кто именно.

— С до-обрым, блин, утречком, Киро-чин, — проворчала я, рухнув обратно на подушки, и бросила пистолет на прикроватную тумбочку.

Привычку стрелять при малейшей угрозе в меня вбили намертво. Другое дело, что из раздуваемой сквозняком занавески угроза. ну, такая себе, да. Но после Сиды всегда трудно прийти в себя и перестать вздрагивать от малейшего шороха. Ещё и сны эти мерзкие. Эй, эротика, вернись, я всё прощу!

Хотя что уж там, мои нелепые фантазии вполнину не так хороши, как реальность.

Мне же всё это не приснилось, правда?

Снова села, кутаясь в одеяло, огляделась вокруг и с подозрением покосилась на левую половину кровати. И где, спрашивается, главный герой тех самых фантазий, внезапно решивших воплотиться в жизнь? По такому случаю мог бы и остаться на завтрак. Записку написать. Сообщение. Хоть что-нибудь!

Не могла же я быть в постели настолько бревном, правда?..

Здравый смысл упорно напоминает, что мы вообще-то не парочка милующихся школьников, а два взрослых, хм, нечеловека. С во-от такенной долбаной кучей дел! Однако внутри всё равно копошится вздорное желание по-детски надуться и побороться с Рэном за звание самого несчастного крыжовничка в мире.

Ну же, Киро, самое время вспомнить о чувстве собственного достоинства и сказать тётушке драме «пока-пока»...

Куда там! Едва лишь на столике завибрировал комм, я потянулась за ним — да так резво, что запуталась в одеяле и едва не навернулась с кровати. Само изящество, женственность и грация. Во плоти.

Разочарование, охватившее меня при взгляде на экран, было совершенно нелепым и почти смешным.

— Алек?

— Единственный и неповторимый, — протянул мой друг чуть ехидно. — Я буду через час. Что у нас на завтрак?

— Омлет с креветками? — улыбнувшись, предположила я нарочито обречённым тоном. Несносный кошак знает, что я охотно приготовлю его любимые блюда, и всю этим пользуется. — И кокосовый рис. Правда, у меня нет манго.

— Не проблема, перехвачу в Вэйда-тауне по пути к тебе.

— Замётано, котик-чин!

Стоило бы принять душ, одеться и идти на кухню, пока по мою душу не явился один голодный и сверх меры любопытный маршал барсик. Однако я слабовольно рухнула на кровать, подгрребла к себе подушку, от которой всё ещё легонько тянет сандалом и морозной свежестью, и бездумно уставилась в потолок. Будь там трещины, наверное, принялась бы их пересчитывать — чтобы отвлечься от неприятных, едких мыслей. Неужто меня опять бросили?..

Глупость, конечно, сморозила несусветную. Люк никогда бы так не поступил — ни со мной, ни с кем-то ещё. И уж точно не стал бы говорить мне, что.

Что, блин, он сказал?!

Меня будто подбросило с кровати неведомой магией, она же заставила потянуться к комму и разыскать нужный номер в списке контактов.

Я уже успела устать от звука гудков и даже почти нажала на отбой, когда мне наконец ответили.

— Киро?

Вот так. Не маршал Хаттари — Киро. Привычно мягкое, чуть вкрадчивое и самую малость усталое.

— В каком это смысле: «я тоже тебя люблю»? — выпалила я, толком не понимая, какой тон выбрать — возмущённый, взволнованный или охреневший сверх всякой меры. Получилось, как водится, нечто среднее. — Чувак, либо ты офигенно самоуверен, либо я не помню пару-тройку важных разговоров между нами...

— Второе, полагаю, — отозвался Люк, и в его вроде бы спокойном голосе я безошибочно уловила нервозность. А ещё почему-

то веселье. — Ты правда хочешь обсудить это по телефону?

— Не. нет, — кое-как оправившись от изумления, я тряхнула головой. В которой, кстати, уже всю роятся нехорошие подозрения. И чего ещё я не помню?.. — Похоже, я вообще не хочу это обсуждать. Можем мы просто сделать вид, что я такая: «Приве-ет, как дела?», и ты мне: «Замечательно; кстати, извини, что не остался на завтрак!». Ох, блин, в моей голове это звучало не так жалко! — чуть нервно рассмеялась, втайне ужасаясь той чуши, которую снесла. И несу. И, видимо, буду нести. Ну это ж я. — Можно мне ещё один дубль? О, или я тебя отвлекаю? Извини, надо было написать сообщение.

— Я у лорд-мэра, — ответил Люк таким буднично-ленивым тоном, будто каждый день посещает городскую ратушу. — На повестке дня — воспитательная беседа о недопустимости вражды между охотниками и полицией. Ничего особенного или хотя бы нового. И извини, что ушёл не попрощавшись. Было рано, не хотел тебя будить.

— Ладно, забей, — проворчала я, отбросив подушку на другой конец кровати. — Полагаю, наш лорд-хрен не соизволил пригласить доблестную полицию, которая за частую и провоцирует ту самую вражду? Хочешь, натравлю на него пикси? Они сопрут у него все ключи, запонки и даже чайные ложечки.

— Это слишком мило, Киро, даже для тебя, — сказал Люк, и я почти наяву увидела, как он улыбается. — Не стоит меня искушать.

— Сэр, мы всё ещё говорим про ложечки лорд-мэра? — не осталась я в долгу. — Или это та часть, где вы спрашиваете, во что я одета? Виновата, сэр. Одеяло, одеяло, ничего кроме одеяла.

— Я буквально вынужден поверить вам на слово, маршал Хаттари. Ибо от лорд-мэра отмахнуться куда проще, чем от нашей работы.

Я печально вздохнула, хотя глупая и наверняка до тошноты влюблённая улыбочка никак не желает уползть с лица.

— Ты мне рассказывать будешь? Я представляю, сколько твоих любимых бумажек мне сегодня надо будет оформить, и чувствую фантомные боли в правой руке. И да, мысленно вою почище, чем Чарли в полнолуние.

— Нисколько, — сообщил Люк, как мне показалось, неохотно. — Ни сегодня, ни всю следующую неделю. Ты в отпуске, Киро.

Всё хорошее настроение сразу как ветром сдуло — при том, что смысл слов до меня дошёл отнюдь не сразу. Мозг просто отказывается воспринимать это абсурдное заявление.

— Вот такого я тоже в своей биографии не припоминаю, — наконец произнесла я на удивление холодно. — Либо у меня ранний склероз, либо это никакой не отпуск. Я отстранена, да? Люк, ты не можешь меня отстранить! Только не сейчас, не когда я... Люк, эта цветочная падла ко мне заваливается, как к себе домой! Я не собираюсь сидеть и ждать, пока он смастерит клятую икебану посреди моей гостиной!

— А я не припоминаю в твоей биографии отпуска за последние четыре года, — строго парировал Люк. — Так что да, сейчас у тебя именно отпуск, но он всегда может стать отстранением.

— Люк, это не!..

— Это не обсуждается, Киро, — отрезал он таким тоном, что волей-неволей пришлось заткнуться. Но тут же прибавил куда мягче: — Выпись, съезди к Рэну. Он скучал по тебе. Побудь с семьёй и не лезь в отдел, пока я со всем не разберусь. Что до икебаны. обсудим за ужином, Киро.

Я молчала довольно долго, однако Люк не отключался — терпеливо ждал, пока переварю его слова, совладаю с бешенством и пообещаю не быть шилом в заднице. Хотя бы какое-то время. Потому что он прав. А ещё прекрасно понимает, на какие места надавить. Не долг службы, не возможные неприятности — семья. Рэн. И «обсудим за ужином», да.

Когда только этот властно-клыкастый негодяй успел настолько хорошо узнать меня и мои закидоны? Даже немного стрёмно.

— Прямо сейчас я хочу тебе врезать, — пробормотала чуть недовольно. — Или поцеловать. Пока не решила, что будет лучше.

— Прямо сейчас ты хочешь позавтракать с Алеком, — возразил Люк. — Да, я в курсе. Кстати, он на удивление умело подделывает твою подпись.

— Твою он при надобности тоже прекрасно подделает. Да вообще чью угодно, — фыркнула я, но тут же спохватилась, вспомнив, что говорю со своим боссом. — Нет, я так раскрою тебе все наши маленькие секреты. Мне пора! Срочно надо варить рис и делать любимый десерт одного вздорного кошака.

Он лишь рассмеялся над моей неуклюжей попыткой съехать с явно щекотливой темы. Или не только над ней.

— Десерт из риса? Ох, Киро, ты такая вэйданка.

— Виновна, сэр! Кстати, как насчёт зелёного карри на ужин? Торжественно клянусь положить поменьше острого перца!

— Звучит прекрасно, — заверил Люк. А я вдруг отчётливо поняла — завершать разговор ему хочется ничуть не больше, чем мне. — Я постараюсь освободиться пораньше, а ты постарайся хотя бы один день прожить без приключений на задницу. Идёт?

— У нас есть сделка, сэр, — с усмешкой заверила я, прежде чем отключиться и бессильно уронить голову на подушки.

Мать Тьма, Киро, да ты просто в сопли.

И это вот ничуть не удивительно: пусть мы знакомы каких-то пару месяцев, но ощущение такое, словно я знаю Люка всю свою жизнь. Никогда и ни с кем мне не было настолько комфортно, хорошо, правильно — и вместе с тем пугающе до усрачки.

Люциан Вернер проник мне под кожу, пробрался в тесную клетку рёбер, крепко стиснул моё идиотское сердце в своих холодных, но бережных руках. И даже боги не помогут, если он вдруг решит вырвать его у меня из груди. После такого не выживают.

Нет конечно. Не решит. Кто угодно, только не Люк! Этот парень всё ещё слишком хорош для меня, и врать не буду — до сих пор недоумеваю, как кто-то вроде него может влюбиться в ходячее недоразумение вроде меня. Но... он ведь сам это выбрал, да? А значит, не так уж я и плоха. Наверное.

На том и сойдёмся. Теперь надо как-то поднять себя с постели, вытолкать в душ и оттащить на кухню. Срочно! Ибо нет на свете существа паскуднее и сварливее, чем голодный кот.

Алек явился через час, как и обещал — в чём в чём, но в отсутствии пунктуальности нашего котика нельзя заподозрить. В чувстве меры, впрочем, тоже: притащил он не только обещанные манго, но и целый пакет всевозможных вкусностей, полезных и не очень. Ну да ладно, я и сама редко иду к нему с пустыми руками.

— Вот это славненько, Алек-чин, — хмыкнула я, выпустив его из объятий и приняв кошачье подношение. — Гораздо лучше, чем тадохлая утка!

— Свежепойманная! — поправил друг, возмущившись до глубины своей хищной души. — Для тебя ловил, неблагодарное ты чудище!

— Очень даже благодарное! Было бы, если б ты сам её ощипал и выпотрошил.

— Но у меня же лапки!

Безотказный аргумент, ничего не скажешь. Котики и их лапки! Вот только видала я те лапки, а вернее, лапищи — широкие, мощные, массивные, как и положено ирбису. Давненько я, кстати, не выгуливала своего бро в кошачьей форме. Да и в человеческой тоже — тут ведь прошла целая неделя, а я не привыкла расставаться с ним дольше, чем на день-два. Плевать, что в Сиде время течёт иначе; для меня и час там порой длится целую вечность.

— Идём уж, кот лапчатый, — фыркнула я, поманив его за собой. — Всё готово, и я даже кофе сварила.

— Да, я чую.

Учуял он явно не только кофе — вон как скривился, прежде чем пробормотать:

— О, ну конечно, Вернер здесь уже все стены собой обтёр. И тобой, очевидно, тоже.

Я с трудом подавила смех.

— Боги, Алек, прекрати ревновать. Ты всё ещё единственный и самый прекрасный кот в моей жизни!

— Ну разумеется! — веско заявили мне. — Как будто может быть иначе.

К счастью, приступ нелепого кошачьего собственничества быстро сошёл на нет — стоило только накормить вредного поганца, разок-другой ласково погладить по кудлатой голове и плюхнуть в кофе здоровенный шарик ванильного мороженого.

— Ну давай, жалуйся уже, — наконец милостиво разрешил Алек, донельзя манерным жестом уложив приборы поверх пустой тарелки. — У тебя на лице написано, где ты видала Люка и свой внезапный отпуск.

Я открыла было рот, но тут же закрыла и чуть растерянно пожала плечами.

— Перебесилась уже, пока готовила и тебя ждала, — ответила в итоге. — Да, знаю, я в спешке наломала дров, и Люк хочет как лучше, и... мне и впрямь не помешает отдохнуть. Но сейчас слегка неподходящее время. И то, что я чувствую себя как провинившийся ребёнок под домашним арестом, делу совсем не помогает.

— Ты не под домашним арестом, — возразил Алек. — Ты в отпуске. Вторую неделю, между прочим. По-хорошему, маршалу Вернеру стоило и впрямь тебя отстранить, но, на твоё счастье, он от тебя без ума. И вообще слишком вампир, чтобы дать в обиду своё гнездо. Ты хоть понимаешь, что будет, если кто-то прознает о сокрытии тобой улики?

— Да какое, нафиг, сокрытие? Недоказуемо, маршал барсик, — огрызнулась я, хоть и без особого запала. — А будь оно иначе, так и что с того? Федералы ни за что не дадут меня уволить, Алек, и ты это знаешь. Принцип меньшего зла и всё такое. Да куда там! Я за десять лет под шефством Брогана прорву всякой херни наворотила, а мне даже выговора ни разу не сделали!

Алек глянул на меня эдак по-кошачьему снисходительно, но вместе с тем и серьёзно. То ли отчитать хочет, то ли сообщить нечто такое, что мне вряд ли понравится.

— Ну и где теперь Броган? — произнёс он едко. — Выкинули на мороз без содержания. И ему знатно повезло, что просто выкинули, а не засадили в тюрьму. Вот твой принцип меньшего зла — нас всех попросту пожалели. Не стали рыться в старых делах, в коих, будем честными, достаточно вот таких-то, — Алек показательно развел руки на ширину плеч, — белых пятен. И ты права — федералы не дадут тебя уволить. Они просто велят Вернеру прострелить тебе башку, если

решат, что херни ты воротишь слишком много. Киро, мне тоже не нравится вся эта бюрократическая волокита, но тут я на стороне Люка: отсидись, побудь приличной феечкой, пусть Лагранж решит, что на Западе всё под контролем.

— Ты и впрямь думаешь, что я сейчас могу быть приличной феечкой? Алек, я только и думаю о том, что со дня на день это мурло в цветочек снова убьёт кого-нибудь — и снова якобы в мою честь. Я не позволю!..

— Прямо сейчас от тебя ничего не зависит, — безжалостно осадили меня. — Одна лишь экспертиза твоего сувенира и поиск совпадений в базе займёт дня три, никак не меньше.

Пришлось с неохотой признать, что Алек прав. Как, впрочем, и в большинстве случаев.

— Ты же будешь держать меня в курсе?

— Конечно, — кивнул он и ободряюще сжал мою ладонь в своей. — Киро, тебе не нужно за всё отвечать одной, ясно? Мы твоя семья, и мы поможем тебе справиться со всем дерьмом на свете. Передохни пока. Видят боги, ты это заслужила как никто другой.

— Мягко стелешь, котик-чин, — выдохнула я, стиснув его пальцы в ответ. — Я не прочь отдохнуть, но только до тех пор, пока мы не выясним имя этого засранца. А выясним мы скоро.

Очень скоро. Я уверена: экспертиза генетического материала, взятого с руки славы, выдаст нам висяк с пропажей без вести. И этот висяк почти наверняка приведёт нас к делу о подмене, а дальше — прямиком в Железный чертог.

Но не буду забегать вперёд. Кто знает, быть может, я переоценила хитроумие грёбаного флориста.

— Вряд ли Люк станет удерживать тебя в стороне, когда мы выйдем на этого мудака, — пожал плечами Алек и принялся собирать тарелки со стола. Но тут же замер на месте и гаденько ухмыльнулся. — К тому же сегодня утром настроение у него было сильно лучше, чем вчера вечером. Прошлой ночью ты была очень хорошей девочкой, Киро-чин? Или очень плохой, а?

— Иди ты, — фыркнула я, отпихнув его руку. — Серьёзно, бро, я не буду это обсуждать!

— С кем же ещё ты можешь это обсудить, как не со мной? — изумился он. — Хотя бы оценить по шкале от одного до десяти... Эй,

да ладно тебе! Я кот, я любопытен!

Реакция на самом деле понятная: за столько лет знакомства я привыкла обсуждать с Алеком всё. Вообще всё. Но.

— Ты не по.

— не понима-аешь, это друго-ое! — передразнил Алек, закончив за меня фразу, и тут же в омерзении поморщился. — О, Хаос, и вот он я, единственный холостяк среди кучки женатиков.

— Ничего, — поспешила утешить я, — тебе мы тоже найдём подружку. Или дружка?

Алек выразительно скривился, всем видом показывая, что он сильный и независимый котик, и все эти романтические глупости не про его пятнистое высочество.

— Мороз по коже. Спасибо, хоть не сынишку с дочуркой!

— Чувак, вот зря ты... Дети офигенны!

— Да, я тоже иногда ловлю себя на такой мысли, — фыркнул Алек. — А потом провожу денёк с твоим котёночком — и всё, как отрезало.

— Рэн хороший! — возразила я обиженно. — Он добрый, милый и воспитанный! Ну, для своих крошечных лет.

— Да кто ж спорит? — чуть нервно пожал плечами мой друг. — Рэн замечательный, однако терпеть его дольше пары дней я бы вряд ли смог. Как и любого другого ребёнка. Серьёзно, Киро, я не создан для этого, ты же знаешь!

— Знаю, — вздохнула я. — Ты прав, бро. Не все мы годимся для семьи и детей, и это нормально.

— Слава Хаосу, ты вернулась. Эй, тут какая-то слащавая детка с сердечками в глазах притворялась тобой и хотела всех поженить!..

— Не всех, только тебя! И кстати, ты слишком бурно возражал. Как-то подозрительно! Алек, да неужели ты кого-то повстречал, пока я была в Сиде? Давай, колись!

— Иди ты. в Чертог, — тут же огрызнулся мой друг. Как мне показалось, немного поспешно. — И я с тобой вместе, а то наш крыжовник скоро забудет, как я выгляжу.

Алек может ненавидеть саму мысль о семье и детях, однако дядюшка для моего крыжовника из него вышел вполне себе славный. Рэн его обожает, по крайней мере.

— А-ек! — пропищал он, едва заведя нас в двери своей комнатухи. И радостно помахал нам плюшевым котом, светло-серым и в пятнышках. — Ми-и А-ек!

— Мини-Алек? Ох, Рэн-чин, ты потрясающий!

Я едва не рухнула от смеха, а Алек — тот, что побольше, ха-ха! — скроил такую кислую физиономию, что мигом захотелось присыпать сахарком.

— Знаешь что, племянничек? Меня ещё в жизни так не оскорбляли, — буркнул он себе под нос. Но тут же натянул на лицо клыкастую улыбку. — Обнимашки?

Рэн охотно помчался к своему кошачьему дядюшке, а я так и стояла в дверях, немного растерянная, и пыталась побороть совершенно глупую обиду. Да как же так? Он неделю меня не видел, а сейчас словно и не замечает. Будто бы Алек ему гораздо интереснее, чем я.

Загадка решилась довольно быстро — стоило только Рэну плюхнуться на пёстрый коврик возле ящика с игрушками и посмотреть на меня с такой обидой, что впору просто взять и убить себя об стенку. С трудом удалось задавить порыв кинуться к вредному малышу да пообещать ему луну, солнце, звёзды и самую сладкую, сочную, спелую грушу, какая только сыщется в это время года. Нельзя приучать ребёнка использовать обиды как средство манипуляции. Тем более если он и без того растёт мелким интриганом!

— Эй, крыжовничек, — позвала я ласково, усевшись рядом с ним. Огромные зелёные глаза тут же наполнились слезами, однако Рэн по-прежнему делал вид, что знать меня не знает.

— Славный котик. Можно поддержать? О, да он и впрямь мини-Алек! — Мой друг негодуя фыркнул, однако я проигнорировала его, с нарочитым восторгом изучая плюшевую игрушку. — Такой

красивый! Такие чудесные лапки! И зѐлѐные глазки, совсем как у Рэначин! И...

Допеть оду плюшевым прелестям мини-Алека я не успела: несчастного кота у меня отобрали и довольно злобно зашвырнули в ящик. Избавившись от коварного конкурента, Рэн с сердитым рѐвом влез ко мне на колени и обвил вокруг шеи свои маленькие, но на удивление сильные ручонки.

— Ну всё, всё, Рэн, не плачь, мой хороший, — забормотала я, тоже хлюпнув носом разок. Алек с недобрым прищуром утянул из ящика свою мини-копию и отошёл в другой конец комнаты, тактично делая вид, что его здесь нет. — Прости меня, пожалуйста. Прости! Мама не хотела оставлять тебя так надолго, но ведь работа.

— Моя ма! — заявил Рэн негодуяще, явно не желая слышать ни о каких работах. — Ма-ая!

— Конечно, твоя, чья ещё-то?

— Тока моя! — провозгласил он на удивление внятно. И, подумав, уточнил чуть неохотно:

— Моя и Юка!

Тут уж настал черѐд Алека ржать над моим вытянувшимся лицом.

— Вы двое просто безнадѐжны! Даже ребёнок вас уже поженил! — сквозь смех выдал он, подбросив в руке игрушку. — И да, я догадываюсь, кто подарил Рэну эту гадость! И кто назвал её — тоже!

— Ю-ук!

— Вот-вот! Он самый!

С Рэном мы провели часа три, если не больше. Я перестала считать количество кубиков и даже немного устала радоваться словам, что выучил Рэн. Или просто узнал? А, неважно. Главное, что мой ребенок, кажется, немного гений! Или просто слишком вампир. Обидно немного, я даже ощутила небольшой укол ревности — это я, я его мама, но почему же он так похож на Люка?..

Чудесного, совершенно невероятного Люка, который умеет быть милым, добрым, чудовищно заботливым и вместе с тем пугающим. Прежде всего — своей силой, непоколебимостью во всѐм. Кроме, пожалуй, меня.

Понаблюдав за Рэном, так похожим на Асторна, который очень даже Вернер, я вдруг устыдилась. Люк ведь прав в том, что касается моей работы — стоит поменьше рисковать собой, не соваться в

постылый Сид почём зря. Будь дело только в похищенных детях, я бы и не подумала корить себя за безрассудство, но в глубине души я понимала: виновато мое желание доказать проклятым фейкам, что я сильнее, лучше их. Что я могу уничтожить их всех, если того пожелаю. Что я слишком хороша, чтобы быть одним из них.

Эта внезапная мысль поразила меня на пути к дому, даже заставила чуть притормозить и бездумно уставиться на дорогу. Только громкой звук клаксона вынудил нервно тряхнуть головой и вновь уставиться на дорогу.

Точнее, на ведущий к моему дому въезд. Который заканчивается не привычным глазу тупиком, а задним бампером серебристой «Мистрали».

Разумеется, это Виктор — мало кому ещё пришло бы в голову разъезжать по Алькасару на дорогушей пижонской тачке с настолько заниженной посадкой, что днище чудом не скребётся о гравийные дорожки.

— Да чтоб тебя к феям в Сид, Киро-чин, где ты потерялась? С ума сойти! — налетел он на меня, едва я вышла из кара. — На этой неделе я позвонил тебе, должно быть, раз двести! Даже к друзьям твоим придурочным обращался! Не то чтобы от этого был какой-то толк...

— Прости, Виктор, была в командировке, — монотонно пробубнила я, даже не стараясь изобразить раскаянье. Комм по возвращении из Сиды высветил триста двадцать девять пропущенных вызовов, но копаться в них я поленилась. — Я до этого сама пыталась до тебя дозвониться, но не смогла и отправила.

— Читал я твоё сообщение, — отмахнулся Виктор, нервным жестом поправил узел галстука. Любит же он эти удавки, а? Разве что в постель в них не ложится. — Извини, на прошлой неделе я был занят. Твой новый шеф устроил нам жуткий головняк с блохастыми псинами Хейлов, если ты не в курсе.

Я пожала плечами, не проникнувшись его печалью.

— Вы до сих пор пытаетесь обелить того адвокатишку? Тогда мало устроил.

Виктор тут же напустил на себя обычный раздражённо-снисходительный вид.

— Ты не понимаешь, речь о репутации фирмы.

— Да продолбана ваша репутация с концами! — оборвала я, обойдя его и направляясь к багажнику. Вытащила оттуда два здоровенных пакета с продуктами и прочей мелочью, купленной в «Вудмарте» по дороге домой. — Только себе хуже делаете, продолжая ворошить эту историю. Теперь скажешь уже, что тебе здесь понадобилось?

Он примерился было к одному из пакетов — и с каких это пор я в глазах своего бывшего стала хрупкой феечкой?.. А, ну да, с тех самых,

когда он решил, что сможет снова залезть мне в трусики. Под моим взглядом Виктор осёкся и вытянул руки по швам.

— Всего лишь хотел узнать, как ты, — произнёс он, оглядев меня с ног до головы и пытливо прищурившись. — И почему так внезапно отказалась от моей помощи.

— Очевидно, она больше не требуется. Извини, что потратила твоё драгоценное время. Виктор рассмеялся и укоризненно покачал головой.

— Ладно тебе, Киро-чин! Так и будешь продолжать дуться?

— Не на что дуться, Виктор. Ты мне больше ничего не должен, я тебе и подавно. А теперь извини, мне есть чем заняться.

Искренне надеясь, что Виктор уберётся восвояси, я подхватила пакеты и решительно зашагала в сторону дома.

— Киро, ну хватит уже, — Виктор не убрался, зря я понадеялась. За спиной слышны его шаги, и я даже не знаю, чего хочу больше — сбежать, теряя продукты, или вмазать ему пакетом по башке. Второе прельщает куда больше. — Да брось! Давай начнём сначала, нам же было хорошо вместе!

— Говори за себя, — тихонько фыркнула я.

Было так себе. Во всех смыслах, и теперь я это чётко осознала. Благо есть с чем сравнивать. Кстати об этом...

Чёрный «Гермес», мощный и солидный под стать своему хозяину, подъехал к моему дому. Недовольно мигнул фарами, низко прогудел клаксоном, после чего с трудом, но всё же протиснулся между бордюром и каром Виктора.

— Киро, всё в порядке? — первым делом поинтересовался Люк. И только после моего кивка эдак снисходительно поприветствовал незваного гостя. — Мистер Крэйн, добрый вечер. Не знал, что вы почтите нас своим визитом. Надеюсь, вы здесь не из-за адвоката Доусона? Я не занимаюсь делами дома.

Я едва не рассмеялась, оценив весь спектр эмоций, что посетили холёную физиономию моего бывшего. Шок, неверие, гнев и целая прорва непонимания. Бедняга Виктор никогда не любил сюрпризов. Особенно вот таких. Особенно в отношении меня.

— Уж поверьте, маршал Вернер, вас я в доме Киро повстречать никак не рассчитывал, — наконец процедил он, справившись с бешенством. — Это приватный разговор, так что не могли бы вы?..

— Не мог бы, — Люк коротко качнул головой. — День выдался длинный, и мы с Киро собирались поужинать. Вдвоём, — он потянулся забрать у меня один пакет, и я не стала возражать. — Если только Киро не хочет приготовить ужин на троих.

— Киро не хочет, — тут же заявила я. — Денек у меня был получше твоего, но вот вечер как-то не задался.

В улыбке Люка, больше похожей на кровожадный оскал, трудно отыскать даже намёк на дружелюбие.

— Очень жаль! Мистер Крэйн, на этом я вынужден с вами попрощаться. Если снова захотите прийти в гости, будьте любезны сообщить заранее. Мой номер у вас есть.

На плечо легла его рука — тяжёлая, сильная, крепкая. Тут уж любому стороннему наблюдателю — даже если это такой неисправимый нарцисс, как Крэйн, — сразу должно стать понятно, чей тут дом. И чья фея. То есть сидхе, конечно же. Не дожидаясь ответа, Люк развернул меня, лишая удовольствия вдосталь насмотреться на недовольную и вусмерть обиженную морду Виктора, легонько подтолкнул к двери.

Виктор, по счастью, решил оставить нас в покое и убраться подальше. По крайней мере, было слышно удаляющиеся шаги и хлопок дверцы кара — такой громкий, что аж в ушах звякнуло.

Кажется, теперь до него дошло, что начинать сначала я не собираюсь. И вообще... занята. Во всех смыслах.

— «Не занимаюсь делами дома»? Серьёзно, Люк? — фыркнула я, свободной рукой повернув ключ в скважине, и покосилась на него через плечо. — Опустим собственнические замашки одной властной вампирской задницы — я примерно знала, с кем связываюсь. Но когда это мы успели съехаться?

— Полагаю, это вопрос времени, — заметил Люк нарочито небрежным тоном и потянулся открыть мне дверь. — Ты против?

— Хм. нет?

Даже близко нет. Ни капельки. Вовсе даже наоборот, и. это немного пугает, если уж быть честной хотя бы с собой.

— Хорошо.

Обещанный карри, по счастью, делается за каких-то полчаса — благо у меня ещё осталась ароматная зелёная паста, заготовленная впрок. С рисом и того проще: обжарь его в масле, залей водой, накрой сковороду крышкой и оставь в покое.

Люк неотрывно наблюдал за мной, при этом не забывая чуть опасливо коситься на пахучую смесь пряностей и отпускать беззлобные шуточки про нежную любовь вэйданцев к рису. И помогать, разумеется. Представить не могу ситуацию, в которой он вообще бы не стал этого делать. Неважно, будь то нарезание овощей или отрубание чьих-нибудь голов. Второе, правда, закончится недовольством, воспитательной беседой. Но отказывать в помощи? Нет, Люк точно на это не способен.

— Ты действительно проделала это всё без магии? — уточнил он со смешком, когда мы наконец уселись за стол и разложили еду по тарелкам. — Очень вкусно. Кто учил тебя готовить?

— Чувак, это у меня в крови! Ладно, может, по крови я не вэйданка, но уметь готовить тысячу и одно блюдо из риса всё равно должна и обязана, — усмехнулась я, подцепив палочками кусок индейки. Обычно зелёный карри делают с курицей, но я предпочитаю индейку или свинину. А вот есть вилкой привычные с детства блюда так и не приучилась

— сразу будто чего-то не хватает. — Если серьёзно, я всегда любила готовить. Моя старше-младшая сестричка ненавидит, и даже она может подать какой-никакой обед из трёх блюд. Иначе никак, если твоя мать — шеф-повар. А что с тобой? В жизни не поверю, что ты не умеешь готовить!

— Почему же? — улыбнулся Люк. — Я так похож на завязтого кулинара?

— Нет, но. — Этот полушутливый вопрос отчего-то заставил смутиться. — Просто ты такой, ну, идеальный.

Люк покачал головой, глянул насмешливо и чуть осуждающе, отпил вина, прежде чем ответить:

— Я вовсе не идеален, Киро. Готовить умею, но не стараниями моей мамы. Я вообще не жил с ней до восемнадцати.

— Почему? — удивлённо переспросила я. Отчего-то казалось, что Люк, несмотря на некоторые оговорки, непременно воспитывался в прекрасных условиях.

— Асторны — не та семейка, с которой захочет жить молодая амбициозная девчонка. Маме не было и двадцати, когда она забеременела. Она бы даже сделала аборт, но не решилась, ведь ребёнок от вампира — воистину чудо. Отдала меня отцу, уехала учиться, потом делала блистательную карьеру чернокнижницы. Навещала, конечно, но до восемнадцати меня воспитывали мои вампирские родственники.

— А потом?

— А потом у меня обнаружился дар, и мама забрала нас с отцом из крепости. Скандал был жуткий, лорд Грегор официально запретил мне и маме называться Асторнами. Не то чтобы нам это было нужно.

Не нужно, разумеется. Сейчас уж точно нет. Но сколько бы лет ни прошло, где-то в глубине его души всё ещё будет обитать тот мальчик, насмерть обиженный на свою клыкастую родню. Не за изгнание из их обители жабо и снобизма, но за то, что они не стали Люку той семьёй, которую он всегда хотел. Не любили его так, как он заслуживал.

Не были кем-то, кого он сам смог бы любить.

Я знаю, о чём говорю. Кому знать, как не мне?

— И правильно, — заявила, вдоволь наглазевшись на свой опустевший бокал. Не люблю полусухое вино, но к остро-кисло-сладким блюдам вэйданской кухни оно отлично подходит. — Кому

вообще нужно их одобрение? Они всего лишь кучка чванливых пиявок. Пусть хоть тыщу лет проживут, и всё равно никогда не станут тебя достойны!

— У них наверняка другое мнение, — откликнулся Люк с усмешкой. — Моего драгоценного дедушку знатно перекосило бы, вздумай ты заявить ему такое.

— А вот и проверим... Что? Ты знаешь, я могу!

— Я знаю, Киро, — покладисто отозвался он. Вот только глядел при этом так, словно я, не знаю, подарок ко дню рождения. Нет — ко всем шести десяткам дней рождения, что у него были.

— Вот и славненько, — подвела я итог и чуть поспешно схватилась за полупустую бутылку.

— Ну, что было дальше? Где ты проторчал столько лет? Видят боги, маршал Вернер, вы заставили меня подождать!

Он низко рассмеялся, коротко коснулся моей руки.

— Прости, что задержался. Пришлось получать скучное юридическое образование, а потом наводить связи с Греймором. Кстати, надо будет познакомить тебя с Тамритами. Видит Тьма, Сандро непременно захочет тебя удочерить.

— Вампирам вообще лишь бы кого-нибудь удочерить-усыновить. И да — прокляла ж меня какая-то сволочь, чтоб вечно западала на юристов! — посетовала я шутливо. Ну, отчасти шутливо — и впрямь вырисовывается пугающая закономерность. — Но почему тебя понесло именно в Греймор? Там же холодина, аномалии на каждом шагу... Я уж молчу про толпу вздорных меховух!

— Для подобных разговоров нужно что-то покрепче вина, — Люк усмехнулся, но особого веселья в его голосе я не услышала. — Я тогда не справлялся со своим даром, натворил дел и. В общем, эту историю ты уже знаешь. Нужно было пересидеть где-нибудь, и я выбрал Греймор; там познакомился с Тамритами, ну и задержался. К слову, если бы не Александр Тамрит и Изара Крэстани, я бы вряд ли стал ликвидатором.

— Хочешь сказать, ты мог и не вернуться в Алькасар? — а вот теперь я ужаснулась почти искренне. Разум отказывается воспринимать саму мысль о том, что сейчас в моей жизни всё могло быть совсем иначе. Без Люка. — И мой новый шеф не выглядел бы как

порнозвезда с замашками напыщенного аристократа? И мы с Алеком остались бы без твоих занудных нотаций?! Да не, бред какой-то!

— О, Киро, — рассмеялся Люк, демонстрируя заостренные клыки, — когда-нибудь ты окончательно вскружишь мне голову своими комплиментами.

— Когда-нибудь? А я-то надеялась, что уже!

Он глянул на меня эдак заинтересованно, постучал длинными пальцами по столешнице. И выдал вполне серьёзно:

— Ты совершенно точно украла мое вампирское сердечко. И мне его ничуть не жаль. в отличие от несчётного числа ручек, похищенных с моего стола.

И вот она, уже знакомая дилемма — то ли поцеловать его, то ли стукнуть хорошенько. Обязательно же было вернуть тот идиотский перл, что я выдала тогда в приёмной!

— Просто для ясности, — я встала и, негодуя мотая головой, принялась собирать со стола посуду, — если мы внезапно поженимся и заведём кота, я собираюсь припоминать тебе этот разговор, пока смерть не разлучит нас. Ручку он мне пожалел, с ума сойти!

— Зачем нам заводить кота? — изумился Люк, тоже поднявшись. Оставлять меня наедине с посудой он явно не собирался. — У нас уже есть Алек.

— И то верно.

Я взялась за тарелку, принялась её намывать, чтобы скрыть невесть откуда взявшуюся дрожь. Люк какое-то время просто стоял и смотрел, сложив руки на груди, а затем взялся помогать.

Не знаю, сколько времени мы стояли вот так, бок о бок, словно уже давно привыкшая друг к другу престарелая семейная пара, прежде чем на мою талию вдруг легла его рука. Ещё влажная, прохладная, сильная. Я едва не выронила бокал, но Люк забрал его, поставил на сушилку рядом. Развернул меня к себе, глянул этими своими глазами — зелёными, пронзительными, внимательными.

Я замерла. Просто смотрела на него в ответ, а потом... Руки сами потянулись к его рубашке, к мелким пуговицам, одна из которых уже была расстегнута, обнажая сильную шею и совсем немного — ключицы.

— Люк, я.

— Молчи.

Он потянулся ко мне, накрыл мои губы своими, впился, заставляя вновь терять голову от этого прикосновения. Мы уже целовались — и не только — вчера, но казалось, будто я делаю это в первый раз. В первый раз же стаскиваю с него рубашку, помогаю раздеть себя. Таю под его руками — тоже словно впервые.

В этот раз всё по-другому. Не как вчера. Ярость не туманит мозги; мы не набрасываемся друг на друга с тем же остервенением, не испытываем потребности не то покалечить, не то сожрать. И даже до кровати добрались с первой попытки! По пути потеряв последнюю одежду, но это и хорошо. Люка одевать — только портить. Ну какая, к Тьме, одежда, когда ты сложен как грёбанный языческий бог?

Никакой. Никакой, слава богам, богиням и всему треклятому мирозданию. Только Люк — наконец-то весь мой, в моей постели, под моим жадным взором; и я наконец-то смогла всю эту красоту обесчестить не только взглядом, но и руками. Губами. Ртом. Кто бы только знал, как много раз я об этом думала, но реальность в сто тысяч раз лучше любых похабных фантазий.

В реальности я принадлежу ему до мозга костей. Вся с потрохами. И хочу, чтобы Люк точно так же принадлежал мне.

И он в самом деле принадлежит. Я вдруг поняла это с какой-то болезненной ясностью — по тому, как он касается меня; по тому, как смотрит. Поняла — и невесть отчего засмущалась, словно это мой первый раз.

— Прекрати ты на меня так пялиться, — буркнула тихонько, проведя ладонью по его волосам. Отрастут ещё немного — и непременно начнут виться. — Как будто ничего прекраснее в жизни не видел.

Люк так же тихо рассмеялся, укоризненно покачал головой.

— Не требуй от меня невозможного, Майред Мор.

Взгляд его, впрочем, совсем скоро изменился — уже не ласковый и любящий, а скорее убийственный. И я поняла причину, едва лишь широкая ладонь легла на моё бедро. Туда, где красовался свежий рубец. Подарочек из Серого Дома.

Кто это сделал?

— Мертвец, — только и ответила я, дёрнув плечом.

— Хорошо.

Едва затянувшегося шрама коснулся настойчивый язык. От одной этой ласки впору кончить; когда же Люк спустился чуть ниже, а острые клыки вонзились в моё бедро, я успела только тихо охнуть, прежде чем...

Нет таких слов, чтобы объяснить, каково это. Эйфория, кайф, чувство невероятной близости, счастье и совершенно сумасшедшая влюбленность. Вампирская магия? Да, она, без всяких сомнений. По крайней мере, из-за неё я испытываю такое удовольствие от того, что кто-то пьёт мою кровь. Но даже будь Люк человеком, я всё равно не смогла бы не влюбиться. С самого первого дня, с той самой минуты, когда наши взгляды впервые встретились. И пусть берёт всё что захочет — мою кровь, моё сердце, мою жизнь.

Всю меня. Целиком и полностью.

— Я не переборщил? — спросил Люк, когда я наконец устроила голову на его плече, перекинула руку через грудь. — С укусом?

— Похоже, что мне не понравилось? — фыркнула сонно. Каюсь, «отвернуться к стенке и захрапеть» — это про меня. И забористая вампирская дурь, увы, бодрости не прибавляет.

— Не парься, мне было здорово. Очень. Только. не уходи с утра, ладно? Мне сейчас так стрёмно одной спать. Сегодня вот чуть шторку не расстреляла спросонок, и фигня всякая снится. Лучше б опять похабень с твоим участием!

Люк напрягся, но расспрашивать о том, что на меня нашло, не стал. Ткнулся губами мне в висок, зарылся ладонью в волосы, погладил по плечу, заверил искренне:

— Не уйду. А если всё же придется — обязательно разбужу. Что до похабени, — он вдруг ухмыльнулся, причём крайне ехидно, — я не один старался, Киро.

— Типа. тебе тоже снилось что-то эдакое?

Люк качнул головой, вздохнул как-то обречённо.

— Киро, нам снилось одно и то же. Больше не будет; по крайней мере, пока мы вместе. Во всех смыслах.

— Да ты прикалываешься!

Я резко села на постели и в ужасе уставилась на него. А потом рухнула обратно и, накрыв полыхающее лицо подушкой, глухо потребовала:

— Убей меня.

— Попроси меня снова, когда я увижу очередную сказочку вместо отчёта.

Подушку я от лица тут же отняла, чтобы стукнуть его разок. Не особо сильно, просто душу отвести.

Оборжаться! Как эта хрень вообще работает?

— Ментальная связь, — Люк пожал плечами, точно я спросила нечто очевидное. — Она часто возникает между двумя вампирами, но, полагаю, сидхе или маг тоже годятся.

— И что она, хм, делает?

— Побуждает к активным действиям романтического характера.

Я в ответ на эдакое гадство только и могла, что возмущённо фыркнуть.

— Чувак, меня обычно заводят эти твои канцелярские словечки и чопорный тон, но сейчас не та атмосфера. Какая-то метафизическая фигня нас шипперит? А вчера мы переспали, и она свалила с чувством выполненного долга?

— Если тебе так угодно, — отозвался Люк всё тем же сухим тоном злого и страшного босса. И вот ведь по глазам вижу — внутри

он ржёт. Бессовестно и нещадно.

— И что, мы с тобой вроде предназначенной пары, как в тех дурацких книжонках, что Престон почитывает на дежурстве?

На сей раз Люк нахмурился.

— Звучит так, будто у нас не было выбора.

— И-и-и... это не так?

— Нет же, Киро. Я выбрал тебя, а ты выбрала меня. «Метафизическая фигня» — следствие, а не причина.

Эти слова примирили меня с произошедшим. Ну, почти.

— Выходит, я призналась тебе в любви и забыла об этом? — уточнила я обречённо. — Как-то совсем не круто, даже для меня.

— Но я же не забыл, — Люк притянул меня к себе, заставив почти рухнуть ему на грудь. — И то, что ты это сказала, было величайшим подарком из всех, что я когда-либо получал. Ты

— мой дар невесть за какие заслуги, моя песня крови. И я люблю тебя, Киро Хаттари, во сне и в реальности.

— Я тоже тебя люблю, Люциан, — уверила я чуть мстительно, хотя внутри от его слов поднялась целая буря восторга, обожания и священного ужаса. — А теперь расскажи, что ещё я забыла.

Люк улыбнулся в предвкушении, а я сразу поняла, что зря попросила. Мне сейчас и расскажут, и покажут, и поспать совсем не дадут.

Ох, Мать Тьма, кажется, я здорово нарвалась!

Персоналка интригующе звякнула ровно в тот момент, когда я было решил допить наконец свой давно остывший кофе. Возможно, даже выкурить сигарету-две, старательно запомнявав данное Алеку обещание не дымить в кабинете. Не повезло ни с первым, ни со вторым — уж больно призывно горел значок обновления документов по делу грёбаного флориста. Любопытство победило, пересилив желание первым делом позвонить Киро, чтобы узнать, не натворила ли она ещё чего-нибудь.

Или, если прекратить врать самому себе, чтобы банально услышать её голос и убедиться, что она ещё жива и не цветёт олеандрами на очередном пустыре.

Отчет криминалистов, которые не иначе как по настоятельной просьбе Киро уложились всего в три дня, оказался бесполезным. На первый взгляд уж точно: никакой связи между Иорэтом, или как там его по-человечьи, и Джозефом Паркером, кому принадлежала пресловутая рука, нет. Но то на первый, потому как Киро уверена в обратном, да и у меня никаких сомнений, что оба подарочка — дело рук одного... сидхе. Впрочем, подарочком был только Иорэт, а вот не сожранная никакой тварью конечность Паркера — что-то другое. Месть? Подсказка? Без Киро поди разберись.

И нет, я всё ещё не хочу тащить её в управление до срока. Но маньяк сам себя не поймает, а с нашей работой отпуск даже по необходимости — непозволительная роскошь.

Едва я потянулся к комму, дверь вдруг открылась, впуская. увы, вовсе не Алека, которому тут сейчас самое место. И даже не Киро, чей визит был бы очень даже кстати несмотря на мой же запрет являться на работу в ближайшую неделю. А того, чьё место в гробу понадежнее. Желательно — в свинцовом. С обмотанной вокруг якорной цепью.

Да, я очень люблю своих родственников.

— Мариус.

— Добрый день, Люциан.

Его голос, всякой девице наверняка кажущийся приятным и томным, для меня по мелодичности сравним с бензопилой. Весь его облик раздражает — от тщательно вычесанной копны чёрных волос до начищенных туфель. Ну хоть обошлось без кружев и жабо: видимо, мода наконец дошла и до крепости. В чёрном пальто и свитере с высоким воротом Мариус Асторн даже мог бы сойти за обычного алькасарца. Если бы не эта его пресловутая трость с массивным золотым набалдашником. Такая кого угодно сделает похожим на особо элитного сутенёра. Впрочем, если мне не изменяет память, среди предприятий моей семейки имеются и бордели.

— Он был добрым, — возразил я, — пока ты не почтил меня своим присутствием. Чем обязан?

Мариус вальяжно прошёл по кабинету, оглядел обстановку, демонстративно сморщив нос. И, не дожидаясь приглашения, уселся на стул напротив меня.

— На самом деле, многим. Начиная от происхождения, заканчивая своими способностями, — протянул он, ничуть не изменившись в лице. — Ходят слухи, что отпрыск Асторнов заполучил Приказ Короля.

Я похолодел. Виду не подал, но напрягся ощутимо, заодно подыскивая приличное оправдание труп в своём кабинете. Добровольно я к Асторнам не ходок, а Мариус не из тех, кто понимает слово «нет».

— Отпрыск? Какое милое определение! В последний раз я был ублюдком, дядюшка.

—.. однако ни у кого в крепости нет этого дара, — продолжил Мариус, будто не слышал меня. — А вне крепости в Алькасаре есть только один вампир, в коем имеется несколько капель нашей крови.

Несколько капель? Это у сына урождённого вампира, прямого потомка лорда Грегора? Нет, я бы обошёлся без крови Асторнов вовсе, однако есть в словах Мариуса что-то смешное. Отец непременно оценил бы. Вполне вероятно, оценки этой дядя бы не пережил.

— Ты завидуешь или бесишься?

Не стал отрицать. Но и подтверждать тоже не тороплюсь.

— Скорее, огорчён.

— О, в этом я ни капли не сомневаюсь. Один вопрос: если у меня действительно такой дар, то на что семья надеялась, присылая сюда

гонца? Добровольно я в крепость не вернусь, заставить меня вы не сможете.

— На самом деле, сможем, — важно протянул он, легонько стукнул тростью о пол. А потом вдруг сменил тему: — Ты уже знаешь о ребёнке крови Асторнов?

Мне нечего ему сказать. Как я могу не знать ребёнка, которого собираюсь назвать своим? Знаю. И никому из Асторнов его не отдам. И да, тут уж мне без разницы, сколько крови придётся пролить. Ради него. Ради Киро.

— Наслышан, — только и ответил я, незаметно нащупывая пистолет, который обычно оставляю в открытом ящике стола.

Трудно будет объяснить кровь на полу, выстрел прямо в участке, запах пороха и труп Мариуса Асторна. Не своим, вовсе нет — что-то мне подсказывает, что всё моё управление мигом упрячут дядюшкины мощи так, что их не найдут даже лучшие поисковые собаки. Но вот встречаться ещё и с дедом. Нет уж, оставим семейное воссоединение до визита отца в Алькасар. Интересно будет в любом случае и, вероятно, без трупа Мариуса всё же не обойдется. Особенно после того, как он узнает, что у него едва не отняли почти-внука, приехать к которому тот обещает уже вторую неделю.

Достать оружие не успел. Только снял пистолет с предохранителя, устроил ладонь поудобнее, как дверь кабинета отворилась, впуская Киро. Она явно была чем-то взволнована, но, едва завидев Мариуса, замерла и бросила на меня вопросительный взгляд.

— Знакомься Киро, — прервал я паузу, — Мариус Асторн — самый достойный, по его мнению, сын лорда Грегора. Увы, не урождённый, что его изрядно бесит.

Киро подобралась вмиг. Скрестила руки на груди, прищурилась недобро, точно прикидывая, как бы половчее умертвить моего неуважаемого родственника.

— Ясно, понятно, — наконец протянула она. Этот тон, соблазнительно-вкрадчивый, мягкий, томный и вместе с тем нагоняющий жути, я уже слышал прежде. Да, тем чудным вечером, когда жадный до золота лепреккон лишился своей безобразной головы. — Чем обязаны такой чести?

Вместо Мариуса, к его вящему неудовольствию, ответил я:

— Дорогой дядюшка желает забрать меня в крепость. Точнее, не желает, но волю лорда Грегора вещает преданно.

— Всё верно, — отозвался Мариус, поднимаясь и протягивая Киро бледную холеную руку.

— Преданность — лучшая из добродетелей. Жаль, что некоторые, — он красноречиво покосился на меня, — этого не понимают. Лорд Асторн желает видеть в крепости своего внука. И правнука. И даже согласен принять вас, юная леди, в качестве матери мальчика.

Киро улыбнулась, сверкнув острыми зубами; пару раз с напускным энтузиазмом тряхнула ладонь Мариуса — обманчиво тонкие пальцы сжали бледную руку так, что я услышал, как хрустят кости. И всё тем же жутковато-сладеньким голосом осведомилась:

— С каких таких... причинных мест лорд Грегор вообразил, будто у него есть какие-то права на моего партнёра и нашего ребёнка?

Мариус, надо отдать ему должное, почти не показал недовольства. Натянул на лощёную физиономию эдакий любезный оскал, приблизился к Киро вплотную и.

И я немедленно утратил всякий интерес к пистолету — когда ты хочешь (и вполне можешь) убить недруга голыми руками, оружие тебе уже просто ни к чему.

— Дитя от крови Асторнов принадлежит дому и будет воспитываться в крепости. Вне зависимости от того, что по этому поводу думает сладкая парочка полукровок, забывших своё место. Но, к моему сожалению, лорд Грегор в последнее время питает некоторую слабость к своему внуку. И может позволить вам двоим изредка навещать. ребёнка. Здесь, на Западе, слово Асторнов — закон, так что советую...

Свою напыщенную речь Мариусу пришлось прервать. Он захрипел, затрясся мелкой дрожью, судорожно пытаясь сделать вдох, — и застыл, точно парализованный. На груди у него медленно, но верно расплзалось тёмное влажное пятно, а в глазах стоял безмолвный крик ужаса.

Есть от чего пугаться. Его, вампира, одного из старейших и опаснейших в гнезде, подчинила своей силе наглая полукровка, забывшая своё место.

— Вот что, мудила: закон на Западе — это я, — выдохнула Киро, с явным мстительным удовольствием провернув нож в ране. На свитер попали несколько капель крови, но тут же затерялись на тёмной ткани. — Кому тут пора запомнить своё место, так это Асторнам. Тебе мамочка не говорила ничего не принимать от сидхе? Да, ножи в бочину тоже считаются.

Она обернулась ко мне, склонила голову набок. В её взгляде застыл вопрос, который не пришлось озвучивать. Я невольно повторил её любимый жест, тоже склонив голову к плечу, замер, внимательно рассматривая кровавое пятно на груди Мариуса.

Вампирам смерть к лицу. Особенно таким, как мой дядя, — напыщенным говнюкам, не умеющим вовремя остановиться и поумерить чувство собственного превосходства. Наверняка это обидно — прожить столько десятилетий в осознании своего величия, чтобы в итоге словить нож от какой-то девчонки, до того беззащитно глазевшей на него снизу вверх.

— Нет, — произнёс я чуть досадливо, качнул головой. — Не сегодня, мой маршал.

— Да, сэр.

Киро передёрнула плечами и снова обратила внимание на Мариуса — тот по-прежнему стоял как изваяние. Синюшное, нелепо скрюченное и испуганное до усрачки.

— Никто не трогает наше гнездо, Мудариус. И уж точно никто не трогает то, что моё. Если мне хотя бы покажется, что Асторны угрожают моей семье, я приду и убью вас всех. Уяснил? Вот и славненько.

С влажным чавкающим звуком она выдернула нож из раны и эдак заботливо похлопала моего дядюшку по сероватой щеке.

— Беги к папочке, он заждался.

— Ты за это ответишь, — прошипел Мариус со всей доступной ему сейчас злостью. — Вы оба.

— Мы будем ждать. Оба, — заверил я, с нескрываемым удовольствием наблюдая, как резво покидает он мой кабинет.

Как по мне — уж слишком резво для того, кто едва не был заколот в сердце. Впрочем, я и в лучшие времена не мог переносить его больше двадцати минут в неделю; сейчас же он осмелился угрожать моему гнезду.

Может, не стоило останавливать Киро?..

— Ты же помнишь, что дела о пропавших без вести — почти всегда висяки? — озвучила мои мысли Киро, подбросив в ладони окровавленный нож.

— Разумеется, — отозвался я, кивком приглашая её сесть. — И я даже не буду делать вид, что припрятать тело Мариуса в лесу Лливеллин — не самая большая мечта в моей жизни.

— И даже не станешь читать этих своих любимых нотаций? — не скрывая веселья, изумилась Киро.

Вместо ответа я достал из ящика стола пистолет и выложил перед ней.

— О.

— Ага. Ты вовремя. Выстрелы в кабинете объяснить сложнее.

В ясных голубых глазах вспыхнула и тут же исчезла пурпурная искра. Киро расплылась в клыкастой улыбке.

— Тебе понравилось, — проговорила она ничуть не вопросительным тоном.

— Понравилось, — не стал отрицать я.

И отнюдь не только нож в груди Мариуса. Быть партнёром, которого она признала, отцом нашего ребёнка — вот что важнее всего. Равно как и то, что это произнесла сама Киро. Пообещала убить ради меня, чего раньше не делал никто (разве что родители). Без моей помощи, без моих вопросов, нотаций и что она там ещё мне постоянно приписывает.

Она поняла. Смутилась, судя по румяным щекам; протянула руку, чтобы коснуться моей ладони, всё ещё лежащей подле пистолета. Я коротко сжал её пальцы в ответ.

— Жаль, преждевременную кончину моих родственников придется отложить, — наконец заставил себя собраться и вернулся мыслями к делу. Асторны вполне могут подождать. В отличие от маньяка-флориста, доставшего меня до печёнок. — Уже читала отчёт?

— А как же, — ответила Киро чуть мрачно. — Всё как я и думала. Почитай свежую инфу, там весело.

Весело — не то слово.

Хотя я и впрямь рад, что в нашем разношёрстном гнезде имеется свой сидхе. Киро буквально влезла в голову нашего дивного душегуба и, как всегда, проделала отличную работу. Мне бы понадобилось куда больше времени, чтобы соединить эти жалкие хлебные крошки в целую картину.

Джозеф Паркер и Кэйтлин Вуд были пострадавшими в одном из множества дел о подмене: их трёхлетнего сына Чарлза похитили примерно двадцать лет назад. Вполне рядовой случай; разве что клятые феи обычно крадут детей помладше.

Подменыша, оставленного вместо бедолаги Чарли, предсказуемо отдали в Железный Чертог, где он получил новое имя. Дорин Ферра вырос среди таких же брошенных детей; худо-бедно окончил школу, по

пути заимев немало проблем со сверстниками. И сразу после этого точно растворился в воздухе. Но никто его так и не хватился.

Паркер пропал почти два года назад; Вуд — через пару месяцев после него. Никто и не подумал связать эти исчезновения: супруги давно развелись и разъехались по разным городам... Но для Дорина, похоже, время и расстояние не стали помехой. Он добрался до своих неудавшихся родителей, а затем решил свести счёты со своей несчастной школьной любовью — Флоренс Макадамс.

— Злопамятный он малый, этот Дорин, — только и выдал я. И всё же потянулся за сигаретами. — Есть идеи, как его искать?

— Ни жилья, ни страховки, ни контактных данных. парень явно обосновался по ту сторону завесы. Но Адди должна его помнить, — отозвалась Киро, тоже взявшись за пачку и зажигалку. — Если она знает его истинное имя — считай, готовенький. Если нет. ну, придётся навестить мою дражайшую матушку.

Я открыл было рот в замешательстве, но тут же закрыл. Очевидно, речь вовсе не о Соре Хаттари, а о биологической родне Киро.

— Думаешь, она его знает?

— Каэран Мор знает всех и вся, — уверила она, чуть нахмурившись. — И точно поможет. Правда, цену заломит такую, что даже представлять неохота.

Я задумался. Договоры с нечистью — дело заманчивое, но зачастую провальное на корню. Особенно с сидхе. И проблема вовсе не в цене. Нет, они не обманут и даже выполняют свою часть, однако подвохов в том договоре будет предостаточно, и потом пожалеешь трижды, что вообще связался с этой пакостью. Вампиры и оборотни немногим лучше, но по эту сторону Сида хотя бы работает уголовный кодекс и еще целый ворох законов, мешающих обмануть ближнего.

— Сами разберёмся, — решительно заявил я, на что получил задумчивый, но всё же согласный кивок. — Есть у меня пара идей.

— Озвучишь?

— Перед отбытием в Сид ты написала, что без тебя не начнут. И не начали. Но о том, что ты в Сиде, знали только мы с Алеком. Остальные, возможно, тоже, но что-то я сильно сомневаюсь, что кто-то из наших вёл милую беседу с фейри. Ещё знал Тэйн, но его я проверил ещё на первой икебане — тебя тоже, это к моим проблемам с доверием... Наш общий знакомый хоть и тот ещё садовод-любитель, но к ядовитым фейским цветочками отношения не имеет. Остаются только твои сидские приятели. Кто знал, что ты там?

— О, сущие мелочи: всего-то пара-тройка дюжин рогатых рыл, — съязвила Киро чуть сварливо. — Ты прав, ублюдок наверняка

отслеживал мои перемещения, и скорее всего это кто-то худо-бедно знакомый мне. Но вот в чём загвоздка — по ту сторону я. довольно известная личность, и меня знают многие. И даже если сузить круг подозреваемых, оставив там лишь моего дражайшего дядюшку и его так называемый двор, это всё равно толпа народу.

— И кто из этой толпы знал, когда ты вернёшься?

Киро одарила меня странным взглядом, а я вдруг осознал: именно этот вопрос я хотел задать в тот день, когда она рухнула в кусты прямо подле нашего дерева.

Тот, кто знал, когда Киро будет по эту сторону Сида, и есть наш флорист. Теперь я понял это абсолютно точно.

— Киро?

— Это мог быть кто угодно, — отрезала она, как мне показалось, чуть поспешно. — В Сером Доме все знали, кто я такая и куда направляюсь. Подгадать время моего возвращения было не так уж трудно: до Авалона можно добраться лишь одним путём. Место, где лежит подарочек, наш флорист отметил своей магией, а руку славы заклил так, чтобы я смогла найти левый портал.

— Это не мог быть кто угодно, — возразил я, уже понимая, что Киро мои слова не понравятся. — Он знает тебя. Он знал, что ты сорвёшься в погоню и нипочём не повернёшь назад, пока не получишь его подарочек. Знал, что ты будешь преследовать его до конца.

Киро не ответила, лишь побледнела пуще прежнего. Я видел, как в ней борются отрицание, гнев и неизбежное осознание предательства, — и совершенно не представлял, как её утешить.

— Просто покончим с домыслами, — наконец выдохнула она зло. И, вытащив комм из кармана куртки, спешно отыскала нужный номер в списке контактов. — Эй, Адди! Можно тебя на пару слов?

— Только если на пару, — раздался из динамика голос Адоры, насмешливый и чуть усталый. — Дел по glands. Твой друг забегал, озадачил нас новыми детишками.

— Ллей Джорен? Не помню, как его по-нашему... Дориан?

— Дорин, — сообщила она то, что Киро, похоже, и так поняла. — Неудивительно, что не помнишь: он терпеть не может этого имени. Хотя «Ллей Джорен» по сути такая же фальшивка.

— То есть?

— Ну как же! Помнишь историю с мальчиком-ублюдком, которого выдали за законного сына? Знатный был скандал по ту сторону. Его звали Джорен Ллей, и он бы унаследовал титул лэрда, если бы однажды правда не вылезла наружу. Мальчишке повезло, что мать перед смертью успела сбегать его людям.

Киро откинулась на спинку стула, утомлённо прикрыла глаза и с силой растёрла виски.

— Но жить с людьми он не пожелал, верно?

— Неудивительно, — отозвалась Адора. Прозвучало так, словно ей изрядно жаль этого Дорина-Джорена. — Он попал в чертог слишком взрослым; таких детей труднее всего социализировать, особенно если они настолько безропотные, ранимые и. ну, ты знаешь Джорена.

— Вернее, я думала, что знаю его, — поправила Киро, не открывая глаз.

— О чём ты?

— Потом расскажу. Он что-нибудь мне передал?

— Только то, что ты найдёшь его там, где всё началось. Не знаю, что он имел в виду.

Киро, судя по её хмуро-сосредоточенному виду, тоже не знала. Но наверняка дознается.

— Ясно. Спасибо, Адди.

Я не стал спрашивать, о чём говорила Адора и что по этому поводу думает Киро. Просто сгрёб со стола пистолет и поднялся, чтобы взять пальто.

— Мачете у тебя с собой?

Она глянула на меня непонимающе, но тоже поднялась, серьёзная и собранная.

— Зачем?

В твоём феятнике есть сидхе, у которых может отрасти новая голова?

Киро задумчиво постучала по губе подушечкой и указательного пальца, будто и впрямь пыталась вспомнить. Но в итоге, к моему счастью, покачала головой.

— Не припоминаю таких.

— Отлично. Значит, отрубленная к херам башка — всё ещё лучший способ отправить к праотцам кого угодно. Едем, маршал

Хаттари.

— Куда?

— В Ривас-Валли, — ответил я и тут же оценил иронию — именно там Киро вела дело о подмене незадолго до моего появления в Алькасаре. — Там жили Джозеф Паркер и Кэйтлин Вуд, когда им подкинули твоего друга. Начнём оттуда.

«Была Гвар Брэйт, прекрасная зимняя леди, и был Иствин Дэй, могучий зимний рыцарь. Звался он карающим мечом, она же — кровавой десницей, держащей его. Ножи их всегда были остры, уши — глухи к мольбам, сердца — холодны как зимняя стужа, черны как зимняя полночь.

Жесток, свиреп и яростен был Иствин Дэй. Вселял он в жалких людишек страх и трепет, и ни один славный воин Сиды не рискнул бы поднять против него свой клинок. Но встретил он однажды прекраснейшую из зимних дев, и заронила она семя истинного чувства в его душу, дотоле сухую и безжизненную. Росло то чувство, крепло и ветвилось, точно вековое древо, пока не заполонило всё и вся.

“Любые сокровища мира готов я бросить к ногам твоим, моя леди, — молвил рыцарь с невиданным доселе жаром, — взамен прошу лишь сердца твоего”.

“Слова — ветер, — отвечала ему Гвар Брэйт, голос её был глубок и холоден, как озеро среди зимы. — Сколь сильна любовь твоя, меч Зимы? Докажи, что достоин сердца моего, тёмного как ночь и жгучего как лёд”.

Вызов её немедля был принят, ведь иной невесты наш рыцарь не мог и желать. Была та дева среди Зимнего Двора всех прекрасней и всех злей. Не сыскалось бы никого искусней в пытке и мучении, и лютость её посрамила бы любого воителя. Мерзких людишек же один звук её имени повергал в ужас, вынуждал униженно молить о быстрой смерти.

Иствин Дэй извлёк из ножен свой верный меч и принялся разить людишек, без усталости и без разбору. Отнимал он их жизни — десятки, и сотни, и тысячи, — и пряд из них нить волшебства, и творил чары, каких не видали прежде в подлунном мире. Убогая смертная плоть обернулась вдруг плодородной почвой; слезы и кровь — бурной багряной рекой; хрупкие кости и упругие жилы — диковинным садом, какого не сыскалось бы даже в дивном краю сидхе.

“Настолько велика сила моей любви к тебе, — сказал тогда Иствин Дэй, — что целый волшебный край сотворила она из смертной грязи, из соли и пепла, из камня и железа. Мой дар зовётся Неметоном, ибо столь же горек и прекрасен он, сколь и чёрное твоё сердце”.

Кровавый дар зимнего рыцаря был принят ужасной его невестой. Сердце её по-прежнему было тёмное как ночь и жгучее как лёд, но с того мига принадлежало оно лишь Иствину Дэйю

Ибо даже в самом чёрном сердце может расцвести пламенный цветок истинной любви...»

Я сердито захлопнула книгу и с трудом подавила желание вышвырнуть её в окно кара. Будь мы в дурацком кино, мерзкая сказочка непременно содержала бы какую-то подсказку, ключ к поимке маньяка... Но, очевидно, она лишь вдохновила его на икебаны из трупов и прочие нездоровые перформансы.

Думать о флористе как о Джорене упорно не выходит. Всё время крутится где-то на задворках разума глупая надежда, что я где-то ошиблась, что его хитро подставили, что.

— Один вопрос, — начал Люк, покосившись на меня с нечитаемым выражением лица. — Как Иорэт был связан с этим парнем?

— Вполне возможно, что и никак, — угрюмо отозвалась я. — Скорее всего, Джорен крутился рядом с ним лишь для того, чтобы как следует изучить его внешность и создать ложное обличье. Он ведь зеркальщик. мастер иллюзий. И долбанутый ублюдок по совместительству.

— Киро, я понимаю.

— Нет, ты не понимаешь. Восемь лет кряду я не могла разглядеть чудовище рядом с собой! Я верила ему. Защищала его от жестокости Серого двора, вытирала ему сопли и лечила раны; укладывала рядом с собой в постель и утешала всякий раз, как он просыпался в слезах. И вот итог!

— Ты не могла знать.

— Я должна была!

Сокрушенно выдохнула и опустила взгляд. «Алая книга» лежала у меня на коленях, тяжелая и преувеличенно важная в этом строгом багряно-бронзовом оформлении. И в ней чёрным по белому,

типографской краской на мелованной бумаге изложена неприглядная правда.

«...всех прекрасней и всех злей».

— Зато он без труда разглядел чудовище во мне. Кто тут поспорит, когда мне самой возразить нечего? Вот она я, убийца и кровожадная нелюдь.

Люку мой ответ не понравился — он резко ударил по тормозам, отчего меня качнуло вперед. Я невольно глянула за окно. Остановились мы у самой кромки леса Лливелин, мрачного, серого, чуть присыпанного снегом, точно сахарной пудрой.

— А теперь послушай меня, — проговорил Люк строго, — если ты — убийца и нелюдь, то кто же я? Киро, пора расстаться с иллюзиями: мы с тобой оба — тёмные твари, которые не могут не наслаждаться чужими смертями и запахом крови. Но я справился со своей жаждой. И ты справилась. Иначе мы оба стали бы не охотниками, а такими же психами, как твой дружок — маньяк с тягой к составлению сомнительных цветочных композиций. Хочешь ты разбить клумбу в чьём-то мёртвом теле?

— Нет, — пробормотала я после недолгой заминки. — Но порой я поступала немногим лучше, и ты это знаешь.

— Поступала, — кивнул Люк. — Как и я сам, о чём мы когда-нибудь обязательно поговорим. Но сегодня я не знаю человека, фейри, сидхе, полукровки — не важно! — добрее и лучше, чем ты. И не вижу ни одной причины, по которой ты должна брать на себя вину за поехавшую крышу Джорена. Ты не виновата, Киро, запомни это. И никогда больше не смей говорить о себе подобные вещи.

Удивительно, как за эти пару-тройку месяцев всё поменялось: раньше я убеждала его, что не сделала ничего плохого, а теперь он убеждает меня в том же самом. Но даже тогда, едва зная меня, подменыша сидхе с трудным характером и дерьмовым прошлым, Люциан Вернер уже верил в меня больше, чем кто-либо до него.

Грёбанные боги, я и впрямь до одури люблю этого парня. Ума не приложу, что я вообще такого умудрилась сделать, чтоб его заслужить.

Но, как ни тронули меня его слова, сейчас совсем не до выражения любви и благодарности каким бы то ни было способом.

— Да, сэр, так точно, сэр, — буркнула привычно. — Поехали уже, мне не терпится причинить добро кое-кому.

Прохладные пальцы мимолетно коснулись нижней губы, чуть надавили и почти сразу же исчезли, заставив меня немного разочарованно выдохнуть. Но я вдруг осознала, что да — будь я настолько плохой, как воображаю, вряд ли Люк связался бы со мной. Тяга к злодеям свойственна впечатлительным школьникам, а уж точно не вампиру, разменявшему седьмой десяток. И не охотнику на нечисть, за свою жизнь повидавшему столько всякого дерьма, что ни о каком очаровании невиданной зверушкой говорить не приходится.

А вот мои тёплые чувства к Джорену не могли исчезнуть в одночасье — увы, это не так работает. Но появилось неизбежное принятие: он убийца. И точка. Осталось только отыскать последние доказательства. Ну, и его самого.

Даже если я и не виновата в выходках Джорена, положить им конец я обязана. Сегодня. Сейчас же.

Ривас-Валлли тоже припорошило снегом. Таял он, правда, непозволительно быстро, оседая мокрыми каплями на моей куртке и влажными пятнами на пальто Люка.

Я оглядела стройные ряды скучных, прилизанных домишек; машинально нашла взглядом тот, где проживает Миранда Кинни — уже без муженька, отбывшего мотать срок за торговлю детьми, зато с двумя мальчиками. Стивен и Киран. Да, подменыша она назвала в мою честь, и да, я всё ещё жутко смущена этим фактом. Кстати, хорошо бы навестить их...

Не сегодня, понятное дело.

— Нам сюда.

Напоследок сверившись с картой, Люк кивнул на покосившееся крылечко деревянного дома, что стоял чуть поодаль и казался чем-то чужеродным на фоне прочих кукольных домишек.

— Не надо, — мотнула я головой, увидев, как Люк тянется к кобуре, — там никого нет. Я бы почувствовала.

— Предпочитаю перестраховаться.

— Ладно.

Пожав плечами, я толкнула входную дверь — как и ожидалось, не заперто — и, минуя тесную прихожую, оказалась в гостиной. Здесь довольно чисто — ни пыли, ни паутины по углам, — но вид явно нежилой, и вся мебель укрыта мятыми белыми чехлами. Ночью и при свете луны выглядит жутковато.

Кроваво-красный букет в тонкой вазе тёмного стекла стоял на зачехлённом кофейном столике и ярко выделялся на фоне всей этой мертвенной белизны. Невесть с чего по коже прошла волна озноба; передёрнувшись, я тряхнула головой и взяла в руки карточку, что лежала рядом с вазой.

— «...из смертной грязи, из соли и пепла, из камня и железа», — прочла вслух. И тут же досадливо смяла в кулаке этот бесполезный кусок картона. — Что-то как-то поднадоела мне эта викторина!

Люк забрал у меня карточку и задумчиво хмыкнул.

— Из камня и железа. Почему эти слова звучат знакомо?

— Из камня и железа. Там, где всё началось... — повторила я хмуро, силясь ухватить за хвост упрямо ускользающую мысль. И, кажется, мне это удалось. — Я поняла, о чём он! Железный Закон — это зачарованный круг камней.

— Восточный кромлех.

— Он самый.

Догадаться было нетрудно — какой алькасарец не знает место, где величайшие чародеи Запада сотворили Железный закон? Место, где менгиры торчат из земли, словно редкие кривые зубы. А в середине этой щербатой пасти красуется каменная глыба, пронзённая невзрачным, грубо сработанным мечом.

«Из камня и железа», — гласит надпись, выбитая в граните. И стереть её не могут ни дожди, ни время, ни происки подлых сидхе. Ничто.

Восточный кромлех известен всем и каждому, вот только находиться рядом может лишь существо, наделённое силой. Все прочие вынуждены взирать на знаменитый круг камней лишь с почтительного расстояния эдак в полмили.

Кар тоже пришлось бросить у просёлочной дороги — местечко сродни стабильной аномалии, и техника здесь глохнет только так. Благо ночь выдалась ясная. Хотя под ноги смотреть всё равно приходится.

— Такая себе прогулочка под луной, — тихо фыркнула я, в который уж раз едва не запнувшись об какую-то корягу. — Везёт нам вообще: то подвал в кровище, то жуткий чёрно-красный кабак, теперь вот каменюки в глуши... Если не помрём, надо хоть разок сходить на свидание в нормальное место. Для разнообразия.

Время для шуточек тоже такое себе, да. Однако Люк ответил, и его негромкий голос звучал почти что весело:

— Я бы предложил один небезызвестный вэйданский ресторан. Помнится, в нашу первую встречу ты обещала познакомить меня с мамой.

Я усмехнулась чуть нервно. Чувак явно не знает, о чём просит! Моя мама, несмотря на её милое лицо и крошечные размеры, бывает довольно грозной.

— Вот так сразу? А тебе нравится рисковать.

— Чего ни сделаешь ради любви, Майред Мор?

Просто удивительно, как он вечно умудряется поднять мне настроение парой небрежно брошенных фраз. Я даже почти забыла, на кой мы притащились в эту глухомань.

Увы, вскоре пришлось вспомнить.

Джорен стоял, прислонившись спиной к одному из менгиров, и как ни в чём не бывало пялился на звёздное небо. Будто бы вовсе не он отправлял мне жуткие посылочки в виде ядовитых букетов и сопутствующих им трупов. Хотя вряд ли он сам считает их жуткими.

— Майред!

Он поспешил ко мне, лицо его просияло улыбкой. Без золота волос, кожи и рогов Джорен выглядел подростком, долговязым и невзрачным — но эта блеклая наружность сделала его ещё более безобидным, беспомощным и нелепым.

— Майред, — выдохнул Джорен счастливо. Взгляд его был всё равно что удар под дых — он не просто рад меня видеть, я словно заменяю ему весь мир. Даже Люка, напряжённо замершего рядом со мной, он точно не заметил вовсе. — Наконец-то. Наконец-то ты здесь. Я так долго тебя ждал, Майред.

— Ну и дел ты наворотил, Джорен Ллей, — произнесла я, сокрушённо мотнув головой. — Неужели не понимал, что я приду убить тебя? Тебе что, жить надоело?

Джорен беспомощно заломил брови, приоткрыл в замешательстве рот. А я стояла истуканом и, к своему ужасу, не могла представить, как буду его убивать. Это всё равно что со всей дури пнуть бестолкового щенка.

— Разве я не сделал достаточно? — жалобно выдал он. — Я просто хотел быть как ты, Майред! Хотел быть достойным тебя! Я.

— Ты людей угрохал, Джорен, твою ж дивную мать! Я защищаю людей, а не убиваю их!

Джорен вздрогнул и протестующе замотал головой. Слёзы текли по его щекам, а безумие, до того почти незаметное, плескалось в его огромных светлых глазах.

— Всего лишь чудовища, что испоганили мне жизнь, — заявил он, шмыгнув носом. — Я сделал этот мир прекраснее. Для тебя, Майред. Ты должна гордиться мной.

— Джо...

— Ты должна!

— Должна что? — подозрительно глухо поинтересовался рядом Люк, почти сразу же щёлкнув предохранителем. — Что тебе должна Киро, Джорен Лллей?

В имени сидхе заключена вся его сила, вся его суть. Не раз и не два говорила я это Люку, который, кажется, напрочь забыл эту истину.

Или нет?..

Джорен, едва прозвучало его имя, словно осознал наконец, что мы не одни. Лицо его сделалось по-детски обиженным, и было бы смешно, не будь сама ситуация такой донельзя хреновой.

— Почему этот стригой вечно путается под ногами? — бросил он с каким-то чуждым, совсем не джореновским высокомерием. — До чего ж навязчивые твари. поди избавься.

Я никогда не воспринимала Джорена всерьёз. А ведь на сей раз стоило.

Всё случилось за пару мгновений, но мне они показались вечностью, кошмарной пыткой, падением в бездонную пропасть. Лезвие ножа, блеснувшее в лунном свете; влажный звук, с которым металл вгрызается в живую плоть. Дикий ужас и столь же дикая ярость; хруст позвонков и глухой удар тела о каменистую почву.

— О нет, — хрипло выдохнула я, в ужасе глаза то на свои трясущиеся руки, то на кровавое пятно, что неотвратимо расплзлось на груди у Люка. — Нет! Нет-нет-нет!

И только затем до меня допёрло-таки, что вряд ли он стоял бы на своих двоих, будь рана по-настоящему серьёзная.

— Он промазал, — произнёс Люк с таким видом, точно его не пырнул психованный сидхе, а всего-то, не знаю, облаяла брехливая комнатная собачка. Болезненно морщась, он выдернул нож, обтёр о загубленную рубашку и придиричиво оглядел. — Железо? Мать Тьма, этот мальчик просто безнадёжен. Был. Или?..

Определённо «был». Ведь я убила его — без колебаний, без жалости; ровно так же, как убью всякого, кто покусится на моё гнездо. Теперь Джорен лежал ничком у моих ног, таращил в небо пустые глаза, и шея его была вывернута под неестественным углом.

Мёртв-мёртв-мёртв.

Облегчение свалилось кирпичом на мою дурную голову. Как я сама не рухнула наземь бесформенной кучей — в душе не разумею. Наверное, благодаря Люку, который весьма вовремя уложил ладонь на

мое плечо, то ли поддерживая, то ли давая понять — вот он, на самом деле жив, и никакой там ножик ему не страшен.

— Или? — наконец смогла переспросить, когда сердцебиение выровнялось, а в мозгах чуточку прояснилось. — Что не так, Люк? Мы покончили с ним, он больше не...

— Всё не так, — хмуро проговорил он, не дав мне даже закончить фразу. — Он знал, кто я таков и что я такое. И принёс железный нож? Для меня?

— Он мог принести его для меня, — пожав плечами, отозвалась я. И сама себе не поверила.

— Для той, кто была его миром, ради которого он сотворил всё это? Киро, что-то не так. Высокоорганизованные психопаты обычно хладнокровны и последовательны; в поведении этого мальчика не было ничего хладнокровного, последовательного. Мать Тьма, да хотя бы разумного!

Люк склонился над телом Джорена, легонько коснулся его лба пальцами.

— Я уже видел такое.

— Поехавшую фейку? — с сомнением уточнила я.

— Не фейку. Но поехавшую. Так бывает, когда человек пытается бороться с отданным ему приказом. Они всегда пытаются. И никогда не побеждают.

подавив приступ дурноты и судорожно сглотнув, я заставила себя снова посмотреть на Джорена.

На несчастного мальчишку, который считал меня своей защитницей. На друга, которого я убила.

Хотелось бы сказать, что я защитила своё и мне ни капельки не стыдно, да только вот. С беднягой что-то было здорово не так, и он был сам не свой.

Он будто не был собой.

Осознание прокатилось по коже волной ледящего ужаса.

— Люк, нам надо убираться отсюда.

Он снова нахмурился, открыл было рот, но я не дала ничего спросить. Бесцеремонно ухватила его за плечо и потянула прочь — подальше от этого жуткого места, от тела друга, предавшего и преданного. От мерзкого заговора, который теперь казался шитым белыми нитками.

— Не сейчас, ладно? Давай, пошли.

От звучного, весёлого и откровенно недоброго смеха, что раздался позади, у меня чуть волосы дыбом не встали.

— Не так быстро, племянница, — ласково пропел Принц Бастардов, появившийся будто из ниоткуда. Он стоял в каком-то десятке метров от нас, и его холодное прекрасное лицо прямо-таки светилось самодовольством. — Думал, ты умнее. Долго же до тебя доходило, а? Наверняка и не дошло бы, если б не этот твой... питомец.

Я бы, может, и оскорбилась, да только какой смысл? Идиотка и не лечусь. Лишь в одном не ошиблась — бедолага Джорен и впрямь не мог сотворить все эти гнусности. Не в здравом уме. Не по своему почину.

— Серьёзно, Мадок? — изумилась как могла нахально. — Два, блин, года? Ты потратил столько времени и усилий, чтобы сыграть со мной в очередную дебильную игру?

— Что мне те годы? Я бессмертен, — Мадок изящно повёл плечами. Промозглый зимний ветер легонько трепал его длинные волосы и полы тяжелого бархатного плаща. — К тому же было весело! Этот недоумок Ллей Джорен и не понимал, что я пробрался в его голову, пошарил там хорошенько, вытащил наружу все его тайные желания.

— Так это твой дар? Не знала, что ты тоже крысолов.

Мадок зло сощурил глаза, но тут же вернул себе благодушие любящего дядюшки.

— А в кого ещё ты пошла, Майред? В Каэран Мор с её жалкими букашками на посылках? Нет, нет. Твой дар таков же, как мой. Одна кровь, одна суть. — он ненадолго замолчал и затем укоризненно качнул головой. — Вот только мы не ровня, Майред, любовь моя! Зря ты решила иначе. Зря выбрала сторону людишек.

О, ну конечно. Мне решили воздать за — как там вещал дохлый лепреконишка? — все мерзости, что совершила я против своего народа.

Вот только сидхе — не мой народ. И я ни о чём не жалею.

— Людишек? — раздался рядом голос Люка. Я перевела взгляд на него, отмечая, как лениво крутит он в пальцах железный нож. Тот

самый, который совсем недавно вытащил из своей груди. — Тех, за чей счёт вы до сих пор живёте и кормитесь, точно паразиты? Тех, чьего оружия боитесь настолько, что не кажете носа из-за завесы, несмотря на всю вашу могущественную магию?

— Люк, — попыталась я одёрнуть его. Но куда там — мой шеф явно решил, что он владеет ситуацией.

Не владеет. И, кажется, даже не понимает, во что мы оба только что влипли. Во что, по своей глупости и наивности, влипла я.

— Не лезь, Мериг Майред Мор, — оборвал меня он, — дай взрослым поговорить. Что вы здесь забыли. простите, не расслышал вашего имени?

Мадок изумлённо вскинул брови, отчего на идеально гладком лбу мелькнула и пропала морщинка. А затем снова залился смехом.

— Ты слишком дерзок, стригой, — протянул он, отсмеявшись. — На твоём месте я бы не вёл себя столь опрометчиво. Я ведь пришёл не один.

Миг — и за его спиной, точно выйдя из тени, возникла почётная свита. Дюжина воинов-сидхе. Наверняка не чистокровные, но ублюдки, такие же, как я сама. Железный Закон подменышам не страшен, а это значит, Люк тоже в опасности.

Если с собственной смертью я ещё как-то могу смириться, то с его — нет, ни фига подобного.

— Это самозванный Принц Бастардов, и я убила члена его двора, — коротко пояснила, скрестив руки на груди. — Теперь моя жизнь принадлежит ему.

И моя смерть тоже. В том и заключался его план.

Как же всё очевидно задним числом! Да простит меня Джорен, но ему бы мозгов не хватило на такую многоходовку. То ли дело мой холерный дядюшка, умудрённый жизнью социопат, поднаторевший во всяческих подлостях и интригах задолго до моего рождения.

— Я так не думаю.

Ну ещё бы ты думал, маршал Вернер! Да только вряд ли моего дядюшку волнует мнение какого-то там стригоя.

— Не пойми меня неправильно... как тебя там... Лукас? Лорас? Люцерис? Неважно, — отмахнулся Мадок чуть досадливо. — Клянусь Тьмой, моя племянница Майред, эта маленькая злобная мерзавка,

весьма мила моему сердцу! Но увы, она слишком много себе позволяет, и в Сиде ей не рады.

— Ты пришёл за мной, Мадок. Дай ему уйти.

Люк, кажется, был готов самолично прибить меня за эти слова. Принц Бастардов же лишь развёл руками.

— Какое мне дело до твоего ручного стригоя, Майред? Пусть катится на все четыре стороны! Если, конечно, хочет жить.

Само собой, Люк не двинулся с места. Не стоило и надеяться.

— Очевидно, не хочет, — Мадок лениво склонил голову к плечу, разглядывая нас с эдаким снисходительным интересом, словно пару диких зверушек. — Не так уж ты и умён, а, кровопийца? Только идиот станет умирать за смазливую ублюдочную девку. Она того не стоит.

— Она стоит сотни таких, как ты, — возразил Люк с обычной своей невозмутимостью. — Но умирать я не планирую. Не сегодня.

Я ждала выстрела — в Мадока или в одного из его лизоблюдов. Приготовилась сама. Щёлкнула предохранителем, стиснула пальцы на рукояти мачете. Ждала, пока они нападут, потому что обороняться всегда немного проще, чем нападать.

Но выстрела не было.

Тонкая сталь со свистом прорезала воздух. Сгустившийся, тяжёлый, такой.

Ловите, ваше высочество.

Этот голос я уже слышал прежде. Низкий, жёсткий, пробирающий до костей. Нечеловеческий. Не Люка, которого я люблю до безумия, но сына могущественной темной ведьмы и наследника могущественного вампирского гнезда.

Вопреки ожиданиям, нож не вонзился Мадоку в глаз.

Не в том был замысел — это я осознала, когда Мадок резко вытянул руку и ухватил лезвие голый ладонью. Под ноги ему тут же закапала кровь.

— Тебе больно, Мадок, самозванный Принц Бастардов?

Я вдруг поняла, что едва могу стоять — настолько мощной оказалась исходящая от Люка магия.

Тёмная, сильная, пригибающая к земле. Такая, что я и сама готова ответить на любой его вопрос.

— Д-да, — выдавил мой дорогой дядюшка сквозь плотно стиснутые зубы.

— Да?.. — переспросил Люк, даже не поменявшись в лице.

Мадока всего перекосило — не от боли, но от дикой, необузданной ярости. Клянусь, он бы разорвал нас обоих голыми руками, если б только мог.

Но он не мог. Он себе больше не принадлежит.

Два крысолова не могут заклать друг друга — таково правило. Однако Люк это правило каким-то чудом обошёл. Или же его Приказ стоит выше правил.

— Да, м-мастер, — наконец прокрипел Мадок, бессильно выдохнув.

Воины, обнажившие было мечи, во все глаза уставились на своего принца; ужас на их лицах боролся с явным презрением. Даже если бы Мадок пережил эту ночь, его репутация была бы уничтожена: ведь сидхе не прощают слабости.

Сидхе не прощают. Точка.

Вампиры, как выяснилось, тоже.

На лице Люка проступили чёрные вены; радужки вспыхнули двумя алыми огоньками в непроглядной тьме глаз. Ужасен. Ровно настолько же, насколько прекрасен. И могуществен ничуть не менее, чем любой из сидхе.

— Ты должен пронзить им своё сердце — пусть тебе будет еще больнее. Таков мой приказ, Принц Бастардов.

Принц сопротивлялся как мог, пытался отбросить смертельное для него оружие. Но магия Люка была сильнее. Она заставила Мадока развернуть нож острием к груди, прорезать богатые одежды и медленно, едва не по миллиметру вогнать его прямо в чёрное сидское сердце. Отравляя, убивая, стирая с лица земли того, кто считал себя умнее и лучше прочих.

И вот Сэридуинн Мадок Бэл, одиозный лэрд Приграничья и самопровозглашённый принц, наконец-то мёртв. А значит...

Мой истеричный смех разнёсся над Восточным кромлехом. И глупые лица воинов-сидхе ничуть не помогли с ним справиться.

Они поняли, что меня так развеселило. О да, поняли. И их возмущению не было предела!

— Невозможно! Неслыханно!..

— Зимний Двор не потерпит!..

— Но Приказ Короля.

— Со всеми ему не справиться. Он же просто жалкий стригой! Получеловек!..

— Омерзительно!..

Выстрел заставил их умолкнуть. Сидхе шарахнулись в разные стороны, когда самый горластый из них рухнул наземь, получив пулю. Не железную, правда, но с пробитой головой оно уже как-то без разницы.

— Ещё кто-нибудь хочет поговорить? — осведомилась я, не опуская пистолета. — Нет? Славненько. Если хотите пожить ещё немного, самое время преклонить колено перед вашим новым лэрдом!

Если бы взглядами можно было орудовать как мечом, дырок бы во мне было как в решете. Будь их воля, ублюдки сожрали бы меня живьём. И нет, это не фигура речи! Однако всё, что они могли, это согнуть спины и распластаться на холодном камне, пачкаясь в крови своего дохлого дружка.

Я убрала пистолет в кобуру и повернулась к Люку — на сей раз он, как ни силился, не смог скрыть удивления, неверия и замешательства.

— Тир-на-Ног ваш, — кротко сообщила я и тоже поклонилась — только, в отличие от злющих феек, совершенно добровольно. И, не удержавшись, со смешком прибавила: — Сэр.

— Мне не нужен Тир-на-Ног, — сообщил Люк, сумев наконец справиться с собой. Он не был бы собой, если бы не справился. — Но.

Он прошёл вперед, ступая по древним камням, напрямик к распростёртому телу Мадока,

— так уверенно, будто прямо сейчас мы не окружены врагами, готовыми наброситься на нас при любом неверном движении. Склонился над покойным Принцем Бастардов, вытащил из его груди нож, подбросил его в ладони и с размаху вогнал в гранитную глыбу.

И вновь железо победило камень. Вопреки всему.

— Пришла пора пересмотреть старые законы.

— Сделка? — с некоторым предвкушением поинтересовался тот сидхе, что замер подле своего собрата с пробитой башкой. — Ты предлагаешь нам сделку, стригой?

— Я уже заключил однажды сделку с сидхе, — отозвался Люк. Глянул на меня, ухмыльнулся, сверкнув острыми клыками. — Единственной она и останется. Так с кем тут можно обсудить детали?

Эпилог

Ни один человек не может сравниться с сидхе. Ни в красоте — ослепляющей, потусторонней, — ни в силе, превосходящей любую человеческую магию. Ни даже в умении играть на скрипке.

Во всём этом я уверен абсолютно точно — потому что сам был очарован и первым, и вторым, и третьим. Иначе не стоял бы столбом посреди площади средь бела дня, присыпанный мокрым западным снегом. Не слушал бы музыку, льющуюся из-под пальцев моей собственной прелестной сидхе, чьё имя я готов произносить каждую секунду своей бессмертной жизни. Киро Хаттари, Майред Мор — ей не нужна никакая другая сила, лишь скрипка и смычок, чтобы привлечь к себе всякого, кто просто решил прогуляться по алькасарским улицам.

— Развлекаетесь, ваша светлость? — раздался рядом мягкий женский голос.

Мама, как всегда красивая, в ослепительно-белом пальто, какое не всякая женщина на Западе отважится надеть в такую погоду, подошла ко мне, держа Рэна за руку. Во второй ручке он держал ломтик груши, в который то и дело вгрызался маленькими острыми зубками.

— Я сложил корону, — напомнил я, взяв с протянутой картонной подставки стаканчик кофе. — Спасибо.

— Асторны не в восторге, — насмешливо поделилась мама.

Будто я сам не знал! Наверняка уже вообразили, как потеснят сидхе в Тир-на-Ног и смогут задирать носы до самой Шестой Эры. Даже дядюшка Мариус весьма вежливо разговаривал со мной по комму (очевидно, не отважившись лично навестить нас с Киро), пытался пригласить на стаканчик свежей крови к лорду Грегору... Ровно до того момента, как я не без удовольствия поделился, что ждать Асторнам Тир-на-Ног во владениях до пришествия всех трёх богов.

Да, я злодейски разрушил сладкие мечты родственничков о власти над Приграничьем Сиды. Потому как от титула лэрда отказался — и, признаться честно, сделал это с радостью.

Разумеется, отказался не просто так, но на своих, максимально выгодных условиях.

Тринадцатого января, в триста двадцать шестой год Пятой Эры был заключён Пакт Камня и Железа — договор между сидхе и людьми. Больше никаких краж младенцев, никаких долбанных икебан и вообще никакого вреда людям по эту сторону завесы.

Лэрды подписывали договор, скрипя зубами от злости — но, по правде говоря, они бы согласились на что угодно, лишь бы Тир-на-Ног — пограничная зона, мост между мирами

— не попал в руки полувампира-получеловека. Однако они его подписали, и это огромный шаг на пути к новому, безопасному Западу.

Разумеется, я не тешу себя мыслью, что эта система начнёт работать с первых дней своего существования. Однако мы с Киро выбили неприкосновенность для охотников — по обе стороны завесы! — и обязали лэрдов сотрудничать в поимке преступников, нарушивших договор. Многого можно сказать об ушастых гадах, но слово своё они держат.

Итак, у нас есть сделка.

А Асторны могут сколько угодно костерить нас с Киро последними словами, проклинать и даже присылать гневные письма. Мне нужны всего два сидхе, а не целый грёбанный феятник с его двинутыми обитателями. В конце концов, я получил то, что важнее всего для вампира

— своё гнездо, семью и тех, с кем я проведу остаток жизни, сколь бы длинным или коротким он ни был.

И нет, абсолютно неважно, что то самое гнездо — ну, вернее, наше жилище — моя дражайшая маменька раскритиковала ровно в тот же день, как приехала и увидела, где мы с Киро собрались воспитывать теперь уже официально нашего с ней сына. Почти сразу же обложила лофт кучей защитных заклинаний, осмотрела наш дом на предмет острых углов и незапертых шкафов, сама взялась обустраивать детскую... В общем, занялась всем тем, что положено делать приличным бабушкам, даже если они немножко могущественные тёмные ведьмы. И это она ещё приехала без отца, который — слава всем богам, что имеются в нашем мире! — успел отправиться в свой тур по республике и собирался навестить нас только через месяц.

Воистину, вампиры страшны в своей заботе. А ведь есть ещё Алек, парочка Блэков, Чарли и Юми. Попробуй уследи за всеми, чтобы вконец не избаловали мне ребенка!

Мелодия сменилась внезапно. Ускорилаь, зазвучала на два голоса. Играть на скрипке в две руки не способен даже самый волшебный сидхе, и я присмотрелся внимательнее.

Со стороны фонтана к Киро приблизился незнакомец в поразительно старомодном бархатном сюртуке, то ли вытащенном из древнего шкафа, то ли украденном из местного театра. Этот тип играл и вполовину не столь умело, как Киро, — с соблюдением гармонии, точно в ноты, безусловно талантливо, но так, будто не чувствовал уверенности в инструменте. Он абсолютно точно хотел удивить мою девушку, понравиться ей, а может, даже научиться её трюкам. А заодно склеить её и затащить. прямиком в своё гнездо.

Нет, да быть того не может!

— Мама, только не говори мне, что.

— Прости, я правда пыталась отговорить твоего отца. Даже грозилаь подать на развод, если тот приедет. Но, кажется, он перестал в это верить.

Ну, зная, сколько раз мама обещала ему развестись, немудрено, что отец не принимает эти угрозы близко к сердцу.

— Он нас достанет.

— Ага, — со вздохом согласилась мама. Но, вручив мне Рэна, захлопала отцу и Киро вполне искренне.

Они закончили спустя пару минут, и в этом соревновании отец явно не вышел победителем. Вот играй он на своём рояле... Впрочем, блистательный — по его мнению и по мнению трепетных девиц, что собрались на площади, — Роберт Асторн ничуть не расстроился. Раскланялся перед Киро, эдак по-хозяйски ухватил за плечи и потащил к нам. Тв сопротивлялась и пыталась стряхнуть его руку, да только куда там — несмотря на внешность эдакого малахольного аристократа, хватка у отца ещё та.

— Люк, я не знаю, что этому.

— Знакомься, Киро, — проговорил я, с трудом удержавшись, чтобы не закатить глаза, — Роберт Асторн. Несостоявшийся наследник крепости, родной сын лорда Грегора и мой отец.

— А ещё я несостоявшийся отец принца фей, — укоризненно пожурил меня папа, отпустив наконец Киро.

— Пап, только ты не начинай. Мне хватило воплей Мариуса. И что ты вообще здесь делаешь, ты должен быть в Вэйде!

— Должен, но меня там нет, — манерно отмахнулся папа. — Вэйда может подождать меня еще пару дней, а вот мой внук — нет. Как вы могли не позвать меня на свою свадьбу? Не привезти ко мне моего внука! А лично ты, — в плечо уткнулся длинный палец, — не познакомил меня с этим чудесным созданием! Как ты мог?

— О, Тьма, — застонала мама. А вот Рэн вдруг звонко рассмеялся — очевидно, дедуля Роберт понравился ему с первого взгляда.

У мальчишки вообще нездоровая привязанность к вампирам — Маки и Эллиот не дадут соврать. Они единственные из множества новообретенных нянь избежали обид и капризов вредного малыша.

— Не было никакой свадьбы, — смущенно отозвалась Киро, заправив за ухо прядь темных волос. — Просто расписались, чисто формальность, чтобы Рэн был нашим общим ребёнком. Мы с Люком.

— Да-да, совсем не любите праздники, гостей, даже родственников! А ведь мы могли устроить чудесный вечер. Помнится, в Гарднер-холле был прекрасный рояль, я играл на нём несколько лет назад. Но мой сын и его мать такие скучные, что я до сих пор удивляюсь, как мы могли стать родственниками.

— А уж я-то как удивляюсь, — проворчала мама. Но стакан кофе своему супругу заботливо вручила и даже приветственно поцеловала его в щеку. — Оставь детей в покое. И ничего не знаю про Гарднер-холл, но у прелестной Соры-суан в ресторане есть неплохой клавесин вэйданской работы.

— О, правда? Мне уже нравится эта женщина! Кстати, а кто это?

— Мать твоей невестки. Прости, я не сильна в этих родственных связях, так что.

— Так что неважно, — заключил папа. — Главное, чтобы там были люди, ценящие искусство. Там ведь будут люди? Киро, ресторан твоей мамы популярен?

— Как иначе, когда у нас лучший ресторан в Вэйда-тауне? — тут же возмутилась Киро. — Обижаете, мистер...

— Папа.

— Э-э...

— Ну хотя бы Роберт! — потребовал он и тут же картинно прижал руку к груди. — О, Люциан, только самый ужасный на свете сын будет прятать от родного папы такое сокровище! А ты, моя дорогая Киро,

просто зарываешь свой талант в землю! Бросай это гиблое место, я сделаю из тебя новую звезду Антеарры!..

Я не выдержал и прикрыл глаза ладонью. Киро, судя по выражению лица, подумывает сбежать из страны, и мне даже сложно винить её за это. Рэн, однако, снова залился счастливым хихиканьем и даже хлопнул в ладоши пару раз — вот кто явно углядел в новоиспечённом дедушке родственную душу.

— Она и так звезда, — сообщил я, передавая Рэна отцу, чтобы унялся хоть немного. Не Рэн

— отец. — Моего управления, так что попрошу не лишать меня лучшей охотницы. Киро, прости, я планировал вас познакомить лет так через десять. Или позже.

— Чувак, расслабься, я воспитываю его младшую копию, — фыркнула Киро, любовно глядя на радостное воркование нашего сына с его сиятельным дедушкой, напрочь позабывшим обо всех остальных. — Теперь хоть понятно, что нас ждёт, когда мелкий крыжовник вырастет во взрослый кустик.

— Да, он захватит мир под звуки вэйданского клавесина, — поделился я перспективами, которые вовсе не кажутся такими уж несбыточными. И повернулся к маме. — Я так понимаю, в ресторане нас уже ждут?

Она с усмешкой кивнула.

— Сора-суан вместе с этим вашим котиком всё устроили.

— О Тьма.

С другой стороны, не так уж и плохо всё вышло. Очередной враг мёртв, Железный закон всё равно что переписан, а я. Я счастлив как никогда.

Когда звучит твоя песня крови, по-другому просто не может быть.

Конец